

Анджей Мисюк

СПЕЦСЛУЖБЫ ПОЛЬШИ, СОВЕТСКОЙ РОССИИ и ГЕРМАНИИ

Организационная структура
польских спецслужб
и их разведывательная
и контрразведывательная
деятельность в 1918-1939 годах

Анджей Мисюк

СПЕЦСЛУЖБЫ ПОЛЬШИ, СОВЕТСКОЙ РОССИИ и ГЕРМАНИИ

Организационная структура
польских спецслужб
и их разведывательная
и контрразведывательная
деятельность в 1918–1939 годах

Крафт+
Москва
2012

УДК 821.162.2-31
ББК 84(4Пол)
М 65

Переводчик выражает благодарность
вице-президенту ФК УРАЛСИБ В.К. Ваевскому
за содействие в издании книги

Перевод с польского В.С. Живодерова

Мисюк, Анджей

М 65 Спецслужбы Польши, Советской России и Германии:
Организационная структура польских спецслужб и их раз-
ведывательная и контрразведывательная деятельность
в 1918–1939 годах / Анджей Мисюк. – М.: Крафт+, 2012. –
272 с. – ISBN 978-5-93675-201-8

В монографии польского ученого Анджея Мисюка под-
робно описываются организация польских спецслужб в
1918–1939 годах и направления их деятельности, а так-
же применявшиеся ими методы и формы работы. Осо-
бое внимание автор уделяет их подрывной деятель-
ности против России, мерам советских органов
безопасности по противодействию им, достигнутым
спецслужбами Польши оперативным результатам и до-
пущенным провалам в разведывательной работе.

В книге широко используются материалы польских
архивов, что непременно вызовет огромный интерес чи-
тателей к этой работе.

ISBN 978-5-93675-201-8

© Мисюк А., 2012
© Живодеров В.С., перевод,
2012

От переводчика

Предлагаемая читателю книга – монография польского ученого Анджея Мисюка – представляет собой научное исследование, достаточно подробно раскрывающее организационные структуры основных польских специальных служб, их методы и формы работы, а также направления деятельности в 1918–1939 годах. В ней речь идет о военных специальных службах (военной разведке и контрразведке), спецслужбах в системе структур охраны границ Республики Польша (разведывательные органы Корпуса пограничной охраны и Пограничной службы) и политической контрразведке Государственной полиции.

Автору удалось с помощью проделанного огромного труда по изучению польских архивных материалов восстановить организацию работы вышеуказанных спецслужб с момента их зарождения до нападения фашистской Германии на Польшу в 1939 году. В книге воссоздана картина дислокации подразделений разведки и контрразведки на территории РП, их кадрового и количественного состава, результативности осуществляемой работы по глубокой и неглубокой разведке против советской России, Германии и ряда других стран, а также борьбы с антигосударственной деятельностью и шпионажем в этот период. Наряду с этим в указанной работе уделяется большое внимание проводимым в польских органах безопасности реформам и реорганизациям в межвоенный период.

В книге хорошо показаны особенности проведения оперативной деятельности рассматриваемых спецслужб и применяемых ими методов и форм. Наиболее ярко и предметно эта работа описана в части, касающейся деятельности военной разведки, которая была в тот период самым элитным подразделением, пользовавшимся большим авторитетом у маршала Пилсудского и правительственных кругов Польши. Наряду с осуществлением разведывательной и диверсионной деятельности за границей военная разведка активно занималась реализацией в жизнь планов Пилсудского по проведению прометейской акции на территории советской России. Ее суть состояла в разжигании националистических и сепаратистских настроений у малых народов и в расчленении СССР.

Благодаря мастерскому изложению автором материалов о работе польских спецслужб и сопутствующей описываемому периоду политической обстановки книга заинтересует не только историков и специалистов в области разведки и контрразведки, но вызовет большой интерес у всех читателей, увлекающихся этой тематикой.

В.С. Живодеров

Вступление

В XIX веке прусский генерал Карл фон Клаувиц сформулировал известную мысль: «Война является не чем иным, как продолжением политики иными средствами». Ведению как успешной политики, так и войны сопутствует деятельность разведывательных служб. Политика государства – это не только дипломатия, но и деятельность правительства и парламента. Успехи на поле сражения зависят не только от военной силы армии. В большой степени результативность политических и военных действий решает эффективность работы специальных служб (разведки и контрразведки).

В словаре польского языка «wywiad» (разведка) имеет несколько значений, но определяющим является: «Один из способов стратегической разведки, основывающейся на сборе сведений за границей о данной стране; организация, институт, добывающий эту информацию; реже следственная служба на территории собственной страны». Более подробное же определение формулирует В. Козачук: «Сумму усилий государства для добывания необходимой информации о секретных сторонах жизни иного государства обычно называют разведкой. Необходимая информация для правительства добывалась специализированным государственным институтом, называемым разведывательно-информационной службой (органом, отделом). К задачам информационно-разведывательной службы относятся не только выяснение военного потенциала противника, но также борьба с иностранной разведывательной и диверсионной деятельностью на собственной территории».

Цитируя французскую инструкцию, составленную для разведывательных органов в начале XX века, можно сказать, что целью специальных служб является попросту «поиск информации». Однако с учетом вида информации, разыскиваемой разведывательными органами, применяются специальные методы и формы деятельности, главной чертой которых является «секретность». К методам, применяемым специальными службами, следует причислять: агентурную разведку, наблюдение, прослушивание телефонов, секретный просмотр корреспонденции, дешифровка радиосообщений, диверсия, саботаж и т.п. Среди них первоочередную позицию занимают услуги «личных источников информации», или попросту осведомителей, агентов, разведчиков или шпионов. Ценность этих секретных сотрудников всегда была высокой. «Воистину, шпионы обладают чудесной силой, и нет такого обстоятельства, в котором они не могли бы быть использованы», – утверждал за

пять веков до нашей эры китайский военный классик Сунь Цы. Конфиденты* использовались органами военной разведки и контрразведки, информационной службой структур охраны границы, политической и криминальной полицией. Они были в большинстве случаев гарантией успеха указанных специальных служб, деятельности которых придавалось большое значение с древнейших времен. Большая потребность в надежной информации была в мирное время, но еще больше в ней испытывалась нужда в ходе войны. Уже Полибуш, хронист Ганнибала, писал: «Только невежда и слепец в области руководства армиями может размышлять о том, что есть что-то важнейшее, чем познание склонностей и характера своего противника». Капитан Цариас, знаток проблем специальных служб, констатировал, что Наполеон избежал бы поражения под Ватерлоо, если бы располагал в своем штабе соответственно подготовленной разведкой. Согласно мнению профессора В. Токажа, только в результате упущений польской разведывательной службы стала возможной переправа Паскевича через Вислу в 1831 году, во время ноябрьского восстания.

Кроме выполнения задач наступательной разведки, специальные службы защищают государство от деятельности иностранных разведок, обеспечивают охрану границ и осуществляют внутреннюю безопасность государства. Поэтому также во многих странах значение и роль специальных служб имеют характер социологического феномена, а сотрудничество с этими службами для каждого гражданина является наградой и гражданской обязанностью. «Для англичанина Интеллидженс сервис** является Проведением со времен Георга III, когда был создан этот серьезный и одновременно огромный институт. Он существует более 200 лет и никогда не подводил. Англия могла проигрывать битвы, совершать дипломатические ошибки, бросать миллиарды в пропасть торговой конкуренции, но всегда выходила из каждой ситуации с выгодой для себя. В решающий момент, в наиболее отчаянном положении всегда наступали неожиданные изменения: революция у неприятеля, предательство его генералов, неуклюжесть его дипломатии, банкротство его торговли. В то же время эти изменения были подготовлены заранее. Целая тайная армия, в рядах которой были рядом друг с другом герцоги, пэры, портовые рабочие, махараджи и нищие, работала над ними многие годы. Если бы можно было узнать, сколько военных, дипломатических и финансовых Ватерлоо выиграно секретно ото всех».

* Конфидент – осведомитель, информатор.

** Разведывательная служба Великобритании.

По-иному понимается роль специальных служб в тоталитарных государствах, особенно в советской России. Достижение определенных целей во внутренней и внешней политике представители коммунистического государства рассматривали непосредственно в зависимости от результативности деятельности собственной разведки и контрразведки. Поэтому характерной чертой этих институтов в России было также соединение разведывательных вопросов с проблемами, находившимися в компетенции органов политической полиции. В деятельности специальных служб просматривалась фетишизация значения работы и ее результатов для безопасности государства. Поиск врага любой ценой, постановка знака равенства между внешним врагом и политическим противником внутри государства (оппозицией) стали целью каждого руководителя институтов, ответственных за безопасность советского государства. Подобное явление имело место и в гитлеровской Германии.

В то же время во II Республике отношение общества к отечественным специальным службам было особенным. Оно не питало к ним уважения. Большое влияние на это имела национальная традиция. Отдельные захватчики очень часто пользовались полицейскими методами (конфидентами) в борьбе с польским национально-освободительным движением. Это приводило к созданию в сознании поляков символа ненавидимого агента царской охранки или польской секретной полиции. Поэтому когда II Республика возродилась после многолетней государственной зависимости, сотрудничество с разведывательными службами, в том числе и собственными, не являлось поводом для гордости и неоднократно было использовано в политической борьбе в целях очернения противников.

В январе 1927 года в «Голосе правды» появилась статья В. Стпичыньского под знаменательным заголовком – «Воеводский посланник в роли нового Азефа». Тогда был предан огласке тот факт, что один из лидеров Независимой крестьянской партии С. Воеводский являлся работником II Отдела Главного штаба в национальном реферате. Этот скандал закончился заседанием в маршалском суде. В другой раз, в ходе польско-советской войны, противники Юзефа Пилсудского обвинили заместителя руководителя II Отдела Министерства военных дел капитана Кароля Полякевича в связях с коммунистами. Начатое расследование не подтвердило обвинения, однако руководитель II Отдела полковник Богуслав Медзиньский должен был уйти в отставку. С другой стороны, после майского переворота считалось, что стаж службы в военной разведке явля-

ется превосходным стартом для политической или управленческой карьеры в санационной Республике. Особенно претенциозно оппозиция оценивала роль и влияние II Отдела Главного штаба на политическую и государственную жизнь II РП. Согласно Т. Новиньскому, работнику предвоенной «двойки»:

«С мая 1926 года, и прежде всего с 1930 года, II Отдел был только формально рабочим органом Главного штаба, как бы включенным в его организационные рамки. В действительности под этим военным флагом ему выпала роль и задача успешной организации, действовавшей в масштабе всего государства... Таким образом, начальник Главного штаба только теоретически распоряжался II Отделом, а его результатами пользовался Генеральный инспектор Вооруженных сил». В действительности II Отдел во главе с его шефом полковником Тадеушем Пелчыньским и руководителем Разведывательного отдела полковником Стефаном Майером был конспиративной организацией МИДа и реализатором приказов министра этого ведомства – Юзефа Беца и его клики. В польской послевоенной историографии проблема специальных служб II РП представляется односторонне. Большинство историков не предавало значение вопросу влияния деятельности этих служб на ход событий в истории внутренней и внешней политики государства.

После 1944 года в отечественной историографии все больше начал доминировать марксистский подход к истории, что повлияло на выбор исследовательской проблематики, методологию и интерпретацию исторических явлений и событий.

Наука стала активно заниматься исследованием истории рабочего движения, много внимания уделялось общественной и экономической истории, классово-борьбе. В так понимаемой исследовательской программе не было места для представления полицейского института, военной разведки и специальных структур охраны границы объективным путем. Ученые пользовались только архивным наследием этих институтов в целях раскрытия уровня репрессий и инвигилиации прогрессивных политических и общественных движений. Юзеф Лавник в своей работе «Полицейские репрессии в отношении рабочего движения в 1918–1939 гг.» отметил: «Направление политики государственных властей в отношении рабочего движения и ее реализация органами безопасности в отношении партий и организаций как легальных, так и нелегальных будут существенным вкладом, дополняющим образ тогдашней борьбы рабочего движения».

В то же время на Западе проблематика организации и деятельности специальных служб постоянно пользовалась большим интересом историков. В Великобритании, Франции и Соединенных Штатах появилось, кроме воспоминаний работников специальных служб и популярных работ, много научных монографий и даже трудов, представляющих организацию и деятельность разведывательных органов в большом временном интервале. Со временем в Польше также стало появляться больше литературы, касающейся военной истории Польши межвоенного периода. О различных аспектах деятельности военных институтов писали: Л. Гросфельд, Е. Жепецкий, М. Вжосек, М. Лечык, Е. Кравчик, Д. Вожчынський, П. Ставецкий, М. Кукель, Е. Козловский, С. Хербст, С. Ферет. Вопросы, касающиеся военных разведывательных служб, однако, дождалась своей очереди только в начале 1970-х годов благодаря В. Козачуку и Л. Гондку. По понятным причинам интересы историков ограничивались только польско-немецкими разведывательными вопросами. В это же время появились две монографии, написанные Х. Доминичаком, касающиеся функционирования структур, охранявших границу II РП (КПО и Пограничная служба). Несмотря на то что разведывательные задачи становились одной из главных функций этих двух институтов, в опубликованных тогда работах не было достаточно полного их отражения.

В то же время в начале 1980-х годов разработки дождалась проблематика, связанная с организацией и деятельностью политической полиции во II РП. Публикации А. Пеплоньского, Х. Копчыка, Е. Ядаха позволили сформулировать объективную оценку деятельности полицейских служб в межвоенный период. Несмотря на это профессор Р. Вапиньский в 1991 году на страницах «Политики» отметил, что документальное подтверждение истории государственных институтов Польши (в 1918–1939 гг.) по-прежнему желает большей заинтересованности историков. «Наше познание о государственности II РП является весьма дефективным». Здесь постоянно не хватает информации о механизмах создания и развития отечественной государственности на всех организационных уровнях. Прежде всего, это касается всех органов, занимавшихся охраной внутренней и внешней безопасности.

Темой настоящей монографии является представление организации специальных служб во II Республике. Сбором информации, имеющей важное значение для безопасности государства, занималось несколько институтов. Они стали объектом моего исследовательского интереса. Сотрудники этих инсти-

тутов получали сведения особого вида с помощью использования специальных методов, называемых часто в профессиональной литературе «оперативными». Я не собираюсь представлять популярную версию деятельности отечественных разведывательных служб, тем более, создавать их кинообраз. Передо мною была поставлена задача раскрыть принципы и механизмы функционирования органов специальных служб на фоне иных институтов. Одновременно я старался показать специфику деятельности отдельных служб, вытекающую из их положения в структуре государственных властей. Наконец, самый важный вопрос – представление масштаба влияния деятельности специальных служб на направления внутренней и внешней политики очередных правящих команд во II РП. Временные границы работы естественным образом обозначают, с одной стороны, момент создания польского государства в 1918 году, а с другой – падение II РП в 1939 году в результате немецкой и советской агрессии. В то же время внутренние границы раскрывают реорганизацию отдельных специальных служб и майский переворот в 1926 году – единственный политический факт, который имел решающее значение для организационной и кадровой формы большинства государственных институтов межвоенной Польши.

Работа состоит из трех частей, отличающихся как по объему, так и по внутренней структуре. Первая часть является самой обширной. Она посвящается организации и функционированию органов военной разведки и контрразведки. Здесь представлена организация разведывательных служб в период вооруженной борьбы за территориальную форму польского государства, т.е. в 1918–1921 годах, организационная структура Разведывательного центра (II Отдела Главного штаба ВП), а также филиалов неглубокой и глубокой разведки и контрразведки на территории страны и за границей. Большое место занимает описание направлений и форм деятельности военной разведки. В заключительной главе этой части излагается материал о международном сотрудничестве II Отдела. Вторая часть монографии состоит из двух глав, в которых представлены генезис и развитие разведывательного сектора в структурах охраны границ – в Корпусе пограничной охраны и Пограничной службе. Отдельное место в работе (третья часть) занимает вопрос функционирования гражданских органов политической контрразведки (политической полиции) в межвоенный период. Я сосредоточил внимание на организационной эволюции и на роли этого вида специальной службы в обеспечении внутренней безопасности государства.

Основной базой источников монографии стали архивные материалы, которые изучались в девятнадцати архивах. Следует отметить, что в целом материалы, касающиеся деятельности отечественных специальных служб, находятся в разрозненном виде и в большей степени в некомплектном состоянии. Это результат бурной истории документального наследия II Отдела, КПО и Пограничной службы. Документы часто использовались в целях, не имеющих связи с наукой, в первую очередь властями безопасности III Рейха, а позднее подобными советскими органами и ПНР. Согласно последним данным Марьяна Войчеховского, в российских архивах (КГБ) по-прежнему находятся отдельные документы территориальных органов II Отдела и Государственной полиции.

Другим вопросом является то, что архивы, сосредоточенные в Центральном архиве МВД и Архиве Пограничной службы, были недоступны для историков, исследовавших межвоенный период. Только в 1989 году начался процесс передачи этих документов в государственные архивы, но, однако, пройдет еще много времени, прежде чем будет разработано архивное пособие, позволяющее полностью использовать содержание этих материалов историкам.

Особое значение имеет архивный комплект II Отдела (около 6 тыс. архивных единиц), который в настоящее время находится в Центральном военном архиве в Рембертове. Его содержание, основательно исследованное учеными, может расширяться, а в некоторых случаях позволить подвергнуть пересмотру определенные взгляды, господствовавшие в историографии межвоенного периода.

В ходе анализа архивных источников пришлось столкнуться со сложностью специфики оперативных материалов, составляющих большую часть документального наследия разведывательных служб. Следует полностью согласиться с мнением Р. Геллеса, что «особые требования конспирирования разведывательной работы привели к тому, что наряду с тем, что, возможно, могло сохраниться в архиве в виде той или иной записи, оказалось в такой типичной системе, которая функционировала внутри разведки и не подлежала никакому внешнему контролю, и потому не было зафиксировано в никакой форме. Они выражались только в устных сообщениях и обороте приказов, информации, отчетов, донесений и т.д. Именно по этой причине полная реконструкция событий иногда является исключительно затрудненной или невозможной, а чаще всего можно говорить только о познании фрагментов или эпизодов этой специфической формы борьбы на тихом фронте».

Существенное значение имело также отсутствие публикаций рассказов и воспоминаний работников военной разведки, находящихся в Военном историческом институте. Тот факт, что они в большинстве случаев были написаны еще в ходе войны на чужбине, наложил на них отпечаток сентябрьского поражения. Тем более, серьезной критики требуют достаточно многочисленные публикации мемуарного характера, вышедшие после войны в эмиграции. В то же время их нельзя обойти, так как они являются прекрасным дополнением к архивным материалам. В своей работе я уделил внимание также отечественной эмигрантской литературе, которая хотя и не касается непосредственно деятельности специальных служб, но, однако, представляет сущность политических событий (внутренних и международных), происходивших в межвоенный период. Попытка представления организации и деятельности каких-либо специальных служб в условиях, когда нет намерения создавать легенды и фальшивые мифы, является в определенном смысле поразительной игрой, основывающейся на составлении образа из очень мелких элементов, в которой сразу видно, что некоторые его фрагменты не удастся открыть.

ОРГАНЫ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ И КОНТРАРАЗВЕДКИ ВО II РЕСПУБЛИКЕ

Глава I

Процесс формирования военных информационных служб в 1918–1921 годах

Возрождающееся польское государство уже на заре своего становления столкнулось со многими проблемами. Экономический кризис, общественное брожение и политическая борьба являлись только некоторыми препятствиями на пути к созданию стабильного государства. Однако фундаментальное значение для будущего народа и польского государства имели проблемы его территориального образования и места в Европе, а также создание системы внешней и внутренней безопасности. Эти главные цели планировалось осуществить в результате предпринимаемых политических, дипломатических и военных мер. Большое значение имели успехи польского оружия в борьбе, проводимой на рубежах возрождающегося государства. В этой обстановке было естественным сильное влияние военных институтов на функционирование государственного аппарата. Многие сферы общественной жизни в различной форме подвергались «милитаризации», и одновременно с этим военные органы расширились до уровня, отвечающего требованиям военных условий. Указанный период длился почти до конца 1921 года. Только тогда государственный аппарат, в том числе и армия, перешел к деятельности и организации в мирных условиях. Доминирование армии должно было уступить законам нормального функционирования государственной и политической жизни.

Процесс образования военных информационных служб в Польше после 1918 года проходил практически в условиях военного времени и при их активном участии в вооруженных конфликтах, связанных с борьбой за независимость и становлением самостоятельного государства. В 1918–1921 годах организация, формы и методы деятельности разведки и контрразведки совершенно отличались от тех, которые должны были применяться в мирное время. Кроме того, следует добавить,

что сложная военно-политическая обстановка на польских территориях способствовала созданию многих институтов разведки.

25 октября 1918 года Регентский совет принял решение, имевшее большое значение для будущей организации военных властей. Вместо Военной комиссии было создано Министерство военных дел, руководителем которого стал полковник Ян Врочыньский. В то же время Регентский совет, оставляя за собою верховное командование Вооруженными силами, образовал новое центральное военное ведомство – Генеральный штаб Войска Польского. Сначала он должен был подчиняться министру военных дел, но на практике Генштаб стал независимым органом. Первым начальником Генштаба был генерал Тадеуш Йордан-Розвадовский.

Приезд Юзефа Пилсудского в Варшаву не только радикально изменил политическую обстановку в стране, но также существенно повлиял на организационное развитие военных институтов.

11 ноября 1918 года Регентский совет передал Ю. Пилсудскому верховное командование Вооруженными силами Польши, а Совет министров решением от 20 ноября 1918 года подтвердил свое право осуществления контроля над войсками. Генштаб предназначался для руководства военными действиями, а Министерство военных дел – для управления войсками. Как начальник Генштаба, так и министр военных дел были помощниками Верховного главнокомандующего Войска Польского. В конце 1919 года произошла очередная реорганизация верховных военных властей, в результате которой утвердился последний раздел компетенции по военным вопросам между Верховным командованием Войска Польского (ВКВП) и Министерством военных дел. Этот первый орган вместе с Генеральным штабом принял функцию руководства Вооруженными силами на фронтовой территории, а Министерство военных дел с подчиненным ему аппаратом должно было заниматься организацией, мобилизацией, обучением новобранцев в тылу страны, дообеспечением и поставкой ресурсов для фронтовых воинских частей. В обоих учреждениях были созданы специальные разведывательные и контрразведывательные органы. Принятый дуализм этих служб был намеренным и вызван разным диапазоном компетенции обоих институтов.

Уже в структуре созданного в октябре 1918 года Генерального штаба ВП нашлось место для Информационного отдела. Предположительно, он стал создаваться еще до 25 октября. Перечень задач этого подразделения был сформулирован достаточно лаконично. В них входили следующие направления:

«Изучение иностранных армий и их военной литературы. Разведывательная и контрразведывательная служба. Польские подразделения за границей. Бюллетени иностранных государств. Предоставление компетентным властям военной и политической информации о соседних государствах. Военные атташе. Шифры». Первым начальником отдела стал Мечислав Мацкевич. Затем был создан отдельный Пресс-отдел, который должен был выполнять учетно-учебные функции. В конце ноября 1918 года Информационный отдел преобразовался в VI Информационный отдел Генерального штаба со следующей внутренней структурой:

- секция II «а» – разведка на Западе;
- секция II «в» – разведка на Востоке;
- секция II «с» – контрразведка;
- секция II «d» – информирование компетентных властей о важных военных и политических проблемах соседних государств.

Вместе со сменой начальника отдела 12 декабря 1918 года была начата интенсивная работа по его реорганизации. Новая организационная схема была готова в середине января 1919 года. Отдел возглавлял начальник, и у него был один заместитель. Отдел состоял из следующих подразделений:

- секция особых поручений, организационных вопросов и шифров;
- секция по вопросам Востока;
- секция по вопросам Запада и военных атташатов;
- секция политических вопросов;
- секция военно-полицейских вопросов;
- секция адъютантов;
- разведывательный отдел;
- Пресс-бюро;
- офицер связи с МИД;
- офицер связи с военной жандармерией.

Возрастающая роль ВКВП в структуре высших государственных властей способствовала тому, что диапазон компетенции его разведывательного органа значительно расширился за пределы поля военных действий. Среди работников VI Отдела доминировали офицеры, связанные с бельведерским лагерем. Это стало еще больше заметно, когда реферат по вопросам Польской военной организации (ПВО) был присоединен к VI Отделу ВКВП. Он занимался использованием организации ПВО и союзов приграничных восточных районов Польши для проведения разведывательной и диверсионной деятельности.

В течение последующих нескольких месяцев разведывательная служба ВКВП подверглась дальнейшим организационным преобразованиям и кадровым изменениям. Реорганизация, проведенная 11 мая 1919 года, не внесла в ее структуру существенных изменений, кроме переименования отдела с VI на II и увеличения его штата с 7 до 40 офицеров. В июне 1919 года из II Отдела ВКВП в Министерство военных дел были переданы две секции: политическая и военно-полицейская, выполнявшие контрразведывательные задачи, а в ведении разведывательной службы ВКВП остались ограниченные контрразведывательные функции.

В изданном в октябре 1919 года Временном положении о разведывательной службе в Войске Польском был подтвержден принцип того, что вся полнота разведывательной работы сосредоточена в аппарате Верховного командования ВП. Начальник II Отдела ВКВП с помощью подчиненных работников, проходивших службу в Центре и территориальных филиалах, занимался организацией и руководством военной разведывательной службой. Компетенция же в контрразведывательной сфере была разделена между ВКВП (на фронтовой территории) и Министерством военных дел (в тылу страны). В положении также были представлены формы и методы разведывательной работы:

«а) непосредственная оперативная деятельность, опирающаяся на работу с агентурой, завербованной на идейной и материальной основе;

б) изучение пленных и дезертиров;

в) анализ документов;

г) радиотелеграфная разведка;

д) авиационная разведка;

е) разведка по перехвату».

Можно отметить, что тогда удалось создать организационную систему органов военной разведки, отвечавшую европейским стандартам и обеспечивавшую результативность их действий. Большое значение в разведывательной работе имели сбор информации, ее анализ и обработка. В выполнении этих задач в реорганизованном в октябре 1919 года II Отделе ВКВП огромную роль играли вновь созданные подразделения: Учетное бюро и Разведывательное бюро. Первое из них вобрало в себя представительства военно-дипломатической секции по вопросам Востока и Запада.

Учетное бюро подразделялось на следующие отделы:

– зарубежный и внутренний;

– Германия, Гданьск, Бельгия и Швейцария;

- Румыния, Италия, Югославия, Турция;
- Россия, Украина, Кавказ и Белоруссия (в этом отделе находились офицеры связи при украинском атамане Петлюре);
- скандинавские государства, Англия, Эстония, Литва и Латвия;
- Соединенные Штаты Америки, Япония, Китай, Сибирь;
- Франция, Испания, Португалия.

Разведывательное бюро состояло из следующих отделов:

- организационного – рефераты: организационный, учебный, применения техники в разведке и фотографический;
- разведывательного А – рефераты: Германия, Гданьск, Австрия, Швейцария, скандинавские государства;
- разведывательного Б – рефераты: Чехословакия, Венгрия, Румыния, Балканы, Италия, Испания, Португалия, Франция;
- разведывательного Ц – рефераты: северный, восточный, юго-восточный;
- контрразведывательного – рефераты: борьбы со шпионажем и антигосударственной деятельностью и следственный.

22 июня 1920 года вопросы контрразведки снова были выделены в самостоятельную контрразведывательную секцию. Кроме типичных для разведывательной работы структур II Отдела ВКВП были созданы организационные подразделения, занимавшиеся пропагандистским и культурно-просветительским воздействием:

- Отдел внешней пропаганды, состоящий из рефератов: прессы, зафронтовой пропаганды и канцелярии;
- Внутренний отдел – рефераты: регистрации, кассовый, кадров;
- III секция Пресс-бюро со следующим диапазоном компетенции:
 - организация представительств прессы при командовании в районе военных действий;
 - изучение польской и зарубежной прессы;
 - обработка сообщений из прессы для использования их военными властями;
 - разработка военных бюллетеней для прессы;
 - проведение пропаганды среди солдат на фронте с помощью брошюр и прокламаций.

На практике Пресс-бюро широко проводило продуманную культурно-просветительскую деятельность на фронте. В феврале 1919 года в пропагандистских целях оно приступило к изданию газеты для солдат «Солдаты Польши». Затем были созданы «Издательство полевой библиотеки», поставлявшее литературу на фронт – в окопы, и Солдатский университет. С помощью Научно-учебного департамента Министерства воен-

ных дел в середине 1919 года стала осуществляться акция по организации книжных магазинов и библиотек, а также фронтовых театров. В Пресс-бюро были созданы Центральная киностудия и Фотоотдел. Предлагаемые культурные услуги были адресованы не только военным, но также и гражданскому населению. В феврале 1920 года появились рефераты памятников и произведений искусств. Всей работой Пресс-бюро во время войны руководил известный писатель Юлиан Каден-Бандровский.

Вторым внутренним подразделением II Отдела, занимавшимся организацией пропагандистских акций и противодействием вражеской пропаганде в Войске Польском, была VI секция пропаганды и опеки над солдатами, которая в декабре 1919 года выделилась из Пресс-бюро. После перестройки внутренней структуры эта секция состояла из следующих отделов: организационного, солдатского просветительства, опеки над солдатами, цензуры, инструкторов по просветительству. Структуру II Отдела ВКВП дополняли еще 3 секции: бюро шифров, политическая и упомянутая ранее секция контрразведки.

Существенное значение для результативной деятельности разведывательных служб в период формирования границ и государственного устройства II РП имела организация территориальных военных подразделений специальных служб. Там сосредотачивались все оперативные усилия разведывательной службы. Территория государства была поделена на зоны: внутреннюю и фронтовую. В первой органы военной контрразведки взаимодействовали с гражданской контрразведкой (политическая полиция). На территории ведения военных действий обстановка была более сложной. На западе страны после начала Великопольского восстания в декабре 1918 года были задействованы также возможности и кадры ПВО во время создания Разведывательного отдела Верховного командования ВС Великопольского восстания, который в феврале 1919 года получил название Информационный отдел. В августе 1919 года вместе с созданием Великопольской армии он преобразовался в Разведывательную секцию, подчиняющуюся I Интенданту. В этот период военные власти восставших были независимыми от варшавского правительства. Это также касалось разведывательных органов. Работники разведки Великопольской армии осуществляли свою деятельность как в непосредственном тылу фронта, так и в глубине немецкого государства (в Берлине, Щецине и Крулевце). Они приобретали агентов среди солдат и местного населения. Особенно трудные условия для сбора информации складывались в Приморье. В но-

ябре 1919 года группа польских агентов в Щецине (семья Маюв) была арестована и приговорена немецким судом к длительному тюремному заключению. Только в ноябре 1919 года закончился период относительной самостоятельности органов Великопольской разведки. Вместо Главного командования был создан Штаб командования Великопольского фронта, подчиненный, как и воинские части на Восточном фронте, Верховному командованию Войска Польского. Тогда также было проведено унифицирование организации разведывательных служб. Разведывательная секция преобразовалась во II Отдел Великопольского фронта.

Точно так же проходил процесс организации специальных служб на юге страны, на территории Верхней Силезии. Сначала разведкой и контрразведкой занимался Подкомиссариат Верховного народного совета (ВНС). Только в 1919 году в результате польско-немецкого конфликта был создан Юго-Западный фронт. В рамках командования этого фронта было организовано с использованием кадров ВНС и ПВО II Разведывательное бюро. Оно состояло из 4 секций: разведывательной, контрразведывательной, прессы и просвещения, картографической.

Активность разведки Юго-Западного фронта проявлялась, главным образом, на немецком, верхнесилезском, цешинском и оравском направлениях. Однако плебисцитные вопросы оставались полностью в компетенции II Отдела Штаба Министерства военных дел. Отсутствие результатов и неспособность руководства II Разведывательного бюро в сфере управления привели к тому, что вместе с изменением названия «Юго-Западного» фронта на «Силезский» бюро преобразовалось в Иц Информационный отдел, руководимый новым шефом. Вся организация разведывательных филиалов была сориентирована на главные направления оперативной заинтересованности этих служб: немецкое и чешское. В центре разведки Командования Силезского фронта Разведывательная секция была разделена на два самостоятельных подразделения, охватывающих разведку в отношении Германии и Чехословакии. После этого началось энергичное создание сети территориальных подразделений, таких как резидентуры разведки (в виде отделений), агентуры и пограничные пункты. Так, например, были созданы 4 отделения с резиденцией в Ченстохове, Цешине, в Новом Сонче и Новом Тарге. Первое из них инфильтрировало в разведывательном плане Верхнюю и Нижнюю Силезию и в исключительных случаях территорию Германии. Разведывательные пункты были образованы в Кожлю, Освенциме, Сосновце, Верушеве, Прашце и Вроцлаве. В связи с принятым

решением об организации плебисцита, который должен был решить вопрос о будущем этого региона, в январе 1920 года основная тяжесть разведывательной работы отделения в Ченстохове была перенесена на территорию, охваченную плебисцитом. Только спустя год решением центральных властей военная разведка передала свою компетенцию (касающуюся Верхней Силезии) Разведывательному отделу Польского плебисцитного комитета в Бытоме. Остальные отделения занимались организацией разведывательной сети на чехословацкой и венгерской территории. В ходе этой работы были созданы 6 внутренних разведывательных пунктов (в Жилине, Оломунце, Прешбурге, Ласонце, Прешове, Мункачу) и 15 зарубежных резидентур.

Прибывшую в Польшу в апреле 1919 года армию генерала Юзефа Халлера включили в состав создававшегося тогда Галицийского фронта. II Отдел этого фронта принял в свой состав большую часть кадров Информационного бюро армии Халлера.

В связи с относительной стабилизацией военно-политической обстановки на западе государства на этой территории в начале 1920 года была начата акция по переводу Вооруженных сил на организацию мирного времени. Были ликвидированы командования фронтов: Поморского, Великопольского и Силезского. Вместо Вторых Информационных отделов были созданы 3 отделения – в Грудзюндзе, Познани и Кракове, непосредственно подчиненных II Отделу ВКВП. В соответствии с письмом начальника Штаба ВКВП от 14 марта 1920 года были установлены штаты личного состава каждого отделения и их внутренняя структура. Она принципиально отличалась от существовавших ранее организационных решений. В структуру входили рефераты: учетный, организационный, перехвата, радиоразведывательный, политики и прессы, внешней пропаганды и иностранного шпионажа. Оперативная территория отделений была разделена на сектора, руководимые офицерами разведки, которые имели в своем распоряжении сеть разведывательных пунктов на территории иностранного государства. В принципе отделения могли вести только неглубокую разведку. Однако с учетом того, что центральные военные власти в своих стратегических концепциях придавали большое значение вооруженному конфликту, сотрудники разведотделений осуществляли разведывательные оперативные мероприятия в глубине Германии, опираясь на население польского происхождения.

Решающее значение для польских разведывательных операций на территории Юго-Западной Европы имела работа Краковского отделения. После ликвидации отделений бывшего

Галицийско-Подольского фронта в Стрию и Коломыи Краквское отделение взяло на себя ведение неглубокой разведки в Чехословакии, Румынии и Венгрии. Для этих целей оно располагало 95 кадровыми работниками и 35 постоянными разведчиками, действовавшими на территории 6 разведывательных секторов. Условия деятельности на юге страны были особенно трудными. В то время вопрос о государственной принадлежности Верхней и Цешинской Силезии был еще неясным, часть местного населения не идентифицировала себя с польскими национальными интересами, и, кроме того, Силезия стала ареной политических сражений между отдельными обществами и партиями. По этой причине очень часто возникали споры вокруг компетенции центральной власти, прежде всего на территории Верхней Силезии, где местные политические деятели относились с недоверием к ее представителям. Руководители разведывательных секторов обращали внимание на то, что много институтов являлось представительствами иностранных разведок. Например, городская полиция в Цешине и Бельске была под контролем чешской разведки. В результате такого положения в мае 1920 года чехи арестовали большую часть работников польской разведки в Бялой. Большую помощь польской разведке оказывали словацкое население (в качестве конфиденентов) и немногочисленные венгры, населявшие территорию Северо-Восточной Словакии.

Совершенно иной была организация военных разведывательных служб на восточном театре военных действий. Там наиболее долго велись военные действия, и поэтому структура органов II Отдела ВКВП должна была соответствовать организации боевых воинских частей Войска Польского. В январе 1920 года Командование фронтов было преобразовано в Командование армий. При каждом вновь созданном Командовании армии были сформированы Вторые информационные отделы, внутренняя структура которых представляла собой следующее:

- разведывательная секция с организационным и учетным рефератами;
- контрразведывательная секция со специальным рефератом контрольных станций;
- секция политики и прессы с рефератом внешней пропаганды;
- культурно-просветительная секция.

Таким образом, Информационный отдел Подольского фронта стал II Отделом 6-й Армии, действовавшей против большевистской 12-й Армии. Среди подчиненных отделений, одно из

которых, в Коломы, было расформировано, а второе, находящееся в Стрию, изменило свое положение – как уже ранее упоминалось, оно стало замыкаться на отделение II Отдела ВКВП в Кракове. В свою очередь, Информационный отдел Командования Волынского фронта стал II Отделом Командования 2-й Армии. В то же время Информационный отдел Командования Литовско-Белорусского фронта преобразовался в следующем порядке: отделение в Минске было переименовано во II Отдел Командования 4-й Армии, кроме того, были сформированы II Отдел 4-й Армии и II Отдел 1-й Армии.

Вместе с наступившим перемирием на Восточном фронте в октябре 1920 года была начата работа по основательной реорганизации военных учреждений, а также органов разведки и контрразведки. Постепенно осуществлялся переход к деятельности в мирное время. В начале 1921 года начались вывод с фронта отдельных армий и их ликвидация. Этот процесс продолжался до 1922 года. Часть функций из сферы администрации и инспекции приняли на себя создаваемые инспекторы армии. На основании приказа Министерства военных дел от 9 мая 1921 года были созданы следующие инспекторы: I – Вильно, генерал Е. Рыдз-Шмиглы; II – Варшава, генерал Т. Розвадовский; III – Торунь, генерал И. Секерский; IV – Краков, генерал С. Шептыцкий; V – Львов, генерал С. Халлер.

Значительно труднее было приспособить систему организации специальных военных служб к новым условиям. Ранее, уже в 1920 году, на западе и юге страны были созданы отделения II Отдела ВКВП (в Кракове, Познани и Грудзоньдзе). Таким же способом на Восточном фронте II отделы отдельных армий преобразовались в отделения II Отдела ВКВП, которые непосредственно подчинялись руководителю Информационных служб Верховного командования ВП. 1 июня 1921 года вместо II Отдела Командования 6-й Армии было создано отделение II Отдела ВКВП во Львове. Точно так же из II Отдела Командования 2-й Армии было создано отделение II Отдела в Гродно, а позднее оно передислоцировалось в Вильно. Из разведывательных органов остальных армий (1, 4 и 7) организовалось отделение II Отдела в Бресте-над-Бугом. Заслуживает внимания тот факт, что контрразведывательные секции II отделов ликвидированных армий были отделены от вновь созданных отделений и передавались в контрразведывательные подразделения соответствующих Командований генеральных округов (КГО) – II отделов. Например, секция контрразведки II Отдела Командования 6-й Армии была принята КГО Люблин и Львов.

Вновь образованные отделения должны были заниматься неглубокой разведкой.

Потребность их создания объяснялась следующим: «В целях функционирования постоянного разведывательного центра на юго-восточной границе, центра, организующего работу постоянной сети разведывательных приграничных и заграничных отделений и пунктов, необходимо создать отделение II Отдела ВКВП во Львове. Одним из мотивов его создания уже в данный момент, перед общей реорганизацией верховных военных властей, является потребность унифицирования условий разведывательной работы на всей территории РП. Наличие командований армий на восточной границе не препятствует созданию отделений на постоянной основе. Сегодня эту работу ведут II отделы армий. Однако отсутствие постоянных центров работы, независимых от изменений, которые должны произойти в армии, вызывает необходимость ускорения создания этой организации».

Отделения в своем большинстве имели ту же самую внутреннюю структуру. В них входили следующие подразделения: организационный реферат, реферат кадров, технический реферат, реферат разведывательной агентуры, хозяйственная комиссия, канцелярия.

В ходе процесса организационных преобразований органов военной разведки и контрразведки в августе 1921 года было принято решение о ликвидации Верховного командования Войска Польского. Отдельные подразделения ВКВП вошли в состав Особого военного совета, Генерального штаба и Министерства военных дел. II Отдел ВКВП был принят в Генеральный штаб.

Иным способом преобразовывалась организация военной контрразведывательной службы на территории внефронтальной зоны.

В июне 1919 года из Верховного командования ВП в Министерство военных дел было передано 2 секции – политическая и военно-полицейская. На основе этих секций в июле того же года создается Информационный департамент в Министерстве военных дел. Он состоял из политической секции и отдела по контролю международной корреспонденции, а также телефонной и телеграфной связи, который позднее был передан в Министерство внутренних дел. Методы и направления деятельности департамента принципиально отличались от характера работы II Отдела ВКВП. Он занимался контрразведывательной деятельностью в широком ее понимании, охватывая всю территорию страны за исключением фронтальной территории.

Руководитель II Департамента Министерства военных дел должен был обеспечивать общественный порядок в тылу фрон-

та и выполнять различные обслуживающие функции для линейных воинских частей. Для этого работники департамента подготавливали информационные сообщения для соответствующих командований, занимались борьбой с антигосударственной агитацией как в армейских рядах, так и в политической жизни, а также разрабатывали мероприятия по контрпропаганде. Наряду с этим проводилась соответствующая работа среди солдат, возвращавшихся с фронта, и военнопленных из Красной Армии, которые находились в специальных лагерях. Департамент взаимодействовал с различными представителями антисоветских и антиреволюционных сил, например с остатками корпуса генерала Бредова, сконцентрированными в лагерях в глубине страны. Разведывательно-пропагандистской инфильтрации особенно сильно подвергались украинцы и белорусы. В Бресте-над-Бугом генерал С. Булак-Балахович обучал белорусские части. В то же время украинские солдаты и офицеры были собраны в лагере Ланьцуче. Большой поддержкой Информационного департамента пользовался Борис Савинков, который получил согласие на формирование военных отрядов для выступления против большевиков. По договоренности с полицейской контрразведкой они активно занимались борьбой с коммунистической пропагандой.

В феврале 1920 года Министерство военных дел было основательно реорганизовано на французский манер. В созданном Штабе министерства вместо ликвидированных департаментов появились отделы. Вопросы контрразведки оказались в ведении II Информационного отдела Штаба Министерства военных дел. Сначала в него входили 3 секции: общеорганизационная, контрразведывательная и информационная. В июле 1920 года была создана плебисцитная секция. Она состояла из 3 отделов, которые должны были действовать на плебисцитных территориях: Верхняя Силезия, Цешинская Силезия, а также Вармин и Мазуры. Все специальные акции, организуемые на этих территориях, должны были согласовываться с руководителем данной секции. Это было вызвано интересом военных властей к положению регионов, вопрос о государственной принадлежности которых должны были решать плебисциты. Там оказывалась помощь действующим гражданским парамилитарным польским организациям (диверсионный реферат ПВО). Следует также напомнить, что в то же самое время члены Совета обороны государства приняли решение о создании Добровольческой армии. В рамках Главного инспектората Добровольческой армии был создан II Отдел информации и пропаганды.

Как уже упоминалось, большинство задач информационных служб Министерства военных дел относилось к контрразведывательным направлениям. В целях более результативной деятельности было начато создание территориальных контрразведывательных отделений Министерства военных дел. Уже в ноябре 1918 года стала вестись работа по разделению страны на генеральные округа, которых сначала было 5, а в 1920 году их насчитывалось уже 9: Варшавский, Гродзенский, Поморский, Келецкий, Лодзинский, Краковский, Львовский, Познаньский, Любельский. Командующие округов располагали штабами, которые создавали внутренние подразделения-отделы. Одним из них был II Информационный отдел, который отвечал за борьбу со шпионажем и антигосударственной деятельностью на территории округа. Руководители этих отделов подчинялись, с одной стороны, своему непосредственному начальнику – командующему округом, а с другой – руководителю II Отдела Министерства военных дел.

Особого внимания заслуживает деятельность жандармерии во время войны 1919–1921 годов. Эти подразделения выполняли 2 вида задач. Одни охватывали вопросы нарушения дисциплины в войсках, т.е. нарушения устава, дезертирство, самовольные отлучки и т.д. В период войны жандармерия выполняла задачи, которые в нормальных условиях находились в компетенции гражданской полицейской службы, т.е. охраны здоровья и жизни граждан и борьбы с криминальными преступлениями (военная полиция). В некоторых регионах страны, в Восточной и Западной Малопольше и Великопольше, отделы жандармерии являлись зародышами будущей Государственной полиции. Второй вид задач был связан с деятельностью отделов жандармерии как исполнительных органов для служб военной разведки и контрразведки, т.е. они занимались борьбой с антигосударственной деятельностью. Жандармерия в зависимости от территории своей деятельности делилась на полевую (фронтальная зона) и внутреннюю (тыл фронта). Первая подчинялась Верховному командованию ВП, вторая – министру военных дел.

Для второй в апреле 1919 года в Министерстве военных дел был создан Отдел жандармерии, сфера компетенции которого сначала распространялась только на территорию бывшего Польского королевства. Организация жандармерии в отдельных регионах королевства носила различный характер. На базе Польских Вооруженных сил ротм. Околович создал в ноябре 1918 года в Варшаве Отделение жандармерии, которому были подчинены бывшее районное командование и посты гмин.

Организация в Любельском округе опиралась на отделения австрийской жандармерии. В Келецком округе подразделения жандармерии создал ротм. В. Людвиковский, подчинивший себе различные полицейские формирования и австрийскую жандармерию. Позднее жандармерия была организована в Лодзинском округе. Это произошло не так стихийно, как в других районах. Туда приехал делегат из Варшавы Лоньчковский, который провел кампанию добровольного призыва. Как уже упоминалось, в Великопольше и Малопольше отделы жандармерии играли роль гражданской полиции, и поэтому в будущем они преобразовались в государственный орган по поддержанию порядка.

Центр в Варшаве подвергался многим реорганизациям (Командование жандармерии, Руководство организации, Инспекторат). В структуре Центра и территориальных подразделений всегда находились подразделения с негласными надзорными и полицейскими функциями. В созданной 7 апреля 1919 года полевой жандармерии, предназначенной для действий на территории боевых действий, также находились подразделения с подобной компетенцией. Сначала в Главном отделении полевой жандармерии при ВКВП был создан Инвигилияционный отдел*. В этапных отделах функционировали следственные рефераты.

В период преобразования общественно-политической системы и границ II Республики в 1918–1921 годах потребность в результативности действий специальных служб резко возросла. Особенно способствовали развитию органов полицейских репрессий действия радикальных политических организаций и враждебных Польше соседних государств. В целях координации работы специальных служб было необходимо создание главных центров. Сначала намеревались создать 3 центра этого типа – при ВКВП, Министерстве военных дел и Главной комендатуре Государственной полиции.

Верховное командование ВП должно было проводить борьбу со шпионажем и диверсиями во фронтовой зоне и во фронтовом тылу с помощью полевой жандармерии. Подобную сферу деятельности должен был иметь Инвигилияционный центр Министерства военных дел, располагавший на территории государства (за исключением фронтовой территории) возможностями военной жандармерии. В конце концов, полицейская контрразведка была предназначена для борьбы с антигосу-

* Oddział inwigilacyjny – отдел по негласному надзору за враждебными элементами и пресечению их антигосударственной деятельности.

дарственной деятельностью и обычной преступностью. В мае 1920 года руководитель II Отдела ВКВП майор К. Болдескул высказался против создания трех военных инвигилияционных центров. По его мнению, четкое функционирование такого органа могло обеспечить создание единого инвигилияционного центра для всего государства. Уже 25 октября 1919 года был создан Военный инвигилияционный реферат при II Отделе Штаба Командования жандармерии Министерства военных дел. Сначала в нем предусматривалась 31 штатная единица. В его задачи входило:

1. регулирование деятельности Военной инвигилияционной службы;
2. классификация уголовного и конфиденциального инвигилияционного материала;
3. подготовка военного инвигилияционного материала для печати в Следственной газете и ППИ.

Много сомнений вызывали раздел оперативных и репрессивных мер в действиях военной контрразведывательной службы и ее взаимоотношения с гражданскими органами безопасности.

Тем более возникал вопрос, требующий быстрее рассмотрения новой ситуации, в связи с постепенным угасанием всех вооруженных конфликтов, проводимых польским государством. В это время, на переломе 1920–1921 годов, было организовано проведение ряда межведомственных совещаний. До сих пор задачи политической контрразведки оставались в компетенции органов военных секций контрразведки II Отдела Штаба Министерства военных дел. Репрессивно-исполнительные функции также находились в распоряжении учреждений Военной жандармерии. На совещании 10 декабря 1920 года было предложено постепенно перевести контрразведывательные функции в компетенцию Государственной полиции. Майор Греггер из VI Отдела Штаба Министерства военных дел обратил внимание на то, что «гражданское население должно быть защищено от вмешательства военных властей, потому что офицеры, не имея наработанного правового навыка, могут нанести ущерб гражданам их арестами без предварительного сбора достаточного доказательного материала». На очередном совещании 8 января 1921 года дело дошло до конфликта с представителями военной контрразведки, которые потребовали оставить за армией полное руководство в вопросах политического характера, касающихся также и гражданских лиц.

В конце концов, в марте 1921 года задачи «политической контрразведки» оказались в компетенции органов Государственной полиции. В то же время военная контрразведка с отдела-

ми жандармерии (исполнительный орган) должна была заняться «обеспечением интересов Вооруженных сил государства от подрывной деятельности иностранных государств и враждебной пропаганды».

Глава II

Организация разведывательного Центра II Отдела Генерального штаба ВП

Окончание польско-советской войны и затухание иных очагов вооруженных конфликтов позволили произвести реорганизацию военных властей, основывавшуюся на приведении их структуры в соответствие с условиями мирного времени. 22 июня 1921 года министр военных дел генерал Казимеж Сосновский издал приказ о введении новой организации информационных служб.

Особого внимания заслуживают 2 положения, содержащиеся в этом документе. В них формулировалось решение о полной централизации разведки в руках армии. «Она должна была наряду с другими мерами создать условия для независимости разведки от давления текущей ситуации и меняющихся интересов». Одновременно с этим вопросы политической контрразведки, широко известной как политическая дефензива, были переданы Ведомству внутренних дел, а точнее – Государственной полиции. Таким образом, в Польше, в противоположность положению во многих странах, был принят принцип о том, что вся разведывательная служба стала сосредотачиваться в одном учреждении – II Отделе Генерального штаба ВП (с 1928 года – Главного штаба). Как уже упоминалось, часть задач из сферы политической контрразведки выполняли специализированные органы Государственной полиции. Службы, занимавшиеся охраной границ – Корпус пограничной охраны (действовавший с 1924 года) и Пограничная служба (созданная в 1928 году), хотя и имели собственные разведывательные службы, но по отношению ко II Отделу играли вспомогательную и дополняющую роль. Поэтому в современном понимании, а также во многих публикациях периода новейшей истории Польши утвердился взгляд, что военная «двойка» являлась единственным информатором польского командования и государственных властей и была институтом чрезвычайного значения.

Организация Центра военной разведки и ее территориальных филиалов многократно подвергалась преобразованиям (в 1923, 1927, 1929, 1930), которые были отражением изменений в видении вопросов разведки очередных начальников Генерального штаба. Сфера деятельности и компетенции II Отдела в межвоенный период в принципе не изменялись и охватывали следующие проблемы:

- организация и обучение информационного аппарата, а также руководство и контроль над ним;
- обучение войск в сфере информационной службы;
- добывание разведывательных сведений, их централизация и обработка, а также доведение этих сведений до уполномоченных лиц;
- анализ методов и средств работы, а также новейших достижений разведывательной службы;
- подготовка планов к четкому функционированию разведывательной службы в процессе перехода с мирного времени на военное;
- руководство в сфере обеспечения безопасности государства от подрывной деятельности иностранных разведок.

Таким образом, эти задачи касались 3 сфер деятельности: сбора информации разведывательного характера, проведения аналитическо-исследовательских работ в отношении собранных информационных материалов, а также обучения и организации разведывательного аппарата. Следует помнить, что разведывательная служба во время войны имела иные характер и организацию.

В принятой в июне 1921 года временной организации II Отдела внутренняя его структура основывалась на делении на отделы, а те, в свою очередь, делились на рефераты. Во главе II Отдела был начальник, который имел одного заместителя. Сначала были созданы 3 отдела: первый – Организационный, состоял из следующих рефератов: организационного, подготовки, кадрового, финансового, шифровального и корреспонденции, а также иностранной прессы. Отделы Учетный и Разведывательный выполняли задачи, строго связанные с традиционным пониманием проблем разведки и контрразведки. В Учетном отделе находились 4 реферата, созданные по географической схеме (восточный, западный, южный и северный), а также статистический и национальный. В то же время в Разведывательный отдел входили рефераты: техники разведки, центральной агентуры, контрразведки, а также иностранных шифров, радиоразведки и оперативной техники. Организационную структуру II Отдела дополняли адъютанты.

Организационный отдел занимался организацией и функционированием служб военной разведки, т.е. созданием и ликвидацией внутренних и зарубежных подразделений разведки, их кадровым обеспечением и ведением бюджета II Отдела (организационный реферат). В то же время остальные рефераты занимались разработкой и обеспечением безопасности собственных шифров и ведением так называемой «белой» разведки. Эта последняя форма разведывательной работы, основывающаяся на изучении и анализе прессы и изданий иностранных государств, не оценивалась должным образом как в Польше, так и в других странах. Руководство служб военной разведки придавало особое значение работе III Разведывательного отдела.

В 1921 году в Центре разведки работало 64 офицера, 1 хорунжий, 12 унтер-офицеров и 20 служащих. С учетом того, что в те времена разведка еще не имела развитых внутренних сетей, и тем более внешних разведывательных представительств, большинство сил и оперативных средств было сосредоточено в Реферате центральной агентуры.

Работники Реферата центральной агентуры занимались вербовкой агентов на территории страны и за ее пределами, их обучением, а также проведением неглубокой разведки. Эта задача по своему содержанию являлась чрезвычайно обширной, но ее хотели реализовать очень скромными кадровыми и материальными силами. В письме от 2 марта 1922 года были четко определены задачи, касающиеся вербовки агентов:

«— создание таких условий, которые позволили бы с минимальными затратами охватить с позиции разведки прежде всего Германию и Россию, а позднее другие государства;

– вербовка соответствующего количества агентов, необходимых для собственной разведки и пополнения возможного их недостатка в отделениях и зарубежных резидентурах;

– подготовка этих агентов;

– окончательное введение единой системы учета разведчиков».

Трудности в разведывательной разработке соседних стран предполагалось преодолеть различными способами. Развитие международного политического, культурного и экономического сотрудничества после окончания Первой мировой войны вызвало такой эффект, что польские торговые фирмы, научные и культурные учреждения приняли участие в двухстороннем и международном сотрудничестве. Разведкой планировалась вербовка как можно большего числа работников этих фирм и учреждений, чтобы создать себе возможность естественной экспансии. Кроме того, она была намерена подставлять аген-

тов II Отдела в качестве переводчиков и сотрудников фирм иностранным делегациям и представительствам в Польше. Установление контактов и сотрудничества с разведками союзных государств должно было способствовать резкому увеличению оперативных возможностей польской разведки.

Принятая в 1921 году организационная схема II Отдела не гарантировала возможности результативных действий. Со временем, когда начали работу внутренние отделения и другие филиалы II Отдела, Реферат центральной агентуры все больше ограничивал их деятельность и самостоятельность. В Реферате центральной агентуры функционировало 7 подрефератов: вербовки агентов, специальной агентуры, специальной разведки, организационный, «Восток», «Запад», «Север», «Юг» и 2 бюро – фотографическое и паспортное, которые в июне 1923 года были приняты из Реферата техники разведки.

Реалии разведывательной работы на уровне Центра вынудили провести сокращение в организации Реферата центральной агентуры. При этом II Отделом были приняты во внимание реальные потребности и задачи разведки. Из четырех «географических» подрефератов в реферате осталось только два, имеющих практическое значение – «Восток» и «Запад». Со временем оказалось, что работа подреферата вербовки агентов, основывающаяся на приобретении агентов в стране, удовлетворяла только потребности неглубокой разведки, которая стала доминировать во внутренних отделениях II Отдела. В такой ситуации стало нерациональным проведение этого вида деятельности разведывательным Центром.

Реферат центральной агентуры (называемый также рефератом Б) все в большей степени выполнял руководящие функции. Он постепенно отходил от участия в проведении конкретных разведывательных мероприятий на территории страны. В то же время его внимание было сосредоточено на планировании глубокой разведки наступательного характера. По этим причинам внутренняя организация Реферата центральной агентуры подвергалась дальнейшему сокращению, она представляла собой следующее:

Второй реферат (название «А») Разведывательного отдела – техники разведки – сначала имел в своем составе подрефераты диверсии и специальной разведки (химической), а также бюро фотографическое и паспортное, которые в последующем принял Реферат центральной агентуры. Обращает внимание факт расширения химической лаборатории, обслуживавшей нужды II Отдела. В ней трудились известные и пользующиеся признанием научные работники (преимущественно химики). Руководителем лаборатории был З. Войнич-Сяножецкий (инженер-технолог). Кроме него там работали: химик Грешчиньский, др. А. Бурхольд, др. Х. Блашковская, М. Сачайло. Польская разведка также планировала расширить круг лиц, сотрудничавших с ней, даже путем похищения научных работников польского происхождения, работавших в советских научно-исследовательских представительствах (Гейзер и Юрковский в Киеве).

Реферат техники разведки выполнял задачи двойственного характера. С одной стороны, он старался использовать польский научный и промышленный потенциал в целях совершенствования разведывательной техники. В программе работы химической лаборатории на 1929 год была задача по разработке технологии производства одурманивающих средств для применения в разведывательной и контрразведывательной работе, а также по приготовлению различных способов написания текста невидимыми чернилами. В лаборатории также проводились передовые бактериологические исследования. Вторым направлением деятельности реферата являлось отслеживание прогресса в научных исследованиях за границей и развитии военной промышленности в соседних странах в интересах армии. Особый интерес польская разведка проявляла к интенсивным работам в Германии по использованию химических средств во время войны. Согласно полученной информации, она уже в 1920-х годах на этом поле деятельности достигла больших успехов. Особую опасность представляло немецко-советское сотрудничество в этой сфере. В польской разведке на слуху было выражение: «Мы не боимся немцев в Германии, мы боимся немцев в России». Подобную опасность польская разведка связывала с начатым в 1924 году немецко-итальянским сотрудничеством по разработке газового оружия.

Третий реферат, занимаясь контрразведывательными вопросами, уже в 1921 году установил сотрудничество с Министерством внутренних дел. Наибольшая угроза разведывательного проникновения для Польши исходила из Германии и советской России. Поэтому работники реферата основные уси-

ля сосредотачивали на этих двух направлениях. В декабре 1921 года капитан Венцовский вместе с инспектором восточной границы при МВД подполковником Подгурским осуществил десятидневную инспекторскую поездку в пограничные восточные районы в целях изучения методов действий советской разведки. В 1923 году на деятельность Разведывательного отдела были выделены следующие финансовые средства: 3,2 млрд польских марок, 6 тыс. английских фунтов, 100 тыс. американских долларов, 80 тыс. леи, 40 тыс. французских франков и 190 тыс. чешских крон.

II Учетный отдел проводил регистрационную и аналитико-исследовательскую работу. Работники отдела подготавливали аналитические разработки и доклады, имевшие не только ценную оперативную информацию, но также и полезные материалы с экономической точки зрения. Они докладывались высшим государственным властям и представляли собой документы, на основе которых принимались решения огромного значения для безопасности государства. Эта информация, конечно же, также использовалась для планирования мероприятий разведывательного характера. Национальный реферат занимал в отделе специфическую позицию. В межвоенный период проблема национальных меньшинств имела существенное значение для внутренней и внешней ситуации польского государства. Поэтому было принято решение о создании такого подразделения в Учетном отделе II Отдела. Национальный реферат состоял из следующих подрефератов: украинского, еврейского, белорусского, немецкого и русского.

15 октября 1923 года была проведена первая существенная реорганизация II Отдела Генерального штаба ВП. Тогда была четко определена компетенция Центра военной разведки, которая сводилась к руководящим и контрольным функциям, а также к проведению глубокой разведки с помощью представительств за границей. «Сфера деятельности II Отдела Генерального штаба охватывала совокупность информационной службы, организации, руководства и контроля разведывательной службы и особенно поиска и добывания сведений, их централизации, анализа и обработки». Кроме того, II Отдел выполнял задачи из сферы контрразведки, касающиеся выявления деятельности иностранных разведок в Польше и борьбы с ними, а также противодействия подрывным акциям в армии. Утвержденная в 1923 году новая структура II Отдела оставила деление на 3 отдела: Общий организационный, Учетный и Разведывательный. В то же время произошли значительные изменения во внутренней организации каждого отдела. Долж-

ность руководителя II Отдела Генерального штаба по-прежнему занимал подполковник М. Байер. I Отдел состоял из 4 рефератов: организационного, кадрового, финансового и собственных шифров.

В 1923 году в Центре разведки проходили службу 58 офицеров, 1 хорунжий, 22 рядовых и 20 служащих.

В 1926 году вне Организационного отдела был создан самостоятельный Общий реферат, а II Учетный отдел подвергся значительному расширению. Его начальник, подполковник В. Пекарский, руководил работой следующих рефератов: «Восток», «Запад», «Север», «Юг», статистического, национального и договорного. Информация для обработки и анализа поступала в Учетный отдел из следующих источников: от военных атташатов, отделов II Отдела, отделений, резидентуры и информационных отделов, верховной власти, различных военных учреждений, иностранных атташатов, государственных учреждений, общественных институтов, частных лиц, а также прессы и издательств.

Уровень подготовки аналитических документов зависел от того, какой страны они касались. Для упрощения и повышения результативности работы государства, находившиеся в центре заинтересованности польских специальных служб, были разделены на 4 категории:

а) граничащие с Польшей и относящиеся к враждебным или союзническим;

б) граничащие с соседом Польши и в случае конфликта могущие влиять на расклад сил в положительном или негативном направлении;

в) не граничащие посредственно или непосредственно, но в то же время способные влиять на общий ход международных событий;

г) государства, не вызывающие заинтересованности.

В 1925 году Договорный реферат был выделен в самостоятельный реферат Национальной лиги. III Разведывательный отдел состоял из следующих рефератов: планирования диверсии, разведывательной службы, обеспечения безопасности армии – контрразведки, иностранных шифров, а также службы прослушивания и технической службы. В соответствии с требованиями премьер-министра Владислава Сикорского было принято решение о передаче телефонной прослушивающей станции Министерству внутренних дел (полицейской дефензиве*) и

* Контрразведка.

разделении реферата разведывательной службы на два отдельных разведывательных подразделения: «Восток» и «Запад».

Майский переворот 1926 года существенно повлиял на деятельность и кадровый состав органов военной разведки. Юзеф Пилсудский придавал большое значение работе специальных служб в интересах внутренней и внешней безопасности государства. Поэтому он неизменно проявлял интерес к деятельности II Отдела и его филиалов. Для кандидатов на высшие государственные должности в послемайской Польше наличие опыта работы в органах разведки стало обязательным.

Полковник Тадеуш Схаэтзель – новый руководитель II Отдела после майского переворота – в своем программном выступлении в Главном инспекторате Вооруженных сил 25 января 1928 года сказал: «У нас имеется определенная склонность к созданию разных отличий, как, например, отличие дипломированных офицеров, оперативных офицеров, офицеров с лампасами и т.д. Я не думаю, что введение отличия офицеров так называемой “двойки” было бы целесообразным». Однако в послемайский период началось неотвратимо формироваться убеждение, что работа во II Отделе является доказательством принадлежности к определенной политической и военной элите. Несмотря на многочисленные отрицательные отзывы о предвоенной «двойке», которые можно прочесть в воспоминаниях офицеров из линейных частей, многие из них мечтали о службе в органах военной разведки. Среднее и низшее звенья офицеров II Отдела практически не подвергались большим кадровым колебаниям. Частые кадровые изменения происходили на высших должностях в Центре военной разведки. После 1926 года руководящие должности во II Отделе заняли офицеры легионов. Сразу же после майского переворота ушли: его руководитель полковник М. Байер, начальники Учетного отдела подполковник В. Пекарски и Организационного – майор Т. Трапшо. Эпилогом этих изменений стала внутренняя реорганизация II Отдела, проведенная в январе 1927 года. В принципе структура осталась прежней с делением на 3 основных внутренних отдела: Организационный, Учетный и Разведывательный. Кроме того, были созданы 3 самостоятельных реферата: общий, договорно-транзитный и на короткий срок Лиги наций, который 9 мая 1927 года перешел в III Отдел Генерального штаба ВП.

Самостоятельный общий реферат получил следующие функции: поддержание контактов с государственными институтами, руководство работой польских военных атташатов и опека над атташатами иностранных государств в Польше. Осталь-

ные рефераты занимались оценкой с военной точки зрения всех договоров, заключаемых Польшей с иностранными государствами, и принимаемых дипломатических решений на международной арене. Учетный отдел подвергся большим преобразованиям. Постоянная потребность в актуальной информации о наших соседях (особенно о Германии и советской России) привела к тому, что из рефератов «Восток» и «Запад» были созданы аналитические подразделения «Германия» и «Россия», в то же время рефераты «Юг» и «Север» подверглись ликвидации.

II Отделом также принимались меры по изменению характера своей деятельности и положения в Генеральном штабе. Постепенно, в соответствии с пониманием Пилсудским существа и роли разведывательной деятельности, принадлежность II Отдела к Генеральному штабу становилась номинальной. Главный инспектор Вооруженных сил стал все больше влиять на решение вопросов, касающихся разведки.

Другим мероприятием, предпринятым новым руководством II Отдела, была попытка изменения мотивации действий в вопросах, касающихся сотрудничества между отдельными отделами Разведывательного центра: «В каждой области работы всегда действует какой-то внутренний механизм. В нем присутствуют в большей мере амбиция работы, или амбиция эффектов, и временами амбиция самой личности. Все это заложено в самой структуре II Отдела таким образом, что эти амбиции противопоставляются друг против друга, вызывая стимул к получению еще лучших результатов и выступая как средство взаимного контроля. Учетный отдел в ходе анализа поступающей информации критикует приобретенные разведкой материалы, а пути их получения подвергаются проверке со стороны контрразведки; то, что получило какое-то отделение, может опровергаться иным разведывательным подразделением, и так почти во всем. Поэтому отдельные подразделения разведки противоборствуют и настроены друг против друга». Так докладывал вопросы руководства II Отделом первый после майского переворота его руководитель подполковник Схазтзель на одном из совещаний в Генштабе.

Идея централизации всех отделов службы в едином аппарате II Отдела имела своей задачей предотвращение соперничества и содействие повышению эффективности деятельности специальных служб. Однако провести это в сжатые сроки оказалось невозможным. Разведывательная работа носит конспиративный и секретный характер, в ней часто применяются необычные методы и средства оперативной работы. Поэтому

постоянно возникало много организационных, кадровых проблем и конфликтов. В 1930-х годах, на что обращает внимание В. Козачук, возникли конфликт и сильное соперничество между рефератами, работавшими на восточном и западном направлениях.

В 1928 году службу во II Отделе проходили 47 офицеров, 64 унтер-офицеров и 37 служащих.

В 1929–1930 гг. была проведена последняя в межвоенном периоде основательная реорганизация Центра и военной разведки. В результате ее впервые произошло организационное разделение разведки и контрразведки. Это означало окончание 10-летнего периода, когда, согласно с моделью специальных служб XIX века, разведка и контрразведка рассматривались как единое целое.

После окончания Первой мировой войны в некоторых странах начали различать методы и средства деятельности, которые применяются в разведке и контрразведке. Наряду с этим была также изменена система работы учетного подразделения. Уже в течение нескольких лет его активность все больше ограничивалась несколькими направлениями заинтересованности польских разведывательных служб. Высшие государственные власти ожидали информацию о России и Германии (их общественной жизни, экономическом и военном потенциале). Однако состояние бюджета II Отдела не позволяло проводить разведывательные акции в тех регионах мира, где Польша не имела актуальных интересов. Поэтому аналитическо-исследовательская работа была ограничена Россией и Германией.

Новая внутренняя структура II Отдела представляла собой следующее:

Руководитель II Отдела.

Заместитель начальника II Отдела.

I Организационный отдел – 7 офицеров:

- реферат организационно-мобилизационной работы и подготовки,
- кадровый реферат,
- реферат собственных шифров,
- бюджетный реферат.

Разведывательный Отдел IIa – 10 офицеров:

- реферат «Восток»,
- реферат «Запад»,
- технический реферат,
- радиоразведывательный реферат.

Контрразведывательный отдел IIb:

- национальный реферат,
- контрразведывательный реферат,

- реферат охраны,
- реферат «i»,
- организационный реферат.

III Отдел исследований – 130 офицеров:

- реферат «Россия»,
- реферат «Германия»,
- организационно-учетный реферат.

IV Отдел договоров – 3 офицера:

- реферат Лиги наций,
- транзитный реферат.

Самостоятельный общий реферат.

Канцелярия.

В 1930-х годах внутренняя организация II Отдела эволюционировала в принятом в 1929 году направлении. Руководитель отдела имел двух заместителей, которые курировали отдельные службы Центра. В это время Разведывательный отдел по-прежнему был важнейшим его подразделением. Он состоял из Отдела IIa – разведки и Отдела IIb – контрразведки. Кроме того, руководителю Отдела IIa подчинялись бюро шифров и радиоразведка. В него входили следующие рефераты:

- собственные шифры,
- радиоразведка на Россию, располагающая радиостанциями в Варшаве, Лиде, Ровно и Коломые,
- российские шифры,
- радиоразведка на Германию и радиоконтрразведка. Этот реферат имел в своем распоряжении радиостанции в Старогарде, Познани, Кшесловицах под Краковым.

В 1939 году были созданы четыре подвижные группы по перехвату.

Главную роль в разведывательном Отделе IIa играли рефераты «Восток» и «Запад», которые организовывали и проводили разведку на территории России и Германии. В сфере учета и обработки разведывательной информации было принято окончательное решение об отказе от специального отдела исследований. Вместо него были созданы два самостоятельных реферата: «Германия» и «Россия». Наряду с этим образовался самостоятельный реферат общих исследований. В 1935 году создается самостоятельный технический отдел, который со временем разросся до размеров института. Он был организован в целях использования достижений науки для разведывательных нужд (особенно в оказании помощи в модернизации оперативной техники). Руководство II Отдела придавало большое значение проводимой институтом работе. В 1937 году в нем работали 7 офицеров и 60 лиц из числа гражданского пер-

сонала. В 1930-х годах в распоряжение института было передано оснащенное современным оборудованием здание, стоимость которого составляла полмиллиона злотых. Это позволило осуществить проведение научных и технических мероприятий в интересах работы разведки.

В 1937 году был создан III Отдел, в состав которого входили рефераты планирования военных диверсий, а также пропаганды и планирования идеологической диверсии. Уже перед войной, в апреле 1939 года, в связи с прогнозируемым вооруженным конфликтом с Германией было принято решение о создании самостоятельного реферата «Германия», задачей которого являлись наблюдение за развитием военной обстановки в Германии и разработка ежедневных сообщений для начальника Генерального штаба. Немного раньше подвергся ликвидации Договорный отдел.

В последние годы существования II РП возросла потребность высших военных и правительственных властей в аналитических разработках, касающихся военного потенциала и внутренней обстановки двух соседей Польши, рассматриваемых как несущих потенциальную угрозу безопасности польского государства. Поэтому созданные в 1930-х годах самостоятельные рефераты «Германия» и «Россия» стали расширяться. В первом реферате было произведено разделение работников на рабочие группы, занимавшиеся рассмотрением вопросов: немецкая армия (мобилизация, внутренние отношения, организация в мирное и военное время, обучение, дипломатия, вооружение, бронетанковые войска), промышленность в целом и военная, сырье, государственный бюджет, коммуникации, авиация, фортификация, полиция, СС и СБ, служба труда, строй, внутренняя ситуация, внешняя политика (отношения с советской Россией), торговый и военный флот.

Подобный интерес проявлял к нашему восточному соседу самостоятельный реферат «Россия». В этом реферате разделение работников проводилось на две категории: первые осуществляли учет поступивших информационных материалов в Центр, вторые проводили исследования и анализ.

Несмотря на организационное развитие II Отдела в 1930-е годы и расширение сферы его деятельности, штаты личного состава в нем не увеличивались до таких размеров, как об этом сообщают некоторые авторы, занимающиеся проблематикой разведки. На основе оценочных расчетов можно считать, что в 1939 году в Центре военной разведки (однако не во всей разведывательной службе, подчинявшейся II Отделу) работало около 100 офицеров.

Глава III

Территориальные органы глубокой и неглубокой разведки и контрразведки II Отдела

Организация II Отдела на территории соответствовала потребностям разведывательной службы. С учетом этого существовало 3 вида территориальных филиалов. Как уже известно, глубокую разведку проводил Центр глубокой разведки. В его подчинении находились так называемые постоянные заграничные разведывательные представительства, которые располагались на территории других государств. По различным причинам (о чем будет подробнее сказано ниже) они чаще всего входили в состав дипломатических представительств: посольств, миссий (как военные атташаты) и консульств. В то же время неглубокая разведка была полностью децентрализована, и ее проводили так называемые внутренние отделения II Отдела, которые базировались на территории польского государства. Наконец, вопросы военной контрразведки решались под руководством отдельных командующих военных округов. В каждом округе сначала II отделы, а позднее самостоятельные информационные рефераты были приписаны к отдельным штабам Командования военных округов. Специфика контрразведывательной службы диктовала такие организационные решения.

Организация заграничных представительств глубокой разведки основывалась на нескольких главных принципах:

- разведывательная деятельность за границей возлагалась на разведывательные резидентуры, которые располагали агентурной сетью и секретными сотрудниками, вербовали агентуру и поддерживали связь с помощью радио и курьеров с центром в Польше;

- с учетом дипломатического иммунитета резидентуры, размещенные по согласованию с МИД в дипломатических представительствах (посольствах, миссиях и консульствах), имели больше организационных и оперативных возможностей;

- представительства делились на 2 категории: функционирующие на территории Германии и советской России и в соседних с ними государствах. Эта вторая группа представительств имела «длиннодистанционный характер», предназначенный для активной деятельности во время войны с Россией или Германией.

Особую роль в разведывательной экспансии II Отдела играли руководители военных атташатов, размещенных в дипло-

матических представительствах. В большинстве случаев функции военного атташе выполняли опытные офицеры штаба (с разведывательной практикой). На них ложился целый круг задач военного направления, в числе которых главное место занимали разведывательные вопросы. Необходимо отметить, что военные атташе не выполняли задач из сферы оперативной работы, но в то же время они исполняли функции координаторов и организаторов разведывательной работы на иностранной территории. Они формально подчинялись начальнику Генерального штаба ВП, но фактически были в зависимости от начальника II Отдела. Назначения офицеров на должности военных атташе постоянно согласовывались с Министерством иностранных дел, так как они входили в состав дипломатического корпуса, а деньги на их содержание поступали из фонда МИД.

В 1927 году во II Отделе были проведены интересный анализ эффективности работы и оценка необходимости существования отдельных военных атташатов. С учетом этого аналитики сформировали несколько основных принципов, которые должны были выполняться во время организации в будущем очередных заграничных разведывательных представительств:

- добывание информации о наших главных соседях;
- обеспечение транзита на случай войны;
- обеспечение экспансии для военной промышленности;
- приобретение компетентных информаторов в государствах, которые в техническом плане более успешно развиваются и являются для нас рынком закупки;
- предоставление информации Генеральному штабу о военной политике иностранных держав;
- добывание организационно-мобилизационных данных.

С точки зрения интересов разведки в условиях мирного времени принципиальное значение имела первая из названных функций. Для разведывательного охвата советской России были предназначены военные атташаты в Москве, Риге, Хельсингфорсе (в настоящее время Хельсинки), Таллине, Бухаресте, Ангоже (в настоящее время Анкара), Токио, Париже и в ограниченном порядке в Риме. Большинство представительств находилось в государствах, соседствующих с Россией, что являлось определенной компенсацией за трудности, с которыми сталкивалась польская разведка во время создания разведывательных представительств в России. Несмотря на наличие в этой стране многих дипломатических представительств (миссий в Москве, Харькове – при правительстве СССР, отделе реэвакуационной и специальной комиссии в Петрограде, репатриационно-оптационного представительства в Минске, Киеве,

Одессе и Новониколаевске), II Отдел не мог использовать их в разведывательных целях, т.к. польские дипломатические представительства постоянно подвергались наблюдению и репрессиям со стороны советских органов безопасности. Из-за противодействия советских властей польскому правительству не удалось создать консульских представительств в Средней Азии и на Дальнем Востоке.

Кроме того, в 1924 году было принято решение, что военный атташе будет выведен из непосредственного участия в разведывательной работе на территории России. Это решение стало вынужденной мерой в связи с активной деятельностью советской контрразведки ГПУ. Координацией разведывательных акций стал заниматься специально направленный из Варшавы офицер II Отдела, который находился вне военного атташата в Москве и подчинялся непосредственно Центру. «Выделение таким способом разведывательной работы из военного атташата и ее передача полностью в руки специального руководителя вызовут усиление координации работы и обеспечения безопасности на месте. Все это отодвинет от военного атташата возможность какой-либо компрометации, вызванной выявлением отношений со многими секретными резидентурами». Поэтому действовавшие филиалы II Отдела при дипломатических представительствах РП в соседних странах с советской Россией, в Токио, Риге, Таллине, Хельсинках, Бухаресте и Анкаре, тоже играли важную роль. В Центре придавалось большое значение деятельности военных атташе в прибалтийских странах. «Рига, Таллин и Хельсинки являются базами международной разведки в отношении России. Через генеральные штабы этих государств мы имеем доступ к разведывательным материалам, добытым как разведками этих стран, так и монархической разведкой. Наши атташаты являются единственными посредниками в получении этих материалов для нашего штаба». Очень важную роль играло представительство в Риге, благодаря которому осуществлялись разведка в Литве и оказание противодействия немецкому влиянию в Латвии. Военный атташат в Анкаре и созданный в 1927 году в Тегеране выполняли задачу по разведывательному наблюдению в южной части России и выявлению попыток советских властей в оказании влияния на обстановку на Ближнем Востоке.

В то же время организация глубокой разведки против Германии в 1920-х годах опиралась не на дипломатические представительства, а на сети секретных разведывательных резидентур, непосредственно руководимых из Варшавского центра. Аферы Грыфа-Чайковского и Сосновского в начале 1930-х го-

дов выявили печальную правду, заключавшуюся в том, что большая часть из них была инспирирована немецкой разведкой. Только тогда было принято решение об изменении организации разведки в Германии, основывавшейся на «насаждении» офицеров разведки в наших дипломатических представительствах и консульствах. «Деятельность официального военного представительства в Берлине была бы прекрасным дополнением к секретной разведывательной работе и могла бы содействовать решению многих проблем, которые секретная разведка, проводимая в настоящее время людьми малознакомыми с организацией армии и современными военными доктринами, не может надлежащим образом осветить». Такой подход полностью разделял Л. Садовский, который в своей работе писал: «Организационная форма структуры сети основывалась почти исключительно на размещении офицеров разведки при наших дипломатических и консульских представительствах в Германии или в странах, соседствующих с Польшей, преимущественно в качестве служащих по контракту. Организация резидентур при представительствах в соседних странах, в первую очередь, имела цель принятия разведывательной работы на случай войны и только потом текущую разведывательную и вербовочную работу. Этим способом военная разведка стремилась предупредить хотя бы частично полную ликвидацию сети на случай войны при полной ликвидации официальных представительств в Германии».

Противоположное мнение представил З. Витровый: «Такая концепция организации глубокой разведки была неудачной. Даже если мы опустим угрозу компрометации и возможность дипломатических осложнений в случае разоблачения кого-нибудь из экспонентов, существенным остается факт, что офицер, выполняющий официальную функцию, имеет достаточно ограниченные возможности получения информации от агентов, а его деятельность сводится на практике к использованию легально опубликованных источников, наблюдению за казармами, военными учениями, маневрами. Еще важнейшим последствием именно такого положения в работе разведки была бы беспомощность сети в случае возникновения войны, когда дипломатические и консульские представительства подлежат полной ликвидации».

Представленные мнения работников II Отдела являются доказательством того, что в Центре польской разведки не было единой точки зрения на вопрос ее организации в Германии. В конце концов, было принято решение о том, что разведывательные представительства, размещенные в посольствах, мис-

сиях и консульствах должны выступать в роли так называемых разведывательных резидентур. Главными задачами резидента разведки являлись организация и руководство сетью секретных разведывательных ячеек и агентов. Поэтому резидент только в исключительных ситуациях осуществлял вербовочно-агентурную деятельность, для проведения которой были предназначены секретно-разведывательные резидентуры или работавшие самостоятельно офицеры II Отдела.

В 1933–1938 годах, кроме военного атташата в посольстве РП, в Берлине были организованы разведывательные резидентуры в консульских представительствах в Мюнхене – псев. «Хакоданте» (1933), Вроцлаве – псев. «Адриан», Лейпциге – псев. «Параде» (1931), Щецине – псев. «Бомбей» (1935), Франкфурте-на-Майне, Гамбурге – псев. «Бильбао», в Эссене – псев. «Мюллер», в Дюссельдорфе, в Берлине – псев. «Бари» и «Плацыда», Крулевце, Квидзыне и Ополе. Эти резидентуры в большинстве состояли из одного человека. Только с марта 1939 года личный состав некоторых из них увеличился.

Приближавшийся военный конфликт с Германией повлиял на интенсификацию разведывательной работы на германском направлении. Много принятых кадровых и организационных решений под давлением происходящего были не выполнены. Ян Малечыньский, вице-консул в Ополе, в своих воспоминаниях писал: «В 1939 году меня, молодого офицера разведки, направили в консульство в качестве служащего. В то время я не мог много сделать, т.к. не знал людей и положение дел на Ополе, а затем вскоре началась война». Подобная ситуация сложилась в Вроцлове. Марьян Длуголецкий, поручик 27-го пехотного полка в Ченстохове, в середине мая 1939 года был направлен на короткие курсы по подготовке к разведывательной работе и в последующем определен на работу в консульство РП в Вроцлаве (резидентура – псев. «Адриан»). Разведку в Германии дополняли также резидентуры, созданные в соседних с Германией странах. В большинстве случаев они размещались в дипломатических представительствах и должны были частично компенсировать ликвидацию сети разведывательных резидентур на территории Германии в ходе войны. В 1933–1939 годах были организованы резидентуры в Копенгагене, Стокгольме – псев. «Ака», Амстердаме – псев. «Тюльпан», Берне, Вене – псев. «Эледа», Будапеште, Париже, Риме и Барселоне.

Особую позицию занимала резидентура польской разведки на территории Свободного города Гданьска. Положение этого города имело огромное политическое и экономическое значение для безопасности польского государства. В межвоенный

период другие государства Восточной Европы также придавали большое значение распространению своего влияния на этой территории. Как Германия, так и советская Россия рассматривали Гданьск в качестве исходной базы для активных действий собственных разведывательных органов, используя это место для проведения совместных политических и экономических сделок (напр. торговли оружием). Этот город использовался как пункт для переброски агентуры и проведения коммунистической пропаганды под руководством III Интернационала. Сюда также доставлялась материальная и военная помощь для террористических организаций из числа национальных меньшинств, осуществлявших антипольскую деятельность. Для противодействия им руководство II Отдела создало резидентуру польской разведки в Гданьске. Ее роль исполняли внутренние подразделения Генерального комиссариата РП в Свободном городе Гданьске. В 1920 году во II Военном департаменте была создана II политическая секция. В 1922 году ее преобразовали во II Информационный реферат Военного отдела. Согласно с решением начальника Генерального штаба от 26 января 1923 года, начальник реферата непосредственно подчинялся руководителю II Отдела. Он располагал девятью сотрудниками. Только в начале 1930-х годов Гданьское разведывательное подразделение было подчинено руководителю Быдгощского отделения № 3 II Отдела.

Иная ситуация сложилась у военных атташатов в Лондоне, Париже, Вашингтоне, Праге, Белграде и Риме. Они не имели четко определенного направления разведывательных интересов. Можно сказать, что военные атташаты играли ключевую роль в европейской деятельности II Отдела, занимаясь проведением многосторонней разведывательной работы, иногда выходящей за пределы Европы и основывающейся на наблюдении за изменениями политических конфигураций на международной арене и на выполнении функций связника в поддержании связи с генеральными штабами союзнических Польше государств. В связи с охлаждением польско-чехословацких отношений в 1935 году был ограничен объем задач резидентуры в Праге. Только в 1938 году польская военная разведка в ускоренном порядке приступила к организации своих подразделений на территории Чехословакии: в Праге, Остраве и Братиславе.

Надо отметить и деятельность диверсионных групп, созданных на территории других государств: в Париже (связь с прометейскими кругами), Братиславе и Гданьске. Они подчинялись руководителю отделения № 2 II Отдела.

Военные специальные службы кроме глубокой разведки проводили неглубокую разведку. Она охватывала 3 оперативных сферы: свою приграничную территорию, границу и небольшую территорию соседних стран (около 20 км). Для реализации этого вида деятельности были предназначены внутренние отделения II Отдела. В принципе они не проводили глубокой разведки, которая оставалась в компетенции Разведывательного центра. Во второй половине 1921 года Генеральный штаб ВП стал принимать в свое подчинение территориальные разведывательные подразделения ликвидированного Верховного командования ВП. В результате этих изменений были созданы следующие отделения II Отдела: № 1 в Вильно, № 2 в Варшаве (через некоторое время оно подверглось ликвидации, а в 1930 году возникло новое со специальной сферой задач), № 3 в Познани, № 4 в Кракове, № 5 во Львове, № 6 в Бресте-над-Бугом и эфемерное отделение в Гродно, которое преобразовалось в информационный пункт Виленского отделения. С учетом направлений деятельности отделения были разделены на 2 группы: осуществлявшие активную разведку против Германии (3 и 4) и действовавшие на восточной территории соседа (1, 5 и 6). Кроме того, отделение в Вильно проводило разведку на литовском направлении, а Краковское – на чешском. Каждое из вышеназванных подразделений имело сеть подчиненных постов из офицеров и агентурных резидентур. В соответствии с приказом министра военных дел от 12 августа 1921 года, задачами отделений являлись:

- разведка на предназначенной территории;
- обработка информационного материала;
- общий учет вооруженных сил государств, находившихся в непосредственной заинтересованности отделения;
- активная контрразведка.

В этом же документе была определена организационная схема отделений: руководитель, разведывательные референты, офицер, отвечающий за финансово-хозяйственную деятельность, канцелярия.

Из вышеуказанного приказа следует, что отделения, кроме своей основной вербочно-информационной деятельности, проводили аналитическо-исследовательскую работу в ограниченной сфере.

Сначала все отделения подчинялись непосредственно руководителю II Отдела. Правда, на них возлагалась обязанность по сотрудничеству с отдельными инспекторатами армии, но они пользовались большой независимостью. Однако ситуация изменилась в 1924 году в связи с созданием на восточной гра-

нице Корпуса пограничной охраны (КПО). На пограничной территории была создана сеть разведывательных подразделений КПО, которые подчинялись непосредственно отделениям II Отдела. В свою очередь, руководители этих отделений стали зависимы от руководства разведки КПО. Согласно мнению инициаторов такого подхода, это нововведение должно было предотвратить возникновение трений и конфликтов между разведывательными службами II Отдела и КПО.

В последующие годы внутренняя структура и сфера задач отделений еще несколько раз подвергались реорганизации (10 апреля 1927 года, 24 июня 1929 года и 16 августа 1935 года). Окончательно было установлено, что отделения проводят: активную неглубокую разведку, учет и активную контрразведку на непосредственных подступах к противнику. Унифицированная внутренняя структура отделений была следующая: руководитель, организационно-разведывательный реферат, реферат исследований, контрразведывательный реферат, канцелярия, техническая лаборатория.

Деятельность отделения № 2 в Варшаве носила особый характер. Оно занималось планированием и организацией диверсий в мирное время и в случае войны. Эта деятельность основывалась на создании центров диверсионной борьбы как на территории страны, так и соседних государств (прежде всего, в Германии и советской России). Отделение № 2 проводило прометейскую акцию. Структура этого специального подразделения II Отдела принципиально отличалась от действующей модели и представляла собой следующее:

- самостоятельный реферат «Запад»;
- самостоятельный реферат «Восток»;
- самостоятельный реферат западных и южных собственных территорий;
- реферат технической безопасности;
- реферат диверсионной техники;
- реферат пропаганды;
- административный реферат.

Возвращаясь к проблеме организации остальных отделений, следует отметить, что в 1926 году с учетом снижающейся роли отделения в Бресте-над-Бугом его переподчинили Виленскому отделению. Благодаря этому роль последнего значительно возросла, т.к. оно стало практически полностью руководить разведкой на северо-востоке Польши, направленной против Германии, Литвы и советской России. Здесь заслуживает внимания то обстоятельство, что в предмайский период этим отделением руководил капитан С. Майер – один из лучших спе-

циалистов по вопросам разведки в отношении России, будущий руководитель Разведывательного отдела II Отдела. После 1926 года отделение № 6 в Бресте было окончательно ликвидировано, и, таким образом, неглубокую разведку на востоке проводили 2 территориальных подразделения II Отдела в Вильно и Львове.

На западных рубежах польского государства сначала действовали 2 отделения: № 3 в Познани и № 4 в Кракове. В 1930 году они были ликвидированы, а вместо них созданы отделения в Быдгоще и Катовицах. По этому поводу следует полностью согласиться с мнением Л. Садовского, что это решение не способствовало усилению разведывательной деятельности, проводимой на западном направлении территориальными филиалами II Отдела, так как оно привело к тому, что участки работы обоих вновь созданных отделений непомерно расширились, усложнились отношения с инспекторатами армии и Командованием округов в плане повышения зависимости от них, а в случае с Катовицами – близость границы, специальные территориальные условия, большая связь активных разведывательных мероприятий с контрразведывательными комбинациями – вместо ожидаемого улучшения разведывательной работы вызвало дополнительные трудности в ее проведении. Вследствие этих проблем уже перед началом войны отделение № 4 было переведено из Катовиц в Краков, а в Лодзи образовалась новая. Таким образом, в 1939 году неглубокую разведку проводили следующие внутренние подразделения II Отдела Главного штаба:

- отделение № 1 в Вильно, руководитель – майор Эдмунд Петровский. Ему подчинялись разведотделения КПО: № 1 в Гродно, № 2 в Вильно, № 3 в Глубоком, № 4 в Молодечно, № 5 в Столбцах, № 6 в Луниньце;

- отделение № 3 в Быдгоще, руководитель – майор Ян Жихонь. Ему подчинялись офицерские посты в Грудзёндзе, Старогарде, Млаве, Познани, Лешне, Белостоке и в Гданьске (с 1930 года сухопутный реферат Военного отдела Генерального комиссариата Республики Польша). Кроме того, этому отделению подчинялись два подразделения неглубокой разведки, размещенные в консульствах в Пиле и Квидзыне;

- отделение № 4 в Кракове, руководитель – майор Станислав Куничак. Ему подчинялись офицерские посты в Цешине, Хожове и Новом Тарге;

- отделение № 5 во Львове, руководитель – Юзеф Биньковский. Ему подчинялись разведывательные отделения КПО:

№ 7 в Сарнах, № 8 в Ровно, № 9 в Черткове, № 10 в Тарнополе, № 11 в Стрыю, № 12 в Ящле;

– отделение № 6 в Лодзи. Ему подчинялись 2 офицерских поста в Острове Великопольском и Ченстохове.

Кроме того, на западной границе отделениям II Отдела в сфере разведывательной работы были подчинены информационные посты Пограничной службы. Например, отделение № 4 в Катовицах в 1933 году имело в своем распоряжении офицерские посты № 3 в Катовицах и № 5 в Познани. Такие офицерские посты составляли основу разведывательных органов Пограничной службы.

Таблица 1

Численность кадрового состава внутренних подразделений военной разведки в 1926–1928 годах

Год	1926		1928	
	Офицеров	Унтер-офицеров	Офицеров	Унтер-офицеров
Отделение № 1	9	17	19	46
Отделение № 2	3	4	4	10
Отделение № 3	7	13	7	13
Отделение № 4	7	13	7	14
Отделение № 5	5	11	5	11
Отделение № 6	3	4	-	-
Всего	34	62	32	64

Разведывательная работа отделений II Отдела основывалась на деятельности законспирированных заграничных резидентур на так называемых разведывательных подступах, сети агентов, действовавших в местах их постоянного проживания, и маршрутных агентов, а также курьеров.

Виленское отделение сосредоточило свои оперативные мероприятия на охвате советских и литовских военных учреждений до линии Минск-Могилев-Витебск-Смоленск (штаб Западного фронта Красной Армии). В исключительных ситуациях планировалось проводить глубокую разведку на территории Ковенской Литвы в целях агентурного охвата центральных учреждений этого государства. Такие инициативы территориальных органов II Отдела вызывали неодобрение со стороны Разведывательного центра. В 1924 году отделение № 1 имело несколько постоянных резидентур на территории советской Белоруссии (псев. «Моссбюро», «Примус», «Вера», «Немо», «Докжице», «Друя», «Домброва», «Блезница»). Подобно этому отделение № 5 во Львове тоже создало разведывательные

резидентуры на восточной территории Украины (состояние на апрель 1925 года): в Киеве (законспирированные в городском ломбарде и в штабе 14-го корпуса), в Одессе (в штабе 51-й дивизии и в пехотной школе), в Житомире (в 131-м стрелковом полку) и в Каменец-Подольском. Дополнительно к этому отделения размещали одиночных агентов в отдельных воинских частях советской армии (Старокопчанов, Изабелла, Городец, Солодовец). Однако в связи с особой активностью советской контрразведки агентурные кадры часто претерпевали изменения. Поэтому руководитель Львовского отделения провел в 1925 году основательную реорганизацию разведывательной службы. Внутренние резидентуры расположились ближе к границе, и были проведены оценка и проверка агентурного аппарата, действовавшего на территории советской России. Следует отметить, что отделение № 6 в Бресте-над-Бугом с самого начала своего существования сталкивалось с серьезными трудностями. Оно постоянно несло большие потери в борьбе с советской контрразведкой. В 1924 году были ликвидированы разведывательные резидентуры в Бобруйске и Гомеле с арестом многих агентов.

Неглубокую разведку в Германии проводило отделение № 3. Несмотря на то, что Быдгоцкое и Катовицкое отделения по своей структуре были очень похожими, позиция и роль этих подразделений существенно различались. Большое влияние на это оказывало их положение, направления деятельности, а также личность и квалификация руководителей. По этой причине отделение № 3 в Быдгоще располагало определенными формальными преференциями со стороны руководства II Отдела. Они основывались на том, что организация разведывательной деятельности Быдгоцким центром не ограничивалась только неглубокой разведкой. Он также проводил активные акции, выходившие далеко за пределы работы на подступах к противнику и носившие характер глубокой разведки. Большое влияние на такой широкий объем компетенции имело положение Свободного города Гданьска, находившегося на территории деятельности отделения № 3. В 1930 году с учетом геополитического значения Гданьска было принято решение, что постоянным руководителем Гданьского разведывательного представительства, размещенного в Генеральном комиссариате Республики Польша, будет руководитель Быдгоцкого отделения. Кроме того, территория деятельности отделения № 3 была очень большой, т.к. она охватывала пограничную зону от Белостока до Равича. Исключением также являлся тот факт, что отделение располагало разведывательными резидентура-

ми в глубине Германии, в Щецине и Крулевце. В целом в 1930-х годах Быдгощское отделение имело в своем составе 7 офицерских постов: № 1 в Млаве, № 2 в Гдыни, № 3 в Грудзендзе, № 4 в Гданьске, № 5 в неустановленном месте, № 6 в Познани, № 7 в Белостоке.

В то же время отделение № 4, как справедливо обращает внимание Л. Гондек, ограничивалось проведением неглубокой разведки и классической контрразведкой. Территория его деятельности охватывала пространство по линии границы с Германией от Равича до Карпат. Как уже ранее упоминалось, по вопросу о месте дислокации этого отделения возникали разногласия (в Кракове или Катовицах). Оба решения имели как позитивные, так и негативные стороны. Дополняя информацию о Катовицком отделении, следует добавить, что оно располагало несколькими офицерскими постами в Цешине, Хожове, Новом Тарге, Острове Великопольском и Ченстохове. Два последних приняло созданное в 1939 году отделение № 6 в Лодзи, работу каждого поста контролировал начальник, которому подчинялись штатные разведчики и административные работники. Разведчики располагали сетью информаторов и агентов, действовавших на территории противника. Офицерские посты Быдгощского отделения имели более расширенную внутреннюю структуру, чем Катовицкого.

Большое влияние на деятельность отдельных отделений оказывали личность начальника и его предрасположенность к сотрудникам. В 1930-х годах отделением № 4 поочередно руководили 4 офицера, вышедшие из линейных армейских частей: майор Л. Садовский, подполковник К. Пясецкий, майор К. Шпондровский и майор Куничак. В то же время Быдгощским отделением руководил почти 9 лет (1930–1939) майор Ян Жихонь, что являлось редким исключением. Это была очень противоречивая личность – высказываемые мнения о нем в различных воспоминаниях по своему содержанию очень разнятся. Прежде всего, работники реферата «Восток» критически относились к методам и способам разведывательной работы, проводимой майором Я. Жихонем. Т. Новинский следующим образом представил поразительную карьеру этого офицера в органах военной разведки: «В 1930 году капитан Ян Жихонь принимает отделение. Следует подчеркнуть, что, как правило, на такие должности назначались офицеры с высшим военным образованием. Еще не было случая, чтобы во главе отделения был поставлен офицер без окончания школы Главного штаба и высшего военного учебного заведения. В то же время в данном случае на эту должность приходит относительно молодой капитан».

С. Струмпх-Войткевич представил нелестную оценку майора Жихоня: «Среди учтивых и элегантных штабистов он выделялся провокационно резкими манерами поведения и небрежностью в ношении одежды, а также был известен необыкновенными экстравагантными поступками, которые совершал в ходе службы, отличаясь язвительным высмеиванием руководителей».

Подобные трудности имели в общении с ним представители местных государственных властей. Последний перед началом войны староста в Быдгоще Юлиан Суски так вспоминал о контактах с майором Жихонем: «На почве агитации среди местных немцев происходили разногласия местных правительственных властей с так называемым отделением II Отдела Главного штаба в Быдгоще. Эта агентура была теоретически законспирирована и не подчинялась ни старосте, ни местным военным властям. Она выполняла не контрразведывательные функции, а занималась активным шпионажем в Германии. Не только я, но также другие окрестные старосты, и даже генерал, командовавший Быдгощским гарнизоном, выражали свое недовольство в отношении этой агентуры и ее шефа. Я лично старался избегать каких-либо отношений с начальником отделения Жихонем, но не по причине подозрения его в измене, в которой тогда его никто не обвинял, а в связи с тем что, по моему мнению, он являлся человеком без зазрения совести, злоупотреблявшим алкоголем и склонным к совершению незаконных проступков».

Совершенно иное мнение о майоре Жихоне имел Роман Водзицкий, который в 1928–1934 годах работал в Генеральном комиссариате РП в Свободном городе Гданьске. «Новый руководитель сухопутного подразделения, капитан Ян Жихонь, достигнувший тогда едва 26 лет, произвел на меня впечатление как человек значительно старшего возраста, обладающий жизненным опытом. Несмотря на достаточно правильные черты лица и крепкую фигуру капитана, в его внешности ничего не поражало. Однако в Жихоне ощущался какой-то исключительно тяжелый, подготовленный к взрыву заряд энергии, хотя он любил играть роль бесцеремонного рубахи-парня. На работу в Гданьск он был направлен непосредственно мною. Жихонь еще на прежней должности в Катовицах считался восходящей звездой польской разведки по Германии. Его ожидало бурное будущее, особенно в военной эмиграции в Лондоне, где он стал героем громкого процесса».

Положительной оценке личности Яна Жихоня в большой степени способствовали работы Л. Гондека и В. Козачука – авто-

ров многих статей о деятельности польской разведки в Германии. Следует согласиться с тезисом о том, что очень трудно оценить кадровых работников разведки, действовавших постоянно за кулисами, в атмосфере секретности и конспирации, тем более таких, как Ян Жихонь, использовавших в своей работе экстравагантные и нешаблонные методы.

Большое влияние на создание организационных трудностей, прежде всего в восточных отделениях, оказывали постоянные кадровые изменения. «Установление системы разведки, необходимой при методической работе, сталкивалось со значительными трудностями по причине внутренних кадровых изменений в отделениях, вызванных или увольнениями ряда офицеров, или необходимостью замены несоответствующих своим должностям начальников. Это последнее обстоятельство имеет большое значение, т.к. смена руководства тянет за собой изменение системы и методов работы, а также проведение внутреннего организационного построения от основ», – так раскрыл эту проблему руководитель отделения № 1 в Вильно подполковник Ежевский. Поэтому 19 апреля 1925 года руководитель II Отдела полковник М. Байер на совещании в Центре обратил внимание на необходимость внимательного подбора офицеров на все должности и установления правила, что все функции и должности в разведывательной службе требуют специальных способностей, практики и опыта, а, кроме того, в отношении вновь принятых офицеров – выделения соответствующего времени на их вхождение в «работу».

Наряду с этим были иные трудности в работе территориальных органов II Отдела. Инспектор армии Львов генерал М. Норвид-Неугебауер в письме к Генеральному инспектору Вооруженных сил маршалу Пилсудскому от 10 ноября 1926 года обратил внимание на некоторые недостатки территориальной разведывательной службы. Он отметил, что кризис в работе специальных служб на востоке происходил по причине плохой ее организации. Разведывательная служба КПО практически подчинила себе пограничную разведку, но не была подготовлена к выполнению возложенных на нее обязанностей. Отсутствие четкой подчиненности разведывательных органов КПО руководителям отделений II Отдела создавало такую ситуацию, что они не могли эффективно осуществлять контроль оперативной деятельности КПО. На совещании, организованном в апреле 1926 году в Министерстве военных дел, было установлено, что на границе и в пограничной зоне вербовкой разведывательной агентуры должны были заниматься отделения КПО. В течение короткого периода времени это решение при-

вело к негативным результатам. Так, например, в 1925 году отделение № 5 имело в своем распоряжении 30 агентов. В период с 1 января по 9 сентября 1926 года было приобретено 19 очередных агентов (в том числе только один агент разведывательной службой КПО). В то же время в этот период (по различным причинам) было утрачено более 30 секретных сотрудников. Это произошло, прежде всего, в результате беспечности работников разведки КПО.

Другой проблемой, которая отражалась на разведывательной работе в пограничной зоне, являлась необходимость постоянного сотрудничества органов II Отдела с политической администрацией, полицией и самостоятельными информационными рефератами Командования корпуса округа (СИР-КОК). В октябре 1923 года пор. Эдвард Издебский из II Отдела был направлен в инспекторскую поездку по восточным районам. Она подтвердила тот факт, что некоторые территориальные отделения II Отдела не заботились о поддержании хороших отношений с местными административными и полицейскими властями, часто располагавшими важной общественно-политической информацией, полезной для проведения разведывательной работы на восточном направлении.

Отдельным вопросом являлась организация территориальной военной контрразведки в межвоенный период. В польских условиях несколько иначе представлялась сфера контрразведывательной деятельности, чем в других государствах. Кроме борьбы с влиянием иностранных разведок в Польше, к задачам военной контрразведки относились широко понимаемое обеспечение безопасности военных учреждений и изучение политической деятельности национальных меньшинств и коммунистов. Наряду с этим органы контрразведки предоставляли многим государственным учреждениям информацию в отношении кандидатов на государственные посты, а также лиц, из числа призываемых в армию, и профессиональных кадров Войска Польского. Особенно широкую компетенцию военная контрразведка имела во время польско-советской войны (1919–1921). Только в 1924 году произошла серьезная реорганизация всего контрразведывательного аппарата с целью приведения его в соответствие с деятельностью в мирных условиях. С учетом этого можно выделить несколько периодов функционирования контрразведывательной службы ВП: 1918–1921, 1921–1924, 1929–1939 годы. Несмотря на это в течение всего межвоенного периода органы военной контрразведки не функционировали самостоятельно, как, например, сектор разведки. Сеть контрразведывательных подразделений была разме-

щена во всех линейных воинских частях (командование округов, дивизий, полков, военных школ). Вместе с произведенным в 1919 году разделением страны на генеральные округа при каждом из них создавались информационные отделы. В ходе выполнения контрразведывательных задач информационные отделы пользовались услугами жандармерии, которая выполняла функции исполнительного органа. Руководители информационных отделов подчинялись начальнику политической секции II Департамента Министерства военных дел. В конце 1919 года при КГО в Варшаве, Кракове, Львове, Лодзе, Кельцах и Люблине функционировали информационные отделы. Эти отделы создавали на территории округа собственные отделения. В 1920 году функции руководителей территориальных контрразведывательных органов исполняли: капитан Е. Халачинский – Информационный отдел КОГ Варшава, капитан Вояковский – Гродно, поручик Гульковский – Поморье, капитан Добачевский – Лодзь, капитан Коркозович – Кельце, капитан Сокульский – Краков, капитан Филипковский – Львов, поручик Кроненберг – Люблин.

В ходе польско-советской войны отечественные коммунисты активизировали политическую и диверсионную деятельность. В соответствии с указаниями Коммунистического интернационала они старались проникать в ряды польской армии и осуществлять разведывательную и идеологическую деятельность в отношении нее. Поэтому в командование полков была введена должность «референта по борьбе с большевиками». В его задачи входило: сбор данных о коммунистических деятелях, выявление проявлений подрывных акций большевистского движения, оказание противодействия фактам коммунистической агитации в армии, информирование по этим вопросам КГО.

После окончания военных действий организация армии была приведена в состояние, отвечавшее требованиям мирного времени. Территория государства стала делиться на 10 округов корпуса. При каждом из них в рамках Командования округа были созданы контрразведывательные органы II Отдела. В это время также стало формироваться мнение о разделении компетенции между органами военной контрразведки и властями политической администрации, с одной стороны, и Государственной полиции – с другой. Много вопросов оказалось в ведении гражданской службы безопасности. Однако с учетом того, что в армии находилось около 30% призывников из числа населения, представляющего национальные меньшинства, национальный вопрос по-прежнему оставался в компетенции военной контрразведки. В конце 1923 года национальный ре-

ферат перешел в Контрразведывательный отдел II Отдела Генерального штаба. В 1924 году была проведена последняя в межвоенный период реорганизация территориальных структур военной контрразведки. Основным ее результатом стало создание при каждом Командовании округа корпуса (КОК) самостоятельных информационных рефератов (СИР). Формально СИР являлся информационным органом КОК и его руководитель подчинялся командующему округу. В действительности же СИР непосредственно подчинялся руководителю II Отдела, от которого получал директивы, касающиеся организации контрразведывательной работы, и финансовые средства (директорский фонд). Такая сложная система служебного подчинения руководителей самостоятельных информационных рефератов, несомненно, содержала в себе определенные слабые стороны. Однако при этом следует учитывать то, что задачи по контрразведывательному обеспечению армии можно было выполнить только тогда, когда контрразведывательные подразделения действовали бы в рамках общей организации армии.

В 1924 году была также уточнена внутренняя структура СИР. Она состояла из рефератов: контрразведывательного, охраны, национального. Со временем расширялся объем компетенции самостоятельных информационных рефератов и увеличивалось количество подчиненных им территориальных подразделений, среди которых выделялись агентства и офицерские представительства. Агентства являлись законспирированными контрразведывательными ячейками, действовавшими на территории определенного гарнизона. Их личный состав действовал только конфиденциальными методами. Офицерские представительства, создаваемые при дивизиях и полках, официально представляли интересы контрразведки на данной территории. В своей работе Л. Садовский называл эти подразделения отделениями СИР, но в архивных материалах были найдены доказательства, подтверждающие использование этого названия.

Несмотря на различие наступательной и защитной контрразведки и разделение компетенций в сфере контрразведывательной службы между военными и гражданскими органами, руководство II Отдела по-прежнему считало, что самостоятельные информационные рефераты будут играть приоритетную роль в этой области.

В 1924 году СИР функционировали при следующих КОК: № 1 в Варшаве (майор Ядвинский), № 2 в Люблине (майор Галбаш), № 3 в Гродно (капитан Кшиновский), № 4 в Лодзи (капи-

тан Франкевич), № 5 в Кракове (капитан Бен), № 6 во Львове (капитан Белецкий), № 7 в Познани (капитан Ясиньский), № 8 в Торуне (капитан Кичиньский), № 9 в Бресте-над-Бугом (капитан Малек), № 10 в Пшемышле (капитан Хешок). В 1927 году был создан самостоятельный информационный реферат при Командовании флота в Гдыне, руководителем которого стал капитан жандармерии Франчишек Огурек.

Сначала штат личного состава этих рефератов был очень скромным (2–3 офицера). В то же время, несмотря на эти кадровые ограничения, начался процесс активного создания сети гласных и законспирированных контрразведывательных подразделений. На совещании руководителей СИР в апреле 1924 года было сделано сообщение о том, что служба военной контрразведки располагает 7 офицерскими представительствами и большой группой информационных офицеров, действующих в отдельных полках. Кроме того, в этот период существовала развитая сеть оперативных сотрудников: 107 разведчиков на постоянной основе, 215 платных агентов и 438 «идейных» информаторов. В ходе совещания выступавшие обращали внимание на то, что имеющиеся на тот момент успехи были достигнуты ценой больших усилий немногочисленного состава кадровых работников контрразведки. В ближайшее время после этого совещания важным событием стало увеличение средств директорского фонда и штатного состава. Например, во II квартале 1922 года на деятельность территориальной контрразведки была выделена сумма в размере 20 млн польских марок.

В 1928 году состоялось первое после майского переворота совещание руководителей военной контрразведки. При этом оказалось, что только три руководителя СИР предмайского периода сохранили свое положение (капитан Белецкий, майор Малек и капитан Хежог). Новое руководство подтвердило хорошую оценку контрразведывательной работы: «Мы можем констатировать, что иностранные разведки нами контролируются... В борьбе с разведками мы начинаем применять в более широком масштабе методы инспирации, что приводит информационные службы иностранных разведок к дезорганизации». Одновременно с этим руководитель II Отдела полковник Т. Схатзель в новом стиле, характерном для 1930-х годов, обозначил цели и направления деятельности самостоятельных информационных рефератов в ближайшем будущем: «Наш аппарат консолидируется, принимая новые органы как КПО, так и Пограничной службы. Период расширения уже закончился. Вторым этапом работы будет поиск всех путей к экономии. Если

уровень положения СИР является высоким, то к этому его привела техника работы. Теперь мы должны перейти к экономии в работе, исключить из аппарата ненужные вещи и начать работать экономно как относительно людей, так и всяких вспомогательных средств».

Вопреки этой декларации территориальные органы контрразведки стали расширяться. В первую очередь увеличилась штатная численность их личного состава. В некоторых СИР было произведено разделение рефератов на субрефераты. В 1939 году каждый СИР располагал следующими офицерскими подразделениями:

- СИР КОК № 1 – в Варшаве, Радоме, Ломже;
- СИР КОК № 2 – в Люблинском Хелме, Ковно, Ровно;
- СИР КОК № 3 – в Лиде, Белостоке, Вильно;
- СИР КОК № 4 – в Лодзи, Ченстохове;
- СИР КОК № 5 – в Катовицах, Цешине, Тамове;
- СИР КОК № 6 – в Стрию, Станиславове, Тарнополе;
- СИР КОК № 7 – в Калише;
- СИР КОК № 8 – в Быдгоще, Хойницах, Тчеве;
- СИР КОК № 9 – в Пинске, Седлицах, Барановичах;
- СИР КОК № 10 – в Кельцах, Жешове, Самбоже, Ярославле;
- СИР Командования флота – в Хелю.

Глава IV

Главные направления деятельности разведывательных военных служб

а) Разведка на востоке

Утверждение о том, что разведывательная работа II Отдела на территории советской России была очень трудной, является большим упрощением. Только советская граница делила мир на цивилизованный и нецивилизованный. Ленин начал, а Сталин закончил создание супертоталитарного государства, в котором основным инструментом правления были полицейские репрессии. Согласно с основными принципами коммунистической системы, в России не могло быть такого места в сфере общественной и даже личной жизни, которое бы не находилось под контролем государства. Каждый гражданин и иностранец чувствовал себя постоянно изучаемым и наблюдаемым. Повсеместно господствующий страх перед репрессиями и выставляемые властями на первый план так называемые уг-

розы со стороны капиталистических государств способствовали развитию в невиданном масштабе доносительства, которое стало основной обязанностью каждого гражданина. Дополнительными препятствиями разведывательной деятельности были административно-режимные меры по ограничению возможности передвижения по России для ее граждан, а тем более иностранцев. При попытке проникновения в профессиональную и культурную среду возникали многочисленные трудности. К этому еще добавлялась усиливавшаяся с каждым годом охрана военной тайны, как результат проводимой ГПУ и ГРУ акции по борьбе с иностранным шпионажем в СССР, выражавшаяся, например, в полном исключении из публикаций в прессе сведений, касающихся организации армии и анкетных данных, в сепарации казарм, ликвидации надписей на военных зданиях, устранении нумерации с военных мундиров. С учетом этих особенностей деятельность иностранных разведок на советской территории отходила от принятых в разведывательной службе канонов. Сам выход на территорию России уже был небывалым достижением. В то же время сохранение разведывательных представительств и приобретение ценных информаторов граничило с чудом. Каждый кадровый работник разведки, а тем более «местный агент», мог «исчезнуть» без следа навсегда. Органы безопасности России не использовали принятые в цивилизованном мире процедуры обмена агентов разведки и организации гласных судебных заседаний. Следует в полной мере согласиться с утверждением полк. Т. Схатзея, что «у большевиков нет худшего средства и метода в применении. Беспощадность является абсолютной. Жизнь людей не имеет никакой цены, закон для них не существует, а весь строй держится на извлечении из людей самых низких инстинктов, на их подлости».

Польская разведка в своей деятельности постоянно имела дело с попытками подстрекательства и провокации со стороны советских служб безопасности. Она непрерывно была вынуждена принимать меры к восстановлению уничтожаемых разведывательных структур на территории противника. Однако, несмотря на эти трудности, польская разведка могла похвалиться большим успехом по сравнению с результатами работы специальных служб иных государств. Это происходило в связи с тем, что польские власти со временем сосредоточили значительные силы и средства на восточном направлении. В 1928 году около 40% средств фонда, предназначенных на разведывательные цели, было направлено реферату «Восток» и соответствующим внутренним отделениям (№ 1 и № 5). Не-

сколько офицеров II Отдела стали асами польской разведки в трудных условиях борьбы с советской контрразведкой. В 1920-х годах майор Михал Таликовский, а в 1930-х годах капитан Ежи Незбжицкий были неоспоримыми специалистами по «восточным» проблемам даже в глазах западных специальных служб.

Много споров вызывала сразу после окончания войны личность капитан Незбжицкого. Из высказываний Л. Садовского следует, что его высокая позиция во II Отделе как руководителя реферата «Восток» не всегда подтверждалась успехами в разведывательной работе, а основывалась на политических раскладах, в которые он был вовлечен в конце 1930-х годов. «Этот офицер, несомненно умный, способный и знавший как разведывательные принципы в целом, так и Советы в особенности, пользовался исключительным положением во II Отделе. Он располагал доверием как руководителя II Отдела полк. Пелчынського, который опирался на его мнение, минуя компетентный реферат анализа, так и руководителя Главного штаба, сильно поддерживался кругами ГИВС. Его политические и публицистические интересы выходили за служебные рамки, не говоря уже о разных дополнительных важных функциях, которые поручались ему не только в рамках II Отдела, но и за его пределами. Складывалось такое впечатление, что он в рамках своего ведомства занимался собственной кадровой политикой. Независимо от этого Незбжицкий был связан с определенными политическими группами по линии санации* или за их пределами (“Клуб 11 ноября”, группа “Бунт Молодых”)... Можно смело утверждать, что в Отделе глубокой разведки в течение нескольких предвоенных лет не было никакой попытки улучшения положения дел».

Автор забыл о том, что в 1927–1928 годах после аферы с организацией «М» восточная разведка находилась в «провале». Только капитан Е. Незбжицкий создал новые возможности для дальнейших действий, благодаря которым в короткое время II Отдел достиг определенных успехов на востоке. Поэтому в 1934 году капитан Е. Незбжицкий на совещании руководства разведки КПО мог заявить: «В данный момент мы находимся в такой благополучной ситуации, когда наша разведка уже как четыре года отошла от инспирированных афер. В течение четырех лет я уже не имею дела с инспирированным материалом (что часто происходит в румынской и эстонской разведках)». А затем он указал направление работы на перс-

* Санация – лагерь сторонников Пилсудского.

пективу: «Мы располагаем очень скромными зацепками на советской стороне, однако, как мне видится из практики, к людям на советской территории имеются реальные подходы. Если оказать сильное давление, если вопросы ставить категорично, то подход наверняка состоится».

Среди многих работников разведки II Отдела, действовавших на антисоветском фронте, следует назвать капитана Борковского, майора С. Малечиньского, подполковника В. Енджевича, майора Дакевича и майора В. Михневича.

С самого начала деятельности польской разведки в советской России придавалось большое значение созданию разведывательных сетей из привлекаемых к сотрудничеству лиц польской национальности. Принимались меры к использованию периода послереволюционного хаоса для ассимиляции этих лиц в местной среде. В разведывательных целях также использовались создававшиеся в России польские общественные организации. Член «Товарищества охраны восточных земель» Тадеуш Кашельбах так вспоминал через много лет начало сотрудничества со II Отделом: «Когда польская армия начала занимать восточные земли РП, пограничная охрана продвигалась за ней, организуя сразу же общественную и культурную жизнь на вновь обретенных землях. TSK осуществляло свою деятельность по согласованию со II Отделом Штаба. В разведывательном подразделении “двойки” работали офицеры В. Енджеевич, К. Кежковский, А. Коц, И. Маташевский, Т. Схаецель. В заявленном пограничной охраной списке лиц – кандидатов для работы на территории, оказалась также моя фамилия».

В августе 1920 года II Отдел Министерства военных дел создал на восточных землях законспирированную организацию под названием «Союз защиты Отчизны». Главной ее задачей являлось проведение разведывательной и диверсионной работы в тылу советских войск. Комендантом этой организации был назначен майор Зындрам-Кошчаковский, кадровый работник разведки Верховного командования ВП. В ходе реализации этих задач придавалось большое значение использованию в разведывательной работе членов «Польской военной организации», пребывающих на территории России. Благодаря активному участию в глубокой конспиративной работе, полученному большому опыту и патриотизму членов ПВО они стали ценным информационным материалом для польских специальных служб. В этих целях в разведывательном Центре был составлен список окружных и областных комендантов ПВО на восточных территориях, которых планировалось включить в работу по линии как глубокой разведки, так и неглубокой.

В ноябре 1920 года в Риге прошла секретная встреча тогдашнего руководителя II Отдела И. Матушевского с военным атташе в Риге майором Мышковским и ротмистром Богусловским – военным атташе в Ревеле (Таллине). В ходе нее планировалось наметить главные направления польских разведывательных акций в России. В начале заседания был единогласно принят тезис, что существование советской России несет в себе серьезную угрозу для независимости вновь созданного польского государства. Исходя из этого, к главным задачам польских специальных служб были отнесены следующие:

- организация как можно сильного политического вмешательства во внутреннюю жизнь России и через это оказание косвенного влияния на ее формирование в будущем;
- воспрепятствование консолидации российского общества под влиянием вредных для нас сил, а именно большевистских и монархических;
- разрушение боеспособности России.

В таких условиях естественным союзником (по крайней мере в ближайшее время) польских мероприятий и планов в отношении России становились любая внутренняя политическая оппозиция по отношению к коммунистам и огромная послевоенная эмиграция. В 1920 году И. Матушевский рассчитывал на привлечение на свою сторону российских эсеров, которые были настроены антикоммунистически и одновременно противодействовали немецкому влиянию в России. «Возможность влияния на энергичную, солидарную российскую группу дает нам также возможность осуществить более болезненное вмешательство во внутренние дела противника. Только сохранение этого козыря в своих руках может позволить принудить противника без объявления ему войны к соблюдению ст. II сметы бюджета».

Подобную политику относительно советской России проводили специальные службы иных государств. Польский атташе в Константинополе в своем отчете за 1922 год обратил внимание на одно явление: «Даже поверхностный анализ показал, что представленные здесь военные атташе (английский, американский, японский, итальянский и французский) проводят разведку в России за счет использования всей толпы российских беженцев и разведывательных организаций армии генерала Врангеля. Я поставил себе цель – путем передачи иностранным военным атташе информации, имеющейся в распоряжении нашего Генерального штаба и касающейся советской России, конкурировать с российскими разведчиками, устранить необходимость их использования и отобрать у Врангеля ру-

ководство разведывательными тенденциями, которые очень часто противоречат нашим военно-политическим интересам».

Со временем самыми ценными агентами нашей разведки на Востоке стали не поляки, а русские и представители иных национальностей, проживавшие в России. Последствия такой политики оказались трагичными, но об этом будет сказано позднее.

Глубокая разведка на Востоке, выполняя задачу по получению полных сведений военного, экономического, общественного и политического характера, использовала все возможные источники информации. При этом важное значение имели данные, касающиеся военного потенциала России. В плане работы реферата «Восток» на 1926 год были определены главные разделы военной информации: государственный строй СССР, организация всех бронетанковых частей в мирное и военное время, дислокация армии мирного времени, вооружение и система снабжения артиллерийским и химическим снаряжением, уровень бактериологических работ, военная транспортная система, военно-морской флот, военное образование, военная подготовка, сводка данных по подготовке к ведению войны, сотрудничество с Германией, военная промышленность.

В 1920-х годах оперативная работа II Отдела, несмотря на объективные трудности, опиралась больше на информационно-агентурную разведку и в меньшей степени на систему наблюдения. Однако в то время была редкостью деятельность самостоятельных (одиночных) агентов, так как разведка преимущественно старалась создавать законспирированные ячейки, руководимые резидентами. В большинстве случаев они находились на территории дипломатических представительств. Только резиденты создавали сети осведомителей и агентов. Организация ячеек предусматривала возможность действовать в разных условиях и ситуациях (война и мирное время). Поэтому структуры разведки в России должны были состоять из отдельных сетей с различной степенью связи между собой. В инструкции по организации разведывательной работы в России, утвержденной Штабом Министерства военных дел от 10 августа 1921 года, этот принцип выражался следующим образом: «Рациональная организация разведки требовала целенаправленного раздела территории советской России таким образом, чтобы избежать излишних пересечений работы на определенном пространстве. Кроме того, с учетом обеспечения безопасности рекомендуется, чтобы существующие на данной территории различные структуры разведывательной работы были между собой связаны таким образом, чтобы раскрытие одной из них не потянуло за собой полного уничтожения сети. Этого

также требует необходимость обеспечения безопасности на случай войны, когда официальная работа была бы прервана». Поэтому весь разведывательный аппарат был разделен на 3 группы, действующие на территории советской России, на территории соседних государств (по отношению к России), на территории западных государств.

Принятие такой системы деятельности разведки в отношении России должно было обеспечить получение достоверной, полной и объективной информации о противнике. Не стоит забывать, что это являлось также попыткой максимального использования ограниченных возможностей разведывательной деятельности в самой России. Кроме того, руководители II Отдела рассчитывали на участие в антисоветской деятельности большей части российской эмиграции, пребывающей в прибалтийских странах и во Франции.

Возвращаясь к вопросу организации восточной разведки, следует отметить, что территория России была разделена на 5 «разведывательных округов»: Москва, Харьков, Тифлис (Тбилиси), Новониколаевск и Оренбург. Каждый округ имел главную резидентуру и был разделен на несколько так называемых подчиненных округов. В исключительных ситуациях действовали самостоятельные разведывательные резидентуры и агенты, подчиненные резидентурам в соседних странах (прибалтийские страны и Румыния) или непосредственно Варшавскому центру. Среди резидентур разведки в России главную роль играли центры, расположенные в дипломатических представительствах в Москве и Харькове. Остальные могли находиться под руководством местных агентов или законспирированных работников II Отдела. Еще в 1922 году планировалось создать 4 офицерских разведывательных резидентуры – в Москве, Санкт-Петербурге (Петрограде), Киеве и Харькове.

Представленные сферы деятельности отдельных разведывательных подразделений не были окончательно определены, в данном случае речь шла только об определенной стабилизации оперативной работы. Московская зона, кроме столицы, охватывала Петроград, Смоленск, Минск, Нижний Новгород и Самару. В сферу интересов польской разведки на этой территории входили учреждения и воинские части четырех округов Красной Армии: Московского, Петроградского, Западного и Приволжского, а также Балтийский флот, порт в Архангельске, транзитное движение в Финляндию, центр военной промышленности в районе Тулы, Иваново-Вознесенска и Урала. Отдельное место занимали центральные государственные и военные учреждения в Москве. В Харьковскую зону входили 4 округа: Ки-

евский, Харьковский, Одесский и Ростовский, где дислоцировались воинские части Украинского и Северокавказского округов. Особую заинтересованность польской разведки представляли Киевский укрепленный район, проблема экспорта и импорта через черноморские порты и развитие военной промышленности в Донецком бассейне. Третья зона (Тифлис) охватывала территорию Кавказа. Здесь разведку интересовало, прежде всего, развитие антисоветской ирреденты в Азербайджане, Грузии и Армении. Самый восточный округ (Новониколаевск) охватывал своей деятельностью Западную и Восточную Сибирь. В южной части России находилась последняя зона деятельности II Отдела – Оренбуржско-Туркестанская, включавшая Хиву и Бухару.

Выстроенная таким образом организация разведывательной сети в России не являлась завершившимся мероприятием, но была перспективным начинанием. II Отдел не располагал соответствующими финансовыми и кадровыми возможностями, чтобы наполнить представленную структуру реально действующими агентами и разведывательными подразделениями.

Попытка выйти в 1925 году на территорию Восточной Сибири с помощью польского военного атташе майора Енджеевича показала масштаб возникающих трудностей при реализации такого вида мероприятия.

В ноябре 1921 года в Центре было принято решение о передаче руководства разведывательной работой на территории России разведывательной резидентуре, действовавшей в рамках военного атташата в Москве (тогда ее руководителем был подполковник Р. Воликовский). В компетенцию военного атташе входило полное финансирование оперативных мероприятий, а также руководство и контроль работы отдельных агентов и разведывательных ячеек. Несколькими месяцами ранее началась разведывательная экспансия II Отдела в России. В апреле 1921 года вместе с репатриационной делегацией в Москву прибыли офицеры II Отдела: капитан Котвич-Добжаньский, капитан Беганьский и подпоручик Неузьяковский. Им удалось создать разведывательную резидентуру под псевдонимом «Бурский» (в 1923 году изменен на «У-6»), которая действовала дольше всех остальных на территории России. Ее возглавлял капитан Котвич-Добжаньский. Через определенное время другому члену миссии, капитану Беганьскому, удалось создать резидентуру в Сибири – в Новониколаевске. Однако ее деятельность носила эфемерный характер, и она прекратила свое существование уже в 1922 году. В августе 1921 года в

Москву прибыл поручик Масюрович с целью оказания помощи в организации разведывательной работы резидентуры, действовавшей в рамках военного атташата. Результатом его работы стало создание резидентуры под псевдонимом «Ларин», которая приобрела информационные источники в Красной Армии. В 1922 году было начато создание разведывательных ячеек вне Москвы. 1 июня 1922 года была создана первая из них в Петрограде. Ее руководителем стал капитан Чехович.

На следующий год происходило дальнейшее достаточно спонтанное развитие существующих резидентур и создание новых. «Бурский» старался проникнуть в Штаб Красной Армии с помощью агентуры и ввести агентов в мобилизационный отдел Московского военного округа и местные управления ГПУ. В это время Центр принял решение по выделению 640 американских долларов ежемесячно для резидентуры «Ларин», которая создала свою разведывательную ячейку в Ростове-на-Дону. 1 июля 1923 года ротмистр Прухицкий создал резидентуру «Р-10», целью которой являлось проникновение в центральные военные ведомства.

Значительно труднее происходил разведывательный охват Украины. Созданные в 1922–1923 годах разведывательные резидентуры в Харькове – псевдоним «О-3» (поручик Кениг), Киеве – псевдоним «А-9» (подпоручик Ланевский) и Одессе – псевдоним «D-5» (поручик Кинтопф) с самого начала столкнулись с большими организационными трудностями и не могли осуществлять активную вербовочно-информационную работу. В начале 1923 года руководитель Разведывательного отдела направил в инспекторскую поездку по Украине аса восточной разведки капитана М. Таликовского. Он должен был изучить возможности расширения разведывательной сети на этой территории.

В связи с разоблачением прежнего руководителя Харьковской резидентуры капитан М. Таликовский предложил направить в Харьков капитана Леховицкого-Чеховича, бывшего руководителя разведывательной ячейки в Петрограде. Капитан Леховицкий-Чехович с 1919 года работал по линии восточной разведки, и поэтому предполагалось, что именно ему удастся оздоровить польскую разведку на Украине. Но, к сожалению, он потерпел очередное поражение на этой территории – ГПУ арестовало ближайших сотрудников резидентуры «А-9» в Киеве. В 1923 году были созданы две новые резидентуры под псевдонимами «Р-7» и «Р-7/1» за счет привлеченных к сотрудничеству офицеров Штаба Красной Армии из числа бывших царских офицеров. Руководство польской разведки связывало большие надежды с работой этих разведывательных ячеек. В от-

чете за III квартал 1925 года в характеристике их деятельности отмечалось: «С учетом поступающего материала [резидентура «Р-7»] занимает первое место по линии разведки в России. По своему содержанию этот материал является очень ценным и всесторонним, охватывающим как военные вопросы, так и политические. Большую ценность представляет немецкий материал. Общая оценка работы – выдающаяся. Резидентура продолжает развиваться». О резидентуре «Р-7/1» сообщалось: «Текущие материалы не поступают, так как она полностью занята работой по добыванию мобилизационных материалов. Работа в этом направлении продвигается последовательно и целенаправленно вперед. Целесообразность расходов полностью оправдывается. Резидентура предполагает добиться очень хороших результатов в последующих кварталах».

Другая категория заграничных подразделений разведки располагалась на территории государств, соседствующих непосредственно с советской Россией. С учетом острой угрозы раскрытия работников разведки, действовавших в России, значение резидентур в соседних странах постоянно возрастало, особенно в тех государствах, которые сотрудничали в разведывательной плоскости с польским Генеральным штабом, прежде всего в прибалтийских странах и Румынии. Первая резидентура была образована в Ревеле в апреле 1920 года во время польско-советской войны с присвоением ей псевдонима «Виттег». Сначала ее единственным работником стал Зблоцкий. В сентябре 1920 года удалось переправить в Россию 10 агентов и создать резидентуру в Нарве. В июле 1921 года руководство резидентурой «Виттег» принял капитан Томир Дрыммер. Еще в ходе мирной конференции в Риге на территории Латвии началось создание разведывательной сети. Сначала Рижской резидентурой руководил поручик Клотз, помощник военного атташе, а с конца 1922 года – сам военный атташе поручик Ярочиньский.

Самые большие трудности возникли в ходе организации разведывательного отделения в Финляндии. Только во время Кронштадтского мятежа было создано отделение в представительстве в Ревеле, и уже позднее оно начало функционировать самостоятельно, а затем была создана резидентура II Отдела под псевдонимом «Финн». Ее первым руководителем стал полковник Пожерский. На финско-советской границе было создано отделение в Терьёках (поручик Ковалевский). Из-за больших расходов на содержание разведывательных сетей на территории Финляндии в 1922 году была приостановлена дея-

тельность резидентуры «Финн». Годом позднее новый военный атташе РП капитан Любеньский безрезультатно пытался расширить польское разведывательное влияние в Финляндии.

Польша была связана военным союзом с Румынией, и поэтому Генеральный штаб последней согласился на создание разведывательной резидентуры реферата «Восток» II Отдела в Кишиневе под псевдонимом «Искатель». Первым ее руководителем стал капитан Чехович. Однако из соображений экономики ее, так же как и резидентуру «Финн», в 1922 году ликвидировали. В конце концов, в Турции на рубеже 1920–1922 годов при польском посольстве в Константинополе была организована резидентура под псевдонимом «Консполь». Должность ее руководителя занял капитан Е. Ретровский. Источниками для этой резидентуры являлись, прежде всего, российские эмигранты из армии Врангеля и Деникина. Резидентура «Консполь» имела свои филиалы в Харькове, Севастополе, Новороссийске и Тифлисе (Тбилиси).

В инструкции начальника Генерального штаба ВП от 10 августа 1921 года указывалось территориальное и предметное разделение интересов разведывательных подразделений II Отдела, расположенных в соседних с Россией государствах:

- резидентура «Финн» в Хельсингфорсе (в настоящее время Хельсинки) – Петербургский военный округ, внешняя торговля, осуществляемая через Финский залив и Белое море;

- резидентура «Виттег» (позднее псевдоним «Балт») в Ревеле – Петербургский военный округ, транзит через Эстонию, центральные учреждения в Москве (она считалась самой лучшей и располагала филиалом в Москве – подпоручик Михневич);

- резидентура «Норд» в Риге – Западный и Петербургский военные округа, транзит через Латвию;

- резидентура «Искатель» в Кишиневе – южная часть Киевского военного округа;

- резидентура «Консполь» в Константинополе – южная часть Украины, Южный Кавказ.

Следует подчеркнуть, что относительно разведывательной работы на востоке сложно говорить о стабильных кадрах и разведывательных сетях резидентур. Постоянно ликвидировались и приостанавливалась деятельность одних резидентур, а другие в это время начинали свою работу, и при этом происходило их объединение. Необходимо отметить, что на основе архивных материалов очень сложно проследить определенные моменты в организации разведывательного аппарата на этой территории. Даже история резидентуры «Искатель», действовавшей в достаточно «конкретных условиях» на территории со-

южнической Румынии, крайне запутана. Финансовые проблемы и трудности в борьбе с советской контрразведкой на территории Украины привели к тому, что деятельность этой резидентуры неоднократно приостанавливалась, а в 1928 году она прекратила функционировать. Жесткие методы, применяемые украинским ГПУ, вызвали уничтожение всей агентурной сети, создаваемой с помощью больших затрат средств на территории Украины: «В середине октября 1924 года были расстреляны агенты: Венсibuев и Прокопович в Одессе. В этом же месяце было установлено, что наша резидентура в Одессе подверглась ликвидации, а агентессы “Коршун”, “Кусис” и агент-студент Петров были расстреляны без суда за сотрудничество с польской разведывательной организацией. Начиная с октября не было случая, чтобы наши агенты смогли спокойно переправиться на территорию большевиков, а в двух случаях дело дошло до настоящей битвы».

Для получения информации о жизни российской эмиграции на Западе и ее использования в интересах Польши зарубежным резидентурам II Отдела (на западе и юге Европы) поступило следующее задание для выполнения:

- использование информационного материала об отношении групп российской политической эмиграции к советской России;
- сбор информации, касающейся враждебных Польше эмигрантских группировок;
- использование ситуаций в эмигрантской жизни в целях побуждения эмигрировавших политиков к действиям в пользу Польши.

Намного менее выгодными представлялись условия проведения неглубокой разведки в отношении России внутренними отделениями II Отдела. Советские органы безопасности проводили предупредительные контрразведывательные меры, основывавшиеся на выселении из пограничной полосы лиц из числа местного населения, хотя бы подозреваемых в нелояльности, применении строгого режима пограничной зоны шириной в 180 км, организации групп из доверенных лиц за контролем пограничного режима – насыщении границы пограничными отрядами и применении малозаметного технического оборудования, затрудняющего пересечение границы. Кроме того, в целях выявления разведывательной сети противника контрразведка ГПУ применяла в массовом порядке подставы двойных агентов. В отношении внутренних отделений следует отметить, что они, с одной стороны, располагали скромными возможностями контрразведывательного контроля за деятельностью соб-

ственных агентов, а с другой – методы, применявшиеся спецслужбами противника, приводили к чувствительным потерям в агентурном потенциале органов, ведущих неглубокую разведку на востоке. Эта разведка делилась на два вида. Первый охватывал пограничное пространство советского государства и представлял собой территорию деятельности разведывательной агентуры отделений. Второй вид был по своей сути пограничной разведкой, проводимой гражданскими органами (полиция и политическая администрация) и подразделениями охраны границы (КПО).

Специфика разведывательной деятельности восточных отделений приводила к использованию необычных методов и способов работы:

«а) ...с учетом трудности внедрения агентов на той стороне большинство агентов вербовалось среди населения восточных воеводств, проживавших в пограничной зоне, знающих тамошние условия жизни и, прежде всего, возможности и способы перехода через границу;

б) принято решение приступить к добыванию документальных материалов силой, высылая группы вооруженных агентов, снабженных вспомогательными техническими средствами для использования их при пересечении границы, для “броска” на определенный объект. Наряду с этим захватывать также лиц, могущих поставить ценную информацию;

в) соответствующая агентурная работа должна была по естественным причинам ограничиваться высылкой маршрутных наблюдателей, подбирающихся из числа лиц, проживавших в пограничной зоне, которые с учетом строгого режима передвижения и недостаточного интеллекта не могли поставлять ценную информацию. Организация резидентской сети на той стороне оставалась в состоянии намерения ее создания;

г) разведывательный аппарат КПО был настроен на тщательное и конкретное добывание и использование всех, даже самых мельчайших, сведений, которые могли нести информацию о легальном и нелегальном передвижении через границу».

Неглубокая разведка отличалась от глубокой тем, что опиралась на работу самостоятельных разведчиков и агентов, а в исключительных ситуациях на деятельность законспирированных разведывательных резидентур. Например, создание руководителем отделения № 1 в Вильно резидентуры в Свердловске руководитель реферата «Восток» посчитал преувеличением компетенции. Сфера деятельности отдельных отделений совпадала с территориальной организацией разведывательной службы Верховного командования ВП. Отделение

№ 1 в Вильно проводило неглубокую разведку на территории, охватывающей населенные пункты Опочка и Великие Луки, а также железнодорожную линию Невель-Сокольники-Витебск-Орша. Отделение № 5 во Львове действовало на территории железнодорожной линии Лунине-Жежица, по рекам Днестр и Припять и железнодорожной линии Канев-Хрыстонувка-Огополь-Каменка. Наконец, отделение № 6 в Бресте-над-Бугом «оперировало» разведывательным аппаратом в районе населенных пунктов Радошковиче, Кожец, Орша, Радомыщев и реки Днепр аж до устья Десны. После ликвидации Брестского отделения территория его деятельности была разделена между Львовским и Виленским отделениями. Как уже упоминалось, как правило, отделения не создавали заграничных резидентур. Только в порядке исключения отделение № 1 в Вильно имело таковые в Минске, Витебске и Смоленске, а отделение № 5 – во Львове, Житомире, Кшеменьце и Киеве.

Дело часто доходило до серьезных осложнений в разграничении компетенции в разведывательной работе между внутренними отделениями II Отдела, разведывательными отделениями КПО и гражданскими органами службы безопасности. 20 ноября 1924 года во время совещания в Центре капитан Рыботыцкий, тогдашний руководитель Реферата центральной агентуры, заявил, что главной задачей органов КПО и ПП является вербовка агентов, так как они лучше всех ориентируются и располагают хорошим знанием обстановки, складывающейся на пограничной территории. Эта проблема оставалась также актуальной и в последующие годы. В 1934 году капитан Е. Незбжицкий на одном из служебных совещаний подчеркнул, что «начальник поста (КОП) не имеет никаких прав по вопросам разведки. Он является только исполнительным органом руководителя отделения. Пост не имеет своих агентов, потому что агентами располагает руководитель отделения. В целом начальники постов слишком много занимаются разведкой и совсем мало пограничной техникой. В результате этого смешения понятий возникает конкуренция между отделением и постом». Поэтому проекты отдельных командований бригад КПО о придании разведывательной работе КПО наступательного характера также вызвали возражение руководства II Отдела. Возобладало мнение, представленное капитаном Олендским: «Разведывательным органам КПО следует определить неглубокое наблюдение, но в то же время “более активные глубокие” задачи пусть решает отделение. Кроме того, этот вопрос, несомненно, имеет дополнительные аргументы, потому что отделение может лучше обучать агентов, и, вообще,

оно должно выполнять иные задачи, чем пост, который скорее является органом, перебрасывающим через границу и принимающим обратно».

Л. Садовский в своем труде отметил, что работа отделения № 5 была оценена выше, чем отделения № 1. Возможно, такое мнение возникло из-за того, что первое действовало исключительно в России, а Виленское отделение проводило также разведку против Литвы и Восточной Пруссии. Однако Садовский обошел молчанием тот факт, что большая часть агентуры отделения № 5 была подставлена советской контрразведкой во второй половине 1924 года. Поэтому тогда произошла серьезная реорганизация разведывательной службы этого органа. Доказательством того, что эти действия создали огромные трудности, является то, что только в середине 1925 года стали появляться положительные результаты. В то же время отделение № 1 в Вильно постоянно получало достоверный документальный материал о советских воинских частях Западного округа. В конце 1925 года Львовское отделение понесло новые потери в связи с разоблачением украинской организации, действовавшей в пользу польской разведки. Результаты разведывательной работы отделения № 6 в Бресте в этот период были небольшие. В I квартале 1929 года отделение № 1 в Вильно насчитывало 115 агентов, ведущих разведку в России, а отделение № 5 во Львове – 123 агента. Однако в тот период в этом отделении происходили большие изменения в агентурном аппарате – было утрачено 23 агента и приобретено 20 новых. К ценнейшим достижениям неглубокой разведки относилось: получение экземпляра РКМ Дегтярева, мобилизационных инструкций из Московского района и материалов о военной флотилии на Днестре, разработка приграничных военных укреплений.

Уже в 1920-х годах как в Центре, так и в территориальных отделениях стало проявляться беспокойство о том, что агентурный аппарат выстраивался исключительно на российском элементе. В своем большинстве эти агенты являлись офицерами бывшей царской армии, и поэтому была велика опасность подставы. Кроме того, с этим их солдатское начало в показном интеллектуальном уровне не всегда подходило для выполнения сложных разведывательных задач, и они часто поддавались моральному разложению. Создание агентурного аппарата из поляков было затруднено. Во-первых, они не знали хорошо территории, а, во-вторых, среди них явно не хватало добровольцев для такой опасной работы. Один из агентов в своих сообщениях Центру в состоянии нервного истощения

писал: «Что касается меня лично, то я жажду как можно быстрее убраться и буду Вам премного благодарен, если вы придумаете для меня что-нибудь другое... О том, как я страшно жажду вырваться быстрее в отпуск и в целом из Харькова, вероятно, излишне вам писать».

Согласно расчетам II Отдела, для получения достоверной информации о военном потенциале и политико-экономическом состоянии Европейской части России следовало иметь 30 разведывательных пунктов, укомплектованных 45 кадровыми работниками разведки. Органы разведки все чаще старались использовать в разведывательных целях деятельность торговых фирм, принимавших участие в польско-советском товаро-торговом обмене. «Какие превосходные результаты дает эта система, свидетельствует опыт предвоенной немецкой разведки (представительство фирмы “Зингер” в России). Одной из ветвей торговли, имеющей много связей в России, является нелегальная и межгосударственная торговля. Этим материалом пользуется с момента заключения мира советская разведка. Поэтому начинания в этом направлении необходимо осуществлять с двойной осторожностью».

В 1922 году руководитель отделения № 6 в Бресте капитан С. Майер намеревался направить в Россию агента Эдварда Шиллера в качестве представителя немецкой торговой фирмы. В исключительных случаях в тот период создавались даже фиктивные фирмы, единственной целью которых являлась разведывательная работа. Большие оперативные возможности создавала также антисоветская ирредента народов, принудительно присоединенных к советскому государству. Польская разведка получила предложение о сотрудничестве с ней со стороны грузин и кавказских горцев (Джамбулай-бей). В другом случае майор В. Енджеевич получил предложение о продаже ему мобилизационных планов советских войск в отдельных округах. Цена этих документов – 30 тысяч долларов, – однако, превышала финансовые возможности II Отдела. Поэтому было принято решение поделиться этими сенсационными документами с правительствами союзных государств, чтобы они покрыли часть стоимости сделки.

При большом присутствии польской разведки на востоке постоянно существовал риск разоблачения и разведывательных афер. Первое дело такого рода возникло в 1924 году. Уже под конец 1923 года активная деятельность II Отдела на территории России вызвала недовольство советских властей. Сначала русские стремились добиться замены польского военного атташе в Москве и части персонала дипломатических

представительств. Возникшую горячую атмосферу вокруг польских дипломатических представительств достаточно хорошо описал в письме от 27 февраля 1923 года майор В. Енджевич: «Уже мой приезд (в Москву. – Прим. А.М.) наделал много шума в НКВД, а приезд слишком хорошо известного здесь Михаловского, замена атташе и вся напряженная и впечатляющая атмосфера дополняли все остальное. Посол попросил, чтобы мы ему такими пьесками не усложняли работу. Михаловский вообще не должен появляться в Москве, а Ковелевский может приезжать только в качестве курьера с дипломатическим паспортом».

Выявление польской контрразведкой участия советских спецслужб в диверсионных и коммунистических акциях, направленных против польского государства (дело Кобецкого), вызвало далеко идущие последствия в работе польской разведки на советском направлении. В августе 1924 года Ленинградское ГПУ арестовало работника II Отдела Станиславского во время проведения встречи с агентом резидентуры «Р-7/1» и двух служащих посольства – Кудлиньскую и Сухоневича (из реэвакуационной делегации). Эти события стали источником серьезного беспокойства руководства польской восточной разведки. В результате указанных арестов много разведывательных резидентур оказалось под угрозой разоблачения. После проводившихся в течение нескольких месяцев переговоров с советскими властями (с заместителем министра иностранных дел Коплем) польским представителям удалось минимизировать так называемое «Ленинградское дело». Однако польская сторона была вынуждена пойти на уступки по делу о советской диверсионной деятельности в Польше. Такое разрешение шпионских дел стало с тех пор привычным способом урегулирования спорных вопросов между специальными службами разных государств. Этот факт польско-советских отношений, конечно же, не подлежал огласке, и никто не подозревал, какое влияние он может оказать на внешнюю политику двух стран. «Ленинградское дело» явилось грозным предостережением для польских разведывательных акций в России в последующем.

Одним из характерных методов работы специальных служб многих стран была и остается подстава иностранным разведкам своих разведчиков, или так называемая игра двойных агентов. Она позволяет контрразведке расшифровать направления деятельности разведки противника. Особенно специфично этот метод применялся советской разведкой. Она была готова пожертвовать наиболее ценными секретными сотрудниками, чтобы только достигнуть своей оперативной цели, и по-

этому бороться с разведкой, использовавшей такие методы, было очень трудно.

В 1927 году польская разведка в России потерпела чувствительное поражение, последствия которого она ощущала еще в течение многих лет. Тогда сеть глубокой разведки подверглась частичной расшифровке. Особенно болезненно было то, что работа считавшейся наиболее ценной разведывательной организации II Отдела на востоке (организация «М») проводилась под полным контролем советской контрразведки. В истории разведывательной работы II Отдела на востоке 1927 год стал переломным моментом – с этого времени началась основательная кадровая и организационная перестройка восточной разведки.

В 1920 году, по мнению Ленина и других ведущих советских политиков, самой большой угрозой для большевиков в России была так называемая контрреволюция, или деятельность общественных групп, связанных в прошлом со свергнутой царской властью. В результате нараставшего террора большевистских органов безопасности большинство представителей этих групп скрылось в эмиграции: в Польше, Финляндии, прибалтийских государствах, Турции и на западе Европы, где были возможности ведения политической деятельности без особых ограничений. 1 декабря 1920 года Ленин дал указание Феликсу Дзержинскому, создателю и первому руководителю ЧК, о подготовке плана разработки и окончательной ликвидации послереволюционных организаций российской эмиграции. Вскоре Дзержинский представил перспективную программу деятельности подчиненных ему служб, которая предусматривала применение как репрессивных методов и средств (шантаж определенных представителей эмигрантских организаций путем ареста членов их семей, проживающих по-прежнему на территории России; создание специальных отделов, занимавшихся физической ликвидацией некоторых деятелей эмиграции), так и оперативных – имитацию антироссийской деятельности спецгруппами и провокацию.

В последнем случае планировалось создавать фиктивные конспиративные антибольшевистские группы и организации по стране или осуществлять контроль с помощью агентуры за существовавшими достаточно немногочисленными оппозиционными группировками. Применяя такого рода методы, Дзержинский планировал воздействовать в соответствующем направлении на деятельность эмигрантских организаций в выгодном для органов безопасности плане, разъединить их и вызвать замешательство и хаос в этой среде. Кроме того, он пред-

ложил Ленину завязать изоощренную игру с разведывательными службами западных государств, что дало бы возможность контролировать их посредством проникновения туда советских агентов, а также ослабить активность их оперативной деятельности в России.

Сначала ЧК приступила к реализации операции под кодовым названием «Синдикат», главным объектом которой был Борис Савинков – известный с царских времен эсеровский террорист, а затем военный министр в правительстве Керенского. В эмиграции он стал ведущим оппонентом большевистской власти. В ходе польско-советской войны в 1920 году Савинков пытался проводить вербовочную акцию в российские добровольческие военные отряды, которые бы сражались в рядах польской армии. В последующем он приступил к объединению политических эмигрантов в Польше, создавая Российский политический комитет с резиденцией в Варшаве. Организуя активную борьбу с коммунистическим режимом в России, Савинков сотрудничал с польской военной разведкой. II Отдел Генерального штаба ВП был особенно заинтересован в использовании Савинкова в реализации прометейских акций на востоке. В вышеуказанных обстоятельствах советские специальные службы приняли решение о нейтрализации этого врага коммунистической революции.

В декабре 1920 года в Польшу прибыл Александр Опперпут (Павел Селянинов, А. Касаткин), заместитель начальника штаба войсковой части советских внутренних войск в Гомеле, который представился членом подпольной антибольшевистской организации в России, желавшим установить непосредственный контакт с Борисом Савинковым. В действительности же он был агентом-provokатором ЧК, которого направили в Польшу для изучения эмигрантской среды и, прежде всего, для завоевания доверия Савинкова. Однако ему не удалось убедить последнего в необходимости нанести визит в Россию. Вместе с тем Опперпуту удалось получить информацию о членах политического движения, связанных с Савинковым и действовавших на территории России. Это позволило органам безопасности России провести массовые аресты в июле 1921 года. Опперпут также был арестован для обеспечения соответствующей легенды. В то же время Савинков, не чувствуя себя в безопасности в Польше, переехал сначала в Прагу, затем в Париж и, в конце концов, в Англию. Он планировал, с одной стороны, взять под контроль работу политических организаций российской эмиграции, а с другой – установить контакт с английскими специальными службами (SIS), вынашивая наме-

рение убедить их в необходимости как можно более активного участия в борьбе с большевистским режимом в России. Инициатива Савинкова не нашла поддержки со стороны руководителя MI-5 Мансфельда Камминга.

Политическая активность Савинкова вынудила Дзержинского перейти к другой фазе операции «Синдикат». Летом 1922 года на польско-советской границе был арестован близкий сотрудник Савинкова – в прошлом офицер царской армии Леонид Шешени. После жесткого следствия он решился на сотрудничество с ГПУ. При его участии начался новый этап мистификации, основывавшейся на передаче на Запад с помощью Шешени информации об интенсивной деятельности хорошо организованного антибольшевистского подполья (организации под названием «Союз» и «Либеральные демократы»). По рекомендации этих фиктивных организаций на Запад начали прибывать подставленные через Иностраннный отдел ГПУ мнимые эмиссары (Федоров, или Мухин, и И. Фомичев). Под влиянием оптимистичных сведений о том, что в России имеет место большое общественное недовольство правлением коммунистов, Борис Савинков принял решение о своем приезде в страну, чтобы встать во главе восстания против большевистской власти. 15 августа 1924 года он нелегально пересек польско-советскую границу и был арестован ГПУ в Минске.

Советским властям удалось хорошо обыграть этот факт в пропагандистском плане. После короткого следствия в Москве прошло показательное судебное заседание, в ходе которого Савинков полностью признался в совершении предъявленных ему обвинением надуманных действий. Благодаря этому Москве удалось дезавуировать личность, которая пользовалась авторитетом не только в эмигрантской среде, но также в политических и правительственных кругах многих государств Западной Европы. По оценке некоторых представителей западных специальных служб, появилось даже подозрение, что Савинков сотрудничал с советскими органами безопасности. В конце концов, Савинков был приговорен к 10 годам тюремного заключения, однако год спустя, 7 мая 1925 года, при невыясненных обстоятельствах он покончил жизнь самоубийством, выбросившись из окна тюрьмы на Лубянке.

Польская разведка первый раз столкнулась с организацией «М» в августе 1922 года благодаря посредничеству Романа Бирка, представителя эстонской разведки в Москве (военного атташе). В ноябре 1923 года лидер этой организации Виктор Степанович выразил желание в установлении более близкого контакта с польским II Отделом, минуя эстонское посредниче-

ство. Сотрудничество с монархической организацией взял на себя руководитель разведывательной резидентуры в Эстонии капитан Томир Дрыммер. Как уже известно, эта резидентура (псевдонимы «Виттег», «J-6», «Балт») считалась одной из самых лучших во II Отделе на востоке. В целях лучшего использования разведывательных возможностей организации «М» было принято решение создать филиал эстонской резидентуры в Москве, что могло бы значительно улучшить связь с ней. Руководителем этого филиала, получившего кодовое наименование «R-7/1», стал поручик Михневич. Вскоре оказалось, что сотрудничество II Отдела с этой антикоммунистической организацией осуществлялось с отклонением от принятых принципов в разведывательной службе. Один из ее лидеров писал в письме капитану Т. Дрыммеру следующее: «Наши отношения не строятся на понятии купля-продажа и из нас нельзя что-то энергично выжать под давлением. Наше сотрудничество с польским штабом является постоянным комплексом политических взаимных отношений, базирующихся на том, что они должны формироваться на основе абсолютного равноправия сторон. Мы не продаем наши материалы эстонцам или кому другому. Мы отдаем их там, где считаем нужным, и это является нашим правом без всяких ограничений».

Уже тогда польская разведка знала о том, что с организацией «М» сотрудничает английская разведка (кап. Росс), и это еще более повышало ценность российского партнера. Из представленной выдержки следовало, что члены этой группы не столько собирались проводить разведывательную деятельность, сколько хотели вести политическую игру на высоком уровне. Согласно данным, полученным польской разведкой, организацию «М» представляли лица, занимавшие высокие должности в советских центральных учреждениях, и прежде всего военных, такие как Потапов – офицер Генерального штаба, Мешчерский-Дорожинский – прокурор, Денисов («Лонгвый») – командир дивизии. С политической точки зрения организация была настроена исключительно антисоветски, ее члены разделяли монархические и кадетские взгляды.

Сейчас трудно установить, как возникла организация «М» – то ли ее создание инициировало ГПУ, то ли она была использована им. Однако фактом является то, что ее представляли лица высоко интеллигентные и искушенные в политической игре. Главную роль в ней играл Эдвард Касаткин, который мог влиять на выбор действий офицеров II Отдела, поддерживавших контакт с организацией «М». Благодаря ему двух лидеров этой группы – Потапова и Федорова – пригласили в Варшаву на

переговоры с руководством Разведывательного отдела II Отдела – капитаном Рыботыцким и майором М. Таликовским. При этом следует отметить, что такая практика не была принята в деятельности II Отдела. Организацию «М» не удовлетворял контакт только с руководством резидентур в России. «Она стремилась к непосредственному сотрудничеству с Генеральным штабом ВП и лидерами тогдашней правящей в Польше Народно-демократической партии, уважаемой в России за склонность к компромиссам в отношениях с Россией». Только в 1926 году в отношении организации «М» у II Отдела возникли подозрения. Это произошло после передачи ею мобилизационных документов советской армии. В ходе анализа этих материалов Учетный отдел высказал предположение о том, что они могли быть подготовлены советской контрразведкой. Начиная с 1924 года некоторые работники II Отдела (Котвич-Добжанский, Чижевский, Закжевский) стали высказывать сомнения в достоверности поступающей информации от организации «М». Руководство II Отдела не могло согласиться с тем, что организация «М» находилась в услужении ГПУ. Только раскрытие факта того, что Р. Бирк был агентом специальных служб советской России, вызвало замешательство в правительственных кругах РП.

В апреле 1927 года в Разведывательном отделе II Отдела прошло совещание, в котором приняли участие руководители резидентур, действовавших на территории России. Целью встречи было определение последствий провала в работе с организацией «М» и обсуждение сути начавшейся реорганизации всей восточной разведки. Детальный анализ поведения источников, контактов, надежности организации связи отдельных восточных разведывательных резидентур и отделений позволил польской разведке раскрыть систему работы, применяемую советской контрразведкой. При этом оказалось, что вся восточная разведка была зависима от организации «М». Многим резидентурам подставлялись агенты, подготовленные ГПУ. Только нескольким опытным офицерам II Отдела удалось сохранить свои разведывательные контакты в России от расшифровки, вызванной этой аферой. Последствием провала стали ликвидация резидентур («Р-7/1», «О-5» и «Искатель»), ограничение деятельности эстонской резидентуры «Балт», а также реорганизация или временное «замораживание» иных резидентур.

В результате произошедших в 1927 году событий были также поставлены под угрозу прекрасные отношения со специальными службами прибалтийских государств. Несмотря на то что польская разведка смогла завербовать много коммунистов, Интернационал ограничивал их непосредственные контак-

ты с Московским центром. Главным изменением в характере работы специальных служб на востоке являлся переход от документальной разведки к визуально-информационной. Может быть, в такой ситуации было трудно ожидать эффективных результатов, но зато имелась гарантия получения достоверной информации. В отчете о работе реферата Б-1 за 1928 год его начальник ротмистр Недзиньский утверждал, что главной целью II Отдела в разведывательной работе на востоке в ближайшее время должно быть: «...уход от мысли о превосходстве противника, отрыв от противника и нанесение внезапного удара по всем линиям, вынуждающего его предпринять новые усилия, чтобы внедриться в нашу разведку. Одним словом, нам необходимо затруднить ему работу».

Уже под конец 1927 года было начато создание или преобразование визуально-информационных резидентур. Первой такой резидентурой стала «U-6», которая пережила кризис в 1927 году. Затем возникли иные под псевдонимами «J-2», «A-92 и «K-3». Предусматривалось создание резидентуры в Ленинграде, которая должна была отслеживать развитие советского Балтийского флота. Больших результатов польская разведка достигла в разработке советских торговых фирм, действовавших за границей (Торгпредство). Например, на этом направлении была получена информация об экономическом сотрудничестве между Германией и Россией.

В начале 1930-х годов началась работа по организации резидентур в Азии, которые должны были принять на себя весь груз разведывательной работы в России в случае войны. По согласованию с английской Интеллидженс сервис II Отдел создал резидентуры в Ираке и Иране («Радаменес» и «Навуходоносор»), а затем в Стамбуле, Трeбизондзе (Трабзоне), Тегеране, Табризе, Мешхеде и Кабуле. Подобные резидентуры стали развиваться в Скандинавии и на Дальнем Востоке. Однако условия работы восточной разведки были по-прежнему достаточно трудными. Авторитетным в этой сфере является мнение руководителя реферата «Восток» поручика Е. Незбжицкого: «С вербовками источников по линии глубокой разведки сегодня сложилась безнадежно тяжелая ситуация. Прежде всего, мы должны обратить внимание на то, что полная изоляция от советской территории привела нас сегодня к невозможности осуществления вербовок на ней, потому что там нет вербовочной базы. Я никогда не допускал того, что истощение и изоляция российской эмиграции на советской территории могут сыграть для нас такую большую роль. Одновременно с этим снизились возможности визуальной разведки. Все

труднее становится передвижение по территории России (паспортизация, привязка населения к пунктам постоянного проживания). Постоянные депортации, колонизации и эмиграции истощили районы, которые являлись для нас информационным источником... Вопрос заключается в том, что мы в 1934 году переживаем последствия целого ряда ошибок наших предшественников, которые, располагая несравнимо лучшими условиями работы, довели дело до полного истощения вербовочных источников». Наряду с этим поручик Незбжицкий отметил, что подобные трудности переживали специальные службы иных государств, действовавшие на территории России. Незбжицкий уверенно, с оптимизмом закончил свое выступление следующими словами: «В данный момент мы находимся в счастливой ситуации, потому что наша разведка за четыре года смогла изолироваться от больших афер, связанных с подставами противником агентов и ложных организаций».

С такой оценкой работы польской разведки на востоке не соглашался Л. Садовский, который считал, что введенная после 1928 года система визуально-информационной разведки не принесла ожидаемых результатов. Отсутствие постоянной и надежной агентурной сети в России значительно снизило разведывательные возможности II Отдела. Поэтому польская разведка также была вынуждена вести оперативную игру, поддерживая контакты с определенными группами «белой российской эмиграции» с помощью Парижской резидентуры, сознавая при этом, что она в большей части контролировалась советской разведкой.

Эти недостатки проявились во время Судетского кризиса в 1938 году. На переломе сентября и октября 1938 года Россия осуществила демонстрационную перегруппировку своих войск на территории, прилегающей к границе Польши. Резидентуры глубокой разведки проинформировали Варшаву о характере советских мероприятий с опозданием. Только разведывательные подразделения Корпуса пограничной охраны и Минская резидентура представили исчерпывающую информацию на эту тему.

Несмотря на огромные трудности II Отделу в межвоенный период удалось создать достаточно разветвленную сеть разведывательных резидентур в СССР и на территориях соседних государств. В послемайский период II Отдел располагал 66 резидентурами на территории России и 58 в других государствах, которые в той или иной степени вели восточную разведку.

Представленные в таблице данные относятся к 1927–1939 годам и охватывают все филиалы глубокой разведки, которые действовали в то время.

Район	Псевдоним резидентуры	Район	Псевдоним резидентуры
Москва	R-7/1	Киев	Dniepr
	m-1		Kh
	Kid		Z-12
	R-28		L-11
	SO-2		H-13
	SO-3		Ku
	Serabin		Karsz
	KI		K-11
	kircha		B-18
	KW		B-41
	E-9		F-8
	E-10		Y-27
	H-12		E-13
	Rombejko		E-15
	X-37		H-5
	Z-15		
	B-6		
	B-5		
Минск	U-6	Харьков	A-9
	U-612		A-9/1
	B-17		Z
	U-15		X-22
	F-16		M-13
	M-31		H-23
	L-19		Kpe
	E-13		Kpr
	H-12		O-19
			We
			Y-27
			X-27
Ленинград	M-2	Румыния	Szperacz
	M-2/1		N-6
	W		124
	Peug		126
	W-2		Dram
	K-10		
Тифлис (Тбилиси)	Ost	Турция	Konspol
	K-3		L-3

Район	Псевдоним резидентуры	Район	Псевдоним резидентуры
	A-14		Trzaska
	A-15		Ali Baba
	C-15		Yhazi
			Hussien
			Anitra
Польша	Hetman	Ближний Восток	Nabuchodonozor
	Barnaba		Dragomes
	Andrzej		Radamenes
	Jan		Tel Aviv
	Winkel		Kaszmir
			Hamal
			Szmidt
			Wozniak
			Langer
Прибалтийские страны	Balt		Hamlet
	Fin		Kulis
	Nord		Mandaryn
	P-1		
	S-3		
	P-2		
	Rok		
	Lotysz		
Литва	Jagiello	Австрия	Barnaba II
	Katelback		
Франция	Martel	Чехословакия	Olab
	Pielgrzym		L-6
	Rodan		Marwa
	Douglas		Lv-6
	Lekomte		Rex
			Mo-5/11
Италия	J	Греция	Hipokrates
	Roma		
	Scale		
	Capri		
	Liao		

б) Разведка на западе

Польская разведка в Германии в межвоенный период в сравнении с разведкой, проводимой против советской России, намного более полно освещена в мемуарной и научной литера-

туре. Однако в целом это не облегчает описания содержания польских разведывательных акций в Германии. Сентябрьское поражение наложило сильнейший отпечаток на оценку работы польской разведки на западном направлении. С одной стороны, некоторые старались свалить хотя бы часть вины за провал на II Отдел Генштаба ВП, который несвоевременно выявил намерения III Рейха. С другой стороны, в 1970-х годах появились люди, положительно оценивавшие результаты работы польской разведки в Германии в межвоенный период. Если мы добавим к этому нешаблонные действия двух асов польской западной разведки – майоров Ежи Сосновского и Яна Жихоня, вызывающих сомнения до сегодняшнего дня, то сможем составить представление о запутанных методах деятельности польской разведки в Германии.

Принятое принципиальное разделение разведки на глубокую и неглубокую не имело полного применения в этом случае. Независимость и свобода действий и большие финансово-кадровые возможности территориальных отделений (особенно № 3 в Быдгоще) создавали условия для проведения более активной деятельности, чем это отмечалось в работе самостоятельного реферата «Запад» II Отдела.

По мнению Л. Садовского, существенное влияние на изменение разведывательных условий в Германии оказал приход Гитлера к власти: «Хотя с учетом расширения армии увеличились возможности вербовки военнослужащих из числа рядового состава, но офицерский корпус по-прежнему оставался почти недоступным. Деятельность Гестапо снизила доступ в иные среды, ценные в разведывательном плане, ужесточились требования по передвижению населения, усилились также надзор и контроль пограничной зоны. Не менее важным препятствием было, несомненно, повышение идейности “среднего человека” под влиянием постоянной нацистской пропаганды. Хотя со времен большой войны коррупция как в ведомственных сферах, так и в партийных по-прежнему имела место, но все реже можно было ее использовать в разведывательной работе, чем до 1933 года».

Разведывательная деятельность в Германии проводилась с 1918 года. Однако только с окончанием вооруженных конфликтов на западных рубежах II РП началась реорганизация военной разведки, работавшей по Германии, основывавшаяся на приведении ее деятельности к условиям мирного времени. В этих целях 1 октября 1922 года в Варшаве прошла межведомственная конференция. В ней принимали участие представители Министерства иностранных дел (Сроковский, Вегибиц-

кий, Мальчевский, Ольшевский) и II Отдела (капитан Дукет и капитан Закжевский). До сих пор в литературе по непонятным причинам опускают это важное событие для развития польской разведывательной деятельности в Германии. В ходе достаточно горячей дискуссии был выработан проект организации польской разведки в Германии. Военная разведка намеревалась создать в этой стране главную разведывательную сеть, которой бы руководил резидент II Отдела, временно располагавшийся на одном месте. При этом функции этого резидента не должен был исполнять военный атташе в Берлине, а эта миссия возлагалась бы на строго законспирированного и опытного офицера военной разведки. К его задачам относились:

- а) организовать главную разведывательную сеть;
- б) распределять задания между агентами;
- в) контролировать их выполнение;
- г) сбор сообщений;
- д) их обработка на месте и направление в Генеральный штаб.

Функции «подрезидентур» должны были выполнять консульства, в которых один из работников являлся офицером II Отдела. В таких условиях военный атташе ограничивался только сбором информации из открытых источников, или проведением так называемой белой разведки.

Другая форма работы специальных служб на немецкой территории заключалась в том, чтобы управление созданными разведывательными сетями велось с территории Польши или из соседних с Германией государств. Особое место в этой системе занимала резидентура II Отдела, созданная на территории Свободного города Гданьска. Специального внимания заслуживает заложенная в проект идея ликвидации в будущем территориальных отделений II Отдела: «Из этого следует, что для осуществления практической разведки отделения могли бы стать со временем излишними. Но, однако, их необходимо будет поддержать как самостоятельные меньшие центры». Большое значение придавалось деятельности разведывательных резидентур в соседних странах (Великобритании, Дании, Норвегии, Швеции, Австрии, Чехословакии и Италии), которые должны были принять груз разведывательной работы в случае польско-немецкого вооруженного конфликта. «Создание этих отделений я считаю очень важным делом, так как организация этого вида институтов в серьезный момент будет очень запоздалым мероприятием». Иное предложение состояло в том, что существование внутренних отделений II Отдела должно стать законспирированным. Как показала практика последующих лет, большинство предложений, выдвинутых на ок-

тябрьской конференции, никогда не было проведено в жизнь, а некоторые из них претворялись частично. Причины этого не представляется установить на основе анализа сохранившихся архивных материалов. Однако в отчете реферата Б-5/6 II Отдела за 1922 год нашлась информация о расположении в консульстве на территории Германии информационных офицеров, работавших по контракту в качестве служащих. Территория западного соседа была разделена на 3 разведывательных округа, в которых были размещены офицерские резидентуры в консульствах в Берлине, Гамбурге, Эссене, Мюнхене, Вроцлаве, Щецине, Крулевце, Ольштыне, Клайпеде.

Тогда эту разведывательную деятельность начали проводить первые 6 штатных работников разведки Варшавского центра. В 1922 году им было дано указание разрабатывать Военное министерство Германии, Министерство торговли оружием, немецко-советские торговые отношения, деятельность Стиннеса, фирмы Круппа и баварские политические и парамилитарные организации.

В 1925 году II Отдел начал новую разведывательную акцию под кодовым названием «Ин-3». Реализация этого мероприятия была поручена ротмистру Е. Сосновскому. Через несколько месяцев деятельности он стал главным агентом глубокой разведки в Германии. Можно предположить, что руководители II Отдела вынашивали намерение реализовать один из пунктов октябрьской конференции 1922 года, касающийся назначения резидента глубокой разведки, законспирированного на территории Германии. Личность и склонности ротмистра Сосновского, отсутствие у него плана деятельности и контроля со стороны руководства самостоятельного реферата «Запад» привели к тому, что разведывательная работа этого агента развивалась в последующие годы очень бурно, приведя к негативному явлению доминирования резидентуры «Ин-3» над всей деятельностью глубокой разведки в Германии. В течение 8 лет деятельность ротмистра Сосновского поглотила огромную часть (около 2 мил злотых) фонда II Отдела, предназначенного на расходы на западную разведку. В руководстве разведывательной работой «Ин-3» принимали участие самые лучшие специалисты разведки на западе: капитан М. Ходацкий, капитан В. Станак и капитан А. Щвитковский из Центра. Ротмистр Е. Сосновский вел прежде всего агентурную и документальную разведку. В достаточно короткое время ему удалось добыть очень интересные материалы, касающиеся мобилизационных вопросов немецкой армии. Одновременно он организовал широкую сеть агентов, подбираемых из числа жен

щин. Такая формула в агентурной деятельности разведки встречалась редко в работе специальных служб и в то же время не пользовалась поддержкой руководства реферата «Запад». Однако эта резидентура по-прежнему являлась основным источником информации глубокой разведки.

Благодаря агентам-женщинам Сосновский сумел войти в круг влиятельных немецких политиков, высших военных чинов (офицеров Абвера, таких как Г. Рудольф) и представителей промышленных сфер. С помощью Бениты фон Фалкенкайн польскому агенту удалось привлечь к сотрудничеству Ирену фон Ену, секретаршу одного из департаментов Reichwehrministerium*. Молниеносные успехи Е. Сосновского, однако, обеспокоили руководство отдела разведки, которое опасалось подставы со стороны немецкой контрразведки. В сентябре 1927 года подполковник А. Студенцкий, руководитель Разведывательного отдела, принял удивительное решение о проведении личного контроля деятельности ротмистра Е. Сосновского на территории Германии. В ходе проверки подполковник Студенцкий провел беседу с завербованным Сосновским офицером Абвера Г. Рудольфом. Возникшие подозрения не подтвердились. В 1929 году ротмистр Е. Сосновский в очередной раз удивил руководство реферата «Запад», сделав предложение о покупке немецкого плана Штаба «Организация военных учений». Тогда тоже, а не как представляет Т. Новинский – в 1931 году, по предложению руководителя разведки II Отдела прошла в Учетном отделе конференция на тему о подлинности документов, передаваемых ротмистром Е. Сосновским. Несмотря на возникшие сомнения, присутствовавшие на конференции приняли решение о выражении доверия Е. Сосновскому.

Очередная конференция во II Отделе, организованная на переломе 1932–1933 гг., впервые раскрыла перед собравшимися большие расхождения в характере и принципах глубокой разведки в Германии. Подполковник А. Шиманьский и майор К. Глабаш одновременно высказали мнение о том, что информационный материал, переданный Е. Сосновским, мог быть подготовлен немцами. Это вызвало отставку руководителя реферата «Запад» капитана В. Станака и назначение на его место майора А. Щвитковского.

В 1933 году польская контрразведка выяснила, что предшественник Сосновского в Берлинской резидентуре поручик резерва Е. Грыф-Чайковский сотрудничал с Абвером. После этого появилось подозрение, что деятельность польского агента

* Министерство обороны.

должна быть хорошо известна немецкой стороне. Несколько месяцев спустя, в феврале 1934 года, немецкие службы безопасности арестовали ротмистра Сосновского вместе с его агентами. Через 2 года в рамках обмена на 7 немецких шпионов он смог возвратиться в страну, однако там его ожидал судебный процесс. Год спустя Е. Сосновский был приговорен окружным военным судом в Варшаве к 15 годам заключения в тюрьме с лишением гражданских прав и увольнением из армии за сотрудничество с немецкой разведкой. В руководстве II Отдела произошли серьезные кадровые изменения.

Личность Ежи Сосновского в течение многих лет возбуждала интерес историков и любителей сенсаций. Среди работников предвоенной военной разведки не было однозначного мнения по вопросу вины Е. Сосновского. Согласно Т. Новиньскому, он был перевербованным немецким агентом. В то же время, по мнению последнего руководителя реферата «Запад» подполковника Т. Шимовского, ротмистр Сосновский стал жертвой конфликта руководства восточной и западной разведок во II Отделе: «У меня сложилось такое мнение, что он является жертвой типа Дрейфусовского, что вину за недостатки и ошибки мощного учреждения, каким был II Отдел, попытались взвалить на незаурядного офицера разведки, который в системе машины II Отдела был совершенно беззащитным. Я лично был свидетелем обработки доказательств вины Сосновского».

В немецких научных публикациях и мемуарах тоже не совсем ясно представляется отношение немецкой разведки к Е. Сосновскому. Следует признать, что по прошествии многих лет после этого дела и появившихся публикаций на эту тему по-прежнему нельзя сформулировать однозначное мнение о деятельности Ежи Сосновского. В то же время появляются размышления общего характера, касающиеся психологической стороны всего дела. Разведывательная деятельность является борьбой не одиночных агентов, а целых систем специальных служб. Создаются разведывательные стратегии, в соответствии с которыми действуют эти службы, реализуя общие цели политики отдельных государств. Поэтому там тоже трудно найти место для индивидуальности, импровизации и полной самостоятельности агентов. Ежи Сосновский отходил от стереотипа разведывательного работника, что привело к тому, что его деятельность имела трагический конец. Здесь можно подозревать, что после определенного времени немецкой контрразведке удалось выяснить суть деятельности Е. Сосновского в Берлине и с его помощью снабжать польскую разведку фальшивыми документами. Однако существует сомнение в том,

что он, полностью осознавая, что делает, решил принять участие в этой опасной игре. Возможна такая версия: Е. Сосновский попытался стать самостоятельным и проводить независимую разведывательную политику. В такой ситуации результат всегда один – поражение.

В то время вся польская глубокая разведка в Германии надломилась, так как все расчеты опирались на успех разведывательной акции Е. Сосновского. В 1928 году самостоятельный реферат «Запад», кроме резидентуры «Ин-3», располагал в Германии только одной резидентурой под кодовым названием «И-А» и 5 агентами, работавшими самостоятельно: «ХМЗ» – наблюдение за химической промышленностью, «Ф.А.» – военные учреждения, «553» – усиление пацифистской деятельности в Германии, «573» – работа в Auswertiges*, «Доктор», работающий в химической промышленности.

Преобладание такой модели деятельности, когда одна резидентура доминирует, исходило из организационных, кадровых и финансовых возможностей реферата «Запад». В течение многих лет 3 лица организовывали работу всей глубокой разведки в Германии. Стоит согласиться с мнением А. Щвитковского, что «современный» подход представляли западные отделения II Отдела, так как они располагали более широкой организацией и большими бюджетными средствами. Эта парадоксальная ситуация имела серьезное влияние на возрастающие трудности в развитии польских разведывательных акций в Германии. В. Козак считал, что это происходило в результате нездорового конфликта руководства реферата «Восток» с подразделением «Запад». В 1930-х годах власть над Разведывательным отделом находилась в руках лиц, недоброжелательно относившихся к реферату «Запад» (подполк. С. Майера, В. Хейнриоса, полковника Т. Скиндера). Только в начале 1930-х годов польская разведка начала расширять сеть разведывательных резидентур, действовавших на немецком направлении. Они делились на несколько категорий:

– действующие на территории Германии в мирный период:

- «ДВЗ» – Берлин,
- «Ин-3» – Берлин,
- «Графф» – Шрцедемюль,
- «Мюллер» или «Алекс» – Эссен,
- «Прокоп» – Берлин,
- «Пеглау» – Берлин,
- «Хорн» – Берлин;

* Немецкая диаспора.

– находившиеся на территории соседствующих с Германией государств в мирное время:

«Тюльпан» – Амстердам,

«Саботы» – Гаага,

«Оск» – Вена,

«Зуля» – Страсбург;

– разведывательные резидентуры в Германии, предусмотренные для действий в военное время:

«Инга» – Берлин,

«Новале» – Берлин,

«Виктор» – Берлин;

– резидентуры в странах Западной Европы на случай войны:

«Пистолет» – Вена,

«Карлос» – Барселона,

«Мартель» – Париж,

«Оляф» – Прага.

В начале 1930-х годов глубокая разведка в Германии располагала 15 постоянными агентами и 16 оперативными контактами, а информационная сеть была размещена в следующих областях жизни немецкого государства: рейхсвер – 3 агента, военно-гражданские учреждения – 2 агента, промышленность – 3 агента, авиация – 2 агента, политические организации – 2 агента и контрразведка – 3 агента.

Ликвидация резидентуры Ежи Сосновского в 1933 году, как уже многократно говорилось, нанесла серьезный удар по организации глубокой разведки в Германии. В первую очередь были ликвидированы резидентуры «ДВЗ», «Саботы», «Оск» и «Зуля», которым после ареста ротмистра Е. Сосновского могло грозить разоблачение. Одновременно с этим приход к власти Гитлера в Германии и связанная с ним милитаризация общественной жизни, ограничение демократии и рост значения полиции радикально ухудшили условия деятельности иностранных разведок. Все эти причины вызвали в 1933–1935 годах решающее изменение формулы деятельности польской разведки в Германии. Тогда была принята система организации резидентур, опирающихся на дипломатические представительства. Положительными результатами такого разрешения указанного вопроса стали создание определенного минимума безопасности для офицеров разведки, работающих на территории противника, и уменьшение расходов на содержание резидентур. Большинство авторов единодушно утверждают, что благодаря этой системе значительно ограничивались возможности проведения агентурной и документальной разведки. Активность работников II Отдела сводилась к визуальному наблюдению за интересующими их учреждениями и организациями.

Л. Садовский утверждает: «Резидентуры в соседствовавших странах также не были нацелены на агентурную разведку. Главной задачей этих резидентур являлось, прежде всего, ознакомление с территорией и изучение всех разведывательных возможностей в Германии из страны, где они находились».

В принятой методике глубокой разведки сохранялась еще большая опасность ее разрушения в случае вооруженного конфликта с Германией, так как дипломатические представительства должны были бы покинуть Германию, оставив только несколько ценных агентов и информаторов, не имея в то же время на месте законспирированного резидента.

Другой проблемой стало сотрудничество с МИД, которое являлось необходимым элементом новой формы проведения глубокой разведки. Оно не всегда проходило гладко. Руководство польской дипломатии опасалось раскрытия факта использования дипломатических представительств в разведывательных целях. Кроме того, постоянным источником недоразумений был способ финансирования этой деятельности.

Специфическое место в деятельности II Отдела в Германии занимал атташе посольства РП в Берлине. В 1928–1932 годах эту функцию выполнял полковник Витольд Моравский, а в 1932–1939 годах – предшествующий руководитель самостоятельного реферата «Германия» подполковник А. Шиманьский. Военный атташе не выполнял чисто разведывательные задачи. Он занимался только добыванием информации с помощью изучения доступных ведомственных публикаций, журналов и прессы, а также в ходе официальных встреч с командным составом немецкой армии. А. Шиманьский утверждал: «...была исключительно богатая по содержанию литература, касающаяся тогдашнего и позднейшего состояния немецкого вооружения... Из этих публикаций можно было черпать необыкновенно ценные сведения». Польский военный атташе в Берлине: «Кроме регулярного направления в наш II Отдел Главного штаба докладов: одноразовых, по случаю, еженедельных и периодических, – а также разных сводок, часто вызывался в Варшаву для личного представления ситуационных докладов руководителю Главного штаба, а также почти всегда и Генеральному инспектору».

Со временем Берлинский атташат стал центральным зарубежным представительством военных исследований. На основании специального распоряжения начальника Главного штаба было дано указание о тесном сотрудничестве военных атташатов в Берлине, Праге, Риме, Париже и Москве. В кругу особой заинтересованности находились вопросы немецко-

Резидентуры глубокой разведки реферата «Запад»
после аферы Ежи Сосновского

№	Название	Место нахождения	Форма прикрытия	Время деятельности	Зантересованность-характер	Руководитель	Бюджет (зл.)
1.	Карлос	Барселона		1933	экономические вопросы	Пастель	1500
2.	Пистолет	Вена		1933			
3.	Оляф	Прага	Посольство	1933	украинская эмиграция	Кшиповский Квечиньский	4000
4.	Мартель	Париж		1933			
5.	Саботы	Гаага	Посольство	1933-1934			
6.	Тюльпан	Амстердам	Консульство	1934	наблюдение	Чижевский	3500
7.	Параде	Лейпциг	Консульство	1934	вербовка	Катлевский	9173
8.	Мюллер Мадрас	Эссен	Консульство	1933	промышленность Крупн	Зембрович	2750
9.	Накодате	Мюнхен	Консульство	1934	гитлеровское движение	Янковский	6400
10.	Родан	Лион	Консульство	1934	немецкая эмиграция	Морозевич	400
11.	Инга	Берлин	Консульство	1932-1933		Юнике	100
12.	Эледа	Вена	Посольство	1934	украинская эмиграция	Влодаркевич	1600
13.	Ике	Берлин		1934			
14.	Риккардо	Кельн		1934	организация костелов	Кс. Валужинский	
15.	Ака	Стокгольм		1934		Горголевский	
16.	Мария Тюдор	Нью-Йорк			сотрудничество с рефератом «Восток»	Энглиш	
17.	Виктор	Берлин	Бюро путешествий	1934		Хомовская	

№	Название	Место нахождения	Форма прикрытия	Время деятельности	Заинтересованность-характер
18.	Навале	Берлин	Бюро путешествий	1933-1935	
19.	Бари	Берлин	Консульство	?-1936	
20.	Плацида	Берлин	Консульство	1936-1937	
21.	Бомбей	Штецин Берлин	Консульство	1936-1937	
22.	Флорида	Вена	Консульство	1937-1938	
23.	Бильбао	Гамбург	Консульство	1937	
24.	Адриан	Вроцлав	Консульство	1937	
25.	Капитоль	Рим	Посольство		Сотрудничество с рефератом «Восток»

советского военно-экономического сотрудничества. Польский военный атташат в Берлине наделялся специальными правами, которые вызывали недовольство, т.к. он становился отрезанным от проводимой рефератом «Запад» разведывательной акции в Германии. Суровую оценку работы подполковника А. Шиманьского дал И. Новинский в статье «Берлинские исследования в Германии», указав на отсутствие у него компетенции для проведения работ на немецкой территории и каких-либо результатов его деятельности.

Во многих сформулированных Новинским обвинениях просматриваются крайний субъективизм и неприязнь к личности военного атташе в Берлине. Персональный антагонизм во II Отделе Главного штаба еще отмечался двадцать с лишним лет после войны.

Глубокая разведка в Германии постоянно сталкивалась с трудностями финансового характера. В 1938 году расходы на разведку на немецком направлении не превышали 120 тысяч злотых. Эта сумма была явно недостаточной для осуществления более эффективной разведывательной деятельности. Руководитель самостоятельного реферата «Запад» майор А. Щвитковский, на котором лежала тень «аферы Сосновского», принял за основу во второй половине 1930-х годов достаточно консервативный способ деятельности подчиненных ему разведывательных подразделений в Германии. В своем отчете от февраля 1933 года он утверждал: «Реферат “Запад” использует в Германии в качестве принципа для оценки деятельности офицеров глубокой разведки их личную работу и личное наблюдение».

ние. Руководитель глубокой разведки, по моему мнению, не должен ставить задачу достижения блистательных результатов».

В польской глубокой разведке в Германии работало 24–26 кадровых офицеров разведки, которые располагали около 100 агентами. Однако, по утверждению последнего руководителя реферата «Запад» полковника Т. Шумовского, полную оперативную ценность представляло около 50% секретных сотрудников. Функции офицера-вербовщика в реферате выполнял капитан Е. Хмажинский. В. Козачук в связи с этим отметил: «Большинство ценных секретных сотрудников II Отдела находилось в военной промышленности, парамилитаритарных организациях, кругах, поддерживавших контакты с гитлеровской партией, и в журналистике».

В то же время после прихода Гитлера к власти, когда произошло расширение немецкой армии, польская разведка не располагала ценными информаторами в кругах кадровых офицеров вермахта. Тем более, в данной ситуации заслуживает внимания деятельность нескольких агентов реферата «Запад». Станислав Мафчинец играл роль двойного агента, который в течение многих лет разрабатывал отделение Абвера во Франкфурте-на-Майне. Подобный механизм разведывательного сотрудничества был применен в случае с Зигмунтом Бояновским, благодаря которому польская разведка стала получать ценный информационный материал по отделению Абвера в Вроцлаве. Огромное значение для обеспечения безопасности Польши представляла информация, передаваемая агентом Виктором Катлевским, работавшим в военных учреждениях (Ведомство вооружения Военно-морского флота, Военная академия). Другой сотрудник реферата «Запад», Ян Божидар Кучабиньский, создал в Варшаве разведывательную группу под псевдонимом «Пыфелло», а позднее «Реклама». Члены группы поставляли информацию о сухопутных войсках III Рейха. Ценную информацию о немецких военных приготовлениях получала разведывательная резидентура под псевдонимом «Бомбей» в Щецине, которая располагала на Западном Поморье 40 секретными сотрудниками. Руководителем данной резидентуры много лет был ротмистр В. Гилевич. В 1937 году с целью восполнения пробелов после ликвидации резидентуры ротмистра Е. Сосновского майором А. Вронецким был создан разведывательный центр под псевдонимом «Пластида», который поддерживал оперативный контакт с лицами, работавшими в центральных военных учреждениях III Рейха.

В связи с обострившимися польско-немецкими конфликтами начальник Главного штаба ВП принял решение о замене

руководителя глубокой разведки в Германии. Место майора Щвитковского занял майор Т. Шумовский, малоизвестный офицер военной разведки. По его инициативе весной 1939 года было организовано обучение во II Отделе группы офицеров из линейных подразделений. 20 лучших из них попали в заграничные резидентуры самостоятельного реферата «Запад» в Крулевце, Эльке, Квидзыне, Щецине, Гамбурге, Дюссельдорфе, Берлине, Лейпциге, Мюнхене, Вроцлаве и Вене. Одновременно начали действовать новые резидентуры в Ополе (пор. Машлинский) и Берлине (майор Альбинский). Благодаря последнему польской разведке удалось переправить в Польшу агента по фамилии Лоеве (позднее он изменил фамилию на Любинский), который находился под угрозой разоблачения. Он являлся начальником отдела подготовки одного из корпусов немецкой армии. Перед началом войны Лоеве использовали в качестве эксперта в Главном штабе ВП.

В 1933 году по личному поручению Пилсудского был подготовлен подробный доклад о состоянии и возможностях развития вооружений в Германии. В последующие годы он постоянно обновлялся. Благодаря этому сотрудники самостоятельного реферата «Запад» смогли достаточно точно определить численность немецкой армии в 1938 году и выяснить места группирования крупных воинских частей. Безошибочно были определены основные направления удара, исключая только направление, исходящее из Восточной Словении. Самостоятельному реферату «Запад» также удалось предупредить государственные власти РП о планировании немцами занятия Чехии вместе с Прагой в марте 1939 года. Традиционной болезненной точкой в разведывательной работе в Германии были финансовые трудности, отсутствие возможности использования полученной информации Главным штабом ВП и иные официальные факторы. Большим просчетом являлось также наличие серьезных недостатков в сфере системы связи между агентами и резидентами на случай войны: «Недостатки реферата «Моб.» стали причиной того, что, по меньшей мере, половина моб. агентов была бесповоротно утеряна из-за утраты связи с ними уже в начале войны». В то же время серьезной ошибкой руководства Главного штаба было отстранение в августе 1939 года с должности руководителя реферата «Запад» подполковника Т. Шумовского без назначения на этот пост его заместителя. «Можно сказать, что перед лицом неизбежной войны самостоятельный реферат «Запад», т.е. глубокая разведка (стратегическая) против Германии, являвшийся тогда наиболее

ответственным и важнейшим подразделением Главного штаба и Верховного командования, остался без шефа».

Характер деятельности западных отделений (ведущих неглубокую разведку) принципиально отличался от подобных территориальных органов II Отдела, действовавших на восточных рубежах государства. Следует напомнить утверждение майора А. Щвитковского, что западные отделения были во всех отношениях «современнейшими», имели более широкую организационно-штатную структуру, а также располагали месячным бюджетом более десяти тысяч злотых, большим, чем у самостоятельного реферата «Запад». В конце концов, они имели большую самостоятельность (особенно отделение № 3), что являлось наиболее существенным. Поэтому западные отделения вели часто разведку в глубине Германии и за ее пределами. Серьезное влияние на эффективность работы западных отделений оказывали личности их руководителей. Шефами отделения № 4 в 1920–1939 годах были: капитан М. Стажиньский, капитан А. Биркенмайер, майор С. Фельштынський, майор А. Студенцкий, капитан Г. Новосельский, капитан Л. Садовский, капитан К. Пясецкий, майор К. Шпондровский и майор С. Куничак, а отделения №3 – подполковник Якубовский, подполковник С. Татара и майор Я. Жихонь.

Неглубокая разведка против Германии не ограничивалась только указанными отделениями. В 1920-х годах действовали не зафиксированное в литературе отделение № 2 в Варшаве (майор Бернацкий) и в большей степени независимая резидентура II Отдела в Гданьске, известная под псевдонимом «БИГ» или реже называемая как отделение № 7 II Отдела. Отделение № 2 проводило интенсивное разведывательное изучение Восточной Пруссии. В целях активизации разведывательной работы было создано несколько групп агентов, которые под руководством резидентов собирали оперативную информацию. В 1921 году в Восточной Пруссии действовали 3 группы под руководством Конегона Скопечного и Гюнтера. К ценным секретным сотрудникам отделения № 2 относились агенты: № 10 Ибольда, бывший офицер немецкой армии, располагавший хорошими контактами в военных сферах в Пруссии, № 11 Мосманн, бывший офицер немецкой монархии и № 40 Морк – немецкий коммунист. 1 октября 1928 года последовало решение о ликвидации этого отделения. Агентура и часть кадровых разведчиков были приняты сухопутным рефератом Военного отдела в Гданьске. На момент ликвидации отделение располагало 35 агентами, из которых 17 стали временно «неработающими». Этот факт свидетельствовал о малоэффективной де-

ятельности этого отделения, а принятая «БИГ» агентура оказалась не имеющей никакой ценности. Это подтверждало правильность принятого решения о ликвидации отделения № 2 в Варшаве. В новой ситуации резидентура в Гданьске имела следующие задачи по проведению:

- а) глубокой разведки против Штабов I и II военных округов;
- б) авиационной разведки против авиации;
- в) разведки против Охранной полиции в Восточной Пруссии и гданьской полиции;
- г) разведки против гражданско-военных организаций.

В I квартале 1923 года на эту цель было выделено 800 тыс. польских марок, 11 млн немецких марок, 9 тыс. франков и 511 долларов. Гданьская резидентура поставляла интересный разведывательный материал, касающийся концентрации немецких войск в период инцидента в Клайпеде и организации немецкой разведки в Восточной Пруссии. В это же время, т.е. в I квартале 1923 года, отделение № 3 в Познани располагало бюджетом 6,9 млн польских марок, 13 млн немецких марок и 270 долларов, а отделение № 4 в Кракове – 28 млн польских марок, 4 млн немецких марок и 1100 долларами.

В 1920-х годах очень успешно осуществлялась деятельность отделения № 4 II Отдела. Хорошему его старту способствовало то, что сотрудники отделения имели достаточный опыт работы и высокую профессиональную подготовку, которые приобрели во время плебисцитов и повстанческой борьбы в Силезии в 1919–1922 годах. «Относительная легкость организации разведывательной сети обязана хорошим отношениям с местным населением на территории, изобилующей человеческим материалом, который уже прошел через разведку в период силезских восстаний; местный элемент владеет общими познаниями на подходах к работе Отделения – с тамошним населением его связывают многочисленные родственные связи. Этот элемент преимущественно является двуязычным, не отрывающимся от истоков при направлении его на территорию». Этот капитал сделал возможным уже в начале 1920-х годов создание на немецкой территории офицерского поста в Вроцлаве, осуществлявшего глубокую разведку. Резидентура в Вроцлаве занималась изучением деятельности немецких организаций и ведомств, проводящих шпионскую и диверсионную деятельность на территории Польской Силезии. Однако под конец 1920-х годов все чаще в периодических отчетах и оценках руководство II Отдела начало обвинять отделение № 4 в застое разведывательной деятельности и безынициативности разведывательных кадров. Может быть, это было связано с

активным участием сотрудников отделения в контрразведывательной деятельности.

С самого начала существования Познаньского отделения его деятельность постоянно подвергалась критике Центра. В этом отделении был принят достаточно консервативный метод работы, опирающийся на деятельность постов таможенной охраны и органов Государственной полиции в приграничной полосе. «Это была ошибочная система, отдающая работу в руки дилетантов, с учетом их разведывательного опыта и подготовки, а частично даже ненадежному элементу – также опасному в связи с легкостью проникновения иностранной контрразведки в собственную сеть». С учетом этого личный состав отделения не был в состоянии создать на территории Германии устойчивую агентурную сеть, которая бы поставляла ценные документальные материалы.

Такая ситуация вынуждала произвести радикальные изменения. В 1930 году отделение № 3 II Отдела было переведено из Познани в Быдгощ с передачей ему в подчинение резидентуры II Отдела в Свободном городе Гданьске, самостоятельная деятельность которой потянула за собой большие финансовые расходы.

В результате разведывательной деятельности западные отделения получали документы, проводили их обработку и анализ, а затем направляли сообщения в Центр.

Таблица 3

Агентурная сеть выбранных отделений II Отдела
(по состоянию перед реорганизацией)

Подразделение	Агенты	Посредники (курьеры)
Отделение № 3	10	11
Отделение № 4	15	16
БИГ	16	6

Таблица 4

Оперативный «охват» немецких учреждений
(по состоянию перед реорганизацией)

Расстановка	Отделение № 3	Отделение № 4	БИГ в Гданьске
Рейхсвер	-	1	2
Охранная полиция	-	2	2
Парамилитарные орг-ции	5	5	8
Промышленность	-	2	-

Расстановка	Отделение № 3	Отделение № 4	БИГ в Гданьске
Авиация	1	-	2
Железная дорога	2	-	-
Политические орг-ции	-	1	1
Контрразведка	2	2	1
Таможенная охрана	-	1	-

Таблица 5

Результативность работы выбранных отделений
II Отдела в 1928–1930 годах

Добытые материалы	Отделения № 3			Отделение № 4			БИГ	
	IV кв. 1928г.	1929г.	1930г.	IV кв. 1928г.	1929г.	1930г.	IV кв. 1928г.	1929г.
Документы								
Очень хорошие	-	7		7	1		-	5
Хорошие	9	96	174	15	39	138	23	70
Средние	-	25		5	7		37	49
Маловажные	3	2		-	3		3	20
Обработка материалов								
Очень хорошие	15	3		-	2		2	5
Хорошие	7	3	11	5	8	6	15	7
Средние	2	3		4	1		5	2
Маловажные	-	-		-	-		1	-
Сообщения								
Очень хорошие	-	-		15	6		8	5
Хорошие	4	42	101	51	38	73	60	18
Средние	-	19		9	20		2	5
Маловажные	-	5		2	5		11	1

Тремя годами позднее результаты разведывательной работы двух западных отделений стали намного более продуктивными. Быдгоцское отделение имело на связи 69 агентов, а Катавицкое – 68.

Большое влияние на эффективность работы Быдгоцкого отделения оказал ее руководитель майор Ян Жихонь. Он оживил работу отделения № 3 и придал ей наступательный характер. Я. Жихонь был автором многих нештатных идей, которые радикально нарушали сложившиеся принципы разведывательной

Таблица 6

«Размещение» агентов выбранных западных отделений
II Отдела в Восточной Пруссии в 1933 г.

Размещение	Отделение № 3	Отделение № 4
Армия	5	1
Парамилитарные организации	16	29
Транспорт	2	3
Промышленность	1	2
Контрразведка	5	1
Политические организации	5	4
Полиция	-	3
Недействующие агенты	6	19
Иные	29	6

работы. Не подвергая сомнению огромный талант и оперативное искусство майора Жихоня, следует отметить, что он проявил склонность к возвеличиванию себя и придавал большое значение по-своему понимаемой рекламе собственной деятельности. Например, в 1937 году руководитель отделения № 3 поднял тревогу во II Отделе своими письмами, в которых сообщал, что Германия готовит устранение капитана Яна Чихоня, или Жихоня. В другой раз он пытался получить согласие Центра на встречу с агентом на нейтральной территории – в Лондоне и Копенгагене. В 1937 году Жихонь встретился на границе с офицерами Абвера и вместе с ними распивал шампанское.

Одновременно с этим благодаря темпераменту руководителя Быдгощского отделения удалось реализовать много разведывательных мероприятий. К ним следует, прежде всего, отнести акцию под названием «Коляска». Это был особый способ получения разведывательной информации и к тому же недорого стоящий. В 1934–1939 годах Быдгощское отделение под руководством майора Я. Жихоня контролировало и конспиративно изучало содержание немецкого железнодорожного транзита, следовавшего через Поморье и Познаньское воеводство в Восточную Пруссию. Этим транспортом перевозили оружие, боеприпасы, специальное военное снаряжение, а также посылки с военными документами. Майор Я. Жихонь создал сложную систему взаимодействия большой группы людей (железнодорожников, работников почты, криминалистов), которая занималась изъятием интересующих посылок, распечатыванием, фотографированием и приведением их в первичное состояние таким образом, чтобы не вызвать у немцев подозрения.

Благодаря этой акции отделение № 3 передавало в Центр очень интересный информационный материал.

Гениальность этого мероприятия при простоте замысла и большой эффективности вызвала у некоторых руководителей II Отдела подозрение в том, что акция была инспирирована немцами. Вероятно, эти инсинуации – обычная профессиональная зависть. Главный оппонент майора Я. Жихоня Т. Новинский еще много лет после войны считал: «Афера “Коляска” – основной документальный источник отделения № 3, опиралась не на реальную разведывательную концепцию, а только на теорию о немецкой глупости и наивности. Афера основывалась на краже почты и военного снаряжения с немецких транзитных поездов, идущих из Рейха в Восточную Пруссию через “поморский коридор”. Самый активный ее этап имел место в 1934–1939 гг. Технически она осуществлялась без контроля со стороны II Отдела Генерального штаба, в атмосфере нарушения требований конспирации и при сознательной допустимости ее проведения немецкой разведкой».

В то же время из воспоминаний немецких офицеров разведки следует, что только в сентябре 1939 года немцы узнали о нанесенных им потерях в результате акции «Коляска». Майор Я. Жихонь добился результатов на контрразведывательном направлении в борьбе с Абвером, завербовав в 1935 году Паулину Тышевскую, жительницу Гданьска, которая была близкой приятельницей Рейнхольда Котца, заместителя руководителя Гданьского отделения Абвера. Благодаря ей польская разведка получала подробную информацию о немецких разведывательных мероприятиях в Поморье. Одновременно она также создала возможность осуществлять охрану деятельности агентов на территории Гданьска и Восточной Пруссии. Необходимость сохранения Паулины Тышевской, деятельность которой имела огромное значение для польской разведки, привела к самопожертвованию курьерши Эрики Беланг, агентессы из Крулевца, о деятельности которой узнала немецкая контрразведка с помощью предательства курьера «двойки» – железнодорожника из Гданьска Владислава Мамела. Руководство II Отдела Генштаба высоко оценило работу Быдгощской резидентуры и ее молодого руководителя. В 1938 году по предложению руководителя II Отдела полковника Пелчынского майор Я. Жихонь получил Золотой крест «За заслуги» за большие достижения в работе на поприще обеспечения безопасности государства. С учетом того, что отделение № 3 считалось передовым в проведении разведки на немецком направлении, его посетила делегация Разведывательного отдела Франции.

Подытоживая сказанное, можно отметить, что деятельность западных резидентур заслуживает положительной оценки. В сравнении с проводимой Центром глубокой разведкой, не достигнувшей в этом значительных результатов, эффективная деятельность руководителей отделений приносила успехи. В принципе отделения хорошо выполняли задачу по полному оперативному контролю восточных рубежей немецкого государства (неглубокая разведка). Кроме того, они располагали информацией как о передвижении воинских частей, так и об общественной и политической жизни восточных регионов Германии.

Л. Садовский в своей работе следующим образом охарактеризовал работу этих отделений: «С точки зрения разведывательных потребностей мирного времени подступы к противнику были охвачены обоими отделениями очень хорошо. Инспектораты армии, как зачатки оперативного командования, получали достаточные материалы, позволяющие им вести изучение непосредственного положения дел в области документальной и информационной разведки в отношении немецкой армии. Вклад отделений был также очень большой, многократно превышавший вклад глубокой разведки, направленной, скорее всего, на визуальную разведку. Преобладающее большинство документов и большая часть военной информации были получены отделениями, а большинство из них отделением № 3 в Быдгоще».

в) Разведка против Чехословакии

Это направление деятельности польской разведки испытывало разные превратности судьбы. В межвоенный период большое влияние на проведение и характер разведывательных акций в Чехословакии оказывало развитие двухсторонних отношений между правительствами РП и Чехословакии. Во время конфликта за Чешинскую Силезию территориальные разведывательные отделения Верховного командования осуществляли активные мероприятия. Позднее руководство неглубокой разведкой в Чехословакии приняло отделение № 4 II Отдела в Кракове.

Вместе с развитием разведывательного сотрудничества в 1920-е годы польская разведка отказалась от активного разведывательного изучения южного соседа. В то же время политическая деятельность украинской эмиграции вызывала большую заинтересованность контрразведывательных служб II Отдела. Между прочим, в этих целях в 1929–1930 годах было создано офицерское отделение при посольстве РП в Праге. Оно одновременно выполняло функции по связи с чехосло-

вацкой разведкой, так как обе разведки вели совместно наблюдение за развитием немецкого милитаризма, угрожавшего безопасности двух государств. Л. Садовский в своей работе выдвинул тезис о том, что после 1930 года II Отдел использовал Пражское отделение для надзора за деятельностью оппозиционных польских политиков, которые находились в эмиграции после брестской ситуации. Об этом говорит занятие должности начальника этого отделения майором Кжимовским, известным специалистом по политическим вопросам в МВД (начальник Отдела безопасности МВД).

В 1930-х годах заинтересованность глубокой разведки против Чехословакии все больше сводилась к проблемам, касающимся украинской, коммунистической эмиграции, а также советской активности в Чехословакии. Эти задачи также возлагались на созданное тогда отделение в Ужгороде. В результате такого профилирования направлений деятельности польского II Отдела в Чехословакии координировать разведывательные акции на этой территории было поручено руководителю реферата «Восток» II Отдела капитану Ежи Незбжицкому.

В связи с советско-чешским сближением в 1935 году польской разведке пришлось прервать польско-чешское разведывательное сотрудничество. Одновременно с этим было ликвидировано действовавшее в Праге отделение связи с чехословацкой разведкой. В то же время польской разведке удалось сохранить строго законспирированную разведывательную агентуру в столице Чехословакии. В 1937 году II Отдел разработал проект организации разведывательной работы в Чехословакии. Реферат «Восток», по-прежнему руководивший чешскими вопросами, создает в своих рамках подреферат «Чехия». «В связи с далеко идущим сотрудничеством СССР с Чехословакией и интенсивным проникновением Советов на ее территорию предлагаю поручить непосредственное руководство разведкой против Чехословакии реферату «Восток». С учетом существенно близкой связи чешского и советского направлений за такое организационное разрешение вопроса говорит и то, что аппарат разведки против Чехословакии будет достаточно небольшим, чтобы создавать для него самостоятельное подразделение с необходимым отдельным консультационным аппаратом».

Согласно с положениями проекта планировалось создать 2 офицерских пункта на территории страны – в Кракове и Пшемышле, для осуществления неглубокой разведки. В противоположность принятым принципам они не были подчинены Краковскому отделению, а непосредственно замыкались на

Схема организации разведывательного аппарата
против Чехословакии

реферате «Восток» II Отдела. Кроме того, на территории Чехословакии планировалось восстановить разведывательную резидентуру при посольстве РП в Праге. Ее руководитель должен был выполнять роль непосредственного руководителя разведывательной акции на территории Чехословакии, проводимой 4 разведывательными пунктами, расположенными в польских консульствах. Месячный бюджет разведки против Чехословакии определялся в 8400 зл.

В такой ситуации тезис Л. Садовского о том, что «мы запустили этот разведывательный сектор», следует считать недостаточно обоснованным. Кроме того, он пытается убедить, что начальник Главного штаба генерал В. Стахевич не разрешил проводить разведку по ряду направлений за исключением наблюдения за чешско-советскими отношениями. Однако принятие решения о сохранении руководства разведкой против южного соседа в руках руководителя реферата «Восток» в случае аннексии Австрии и Судет гитлеровской Германией следует рассматривать как серьезную ошибку. Согласно мнению Т. Шумовского: «С момента занятия Чехословакии Германией эти офицеры (реферат «Восток». – Прим. А.М.) оказались бес-

полезными, потому что они не знали ни немецкого языка, ни организации вермахта». Несмотря на эти замечания, необходимо отметить инициативу военного атташе в Праге подполковника Ноеля в закупке осенью 1938 года очень ценного чешского военного снаряжения. Для ознакомления с условиями такой сделки II Отдел направлял специального делегата в Чехословакию. По невыясненным причинам это мероприятие не удалось довести до конца перед занятием Чехии Германией. Также была недооценена в Главном штабе ВП переданная разведывательным отделением в Праге и руководителем реферата «Запад» информация о немецких военных приготовлениях к занятию остальной части Чехословакии в марте 1939 года. В начале 1939 года была организована под руководством капитана Богдана Горголевского целая система конспиративной переброски чешских офицеров с семьями с занятой Германией территории через Польшу в Англию. Пограничные переходы организовали разведчики отделения № 4 в Катовицах и СИР ДОК в Кракове.

2) Разведка против Литвы

Бремя проведения разведки против Литвы лежало, прежде всего, на отделении № 1 II Отдела в Вильно, которое использовало в этих целях возможности разведывательных отделений КПО в Гродно и Вильно. Некоторые заграничные филиалы II Отдела также осуществляли наблюдение за политической и экономической жизнью Ковенской Литвы. Прежде всего, это делали консульство РП в Крулевце и военный атташе в Риге. Польские власти постоянно опасались, что политика литовского правительства и некоторых политических группировок, направленная на возвращение утраченной собственности может вызвать возникновение неблагоприятных для РП дипломатических и военных конфигураций на международной арене. Поэтому объектом пристального интереса специальных служб также стали развитие политической и экономической жизни Литвы и ее сотрудничество с Германией.

Л. Садовский считал, что польская разведка имела большие возможности разведывательного проникновения на территорию Литвы: «Условия разведывательной работы в Литве были относительно благоприятными. Переход литовской границы не представлял трудности, а свобода передвижения в Литве была достаточно большой. Привлекательность денег в этой бедной стране становилась надежной основой для вербовки агентов из большого числа людей, национальная принадлежность которых еще не была выкристаллизована». Одновременно II От-

дел на территории Литвы должен был конкурировать с активно действовавшими разведывательными службами Германии и советской России. Литва находилась в сфере особой заинтересованности России как объект политического и идеологического воздействия. В 1921 году II Отдел решился на проведение оценки результатов разведывательной работы в Литве отделения № 1 в Вильно и советского Разведуправления Красной Армии.

Тогда оказалось, что русские достигли значительных успехов в сфере разработки военных учреждений и центральных властей. В то же время польская разведка проявила свою активность в области политической и экономической жизни Литвы. Напрашивался также поразительный вывод, что обе разведывательные службы многократно пользовались услугами одних и тех же источников.

Объектом наблюдения консульства РП в Крулевце являлось очень быстро развивавшееся в 1920-х годах немецко-литовское сотрудничество. В докладе от 19 ноября 1921 года консул Сроковский проинформировал МИД РП об антипольском соглашении между немецкими и литовскими специальными службами. Начальник контрразведки в литовском штабе Липшус был главным агентом капитана Штудта, руководителя немецкой контрразведки в Восточной Пруссии. Очень тревожным явлением была торговля оружием между этими двумя государствами. В этой нелегальной процедуре принимали участие разведывательные службы Литвы и Германии, часто действовавшие с помощью частных фирм и одиночных торговцев. В марте 1922 года представитель правительства РП в Клайпедо информировал, что литовцы подписали в Берлине контракт на закупку 50 военных автомобилей. Одновременно немецкие пограничные и военные службы получили указание способствовать пропуску транспортов с закупленными Литвой оружием и военными материалами. При этом часто функции посредников выполняли лица еврейского происхождения – агенты советской разведки. «Как на лицо, действующее в руководстве акции по провозу контрабандным путем оружия, нам показали на проживающего в Кибартах торговца – еврея Рабиновича, который поддерживает отношения с Радхем-Собельсоном». Другим посредником был некто Гордон, еврейский торговец, проживавший в Выструге, который поставлял военное снаряжение для Литвы через руководителя интендантства 17-й пехотной дивизии рейхсвера.

Агенты польской разведки также установили, что оружие, следовавшее на транспорте в Литву и Россию, перевозилось в ящиках под видом сельскохозяйственного оборудования по

транзитной железнодорожной трассе Щецин-Пишава-Эдкуны. В целях повышения конспирации в торговле оружием торговцы, которые часто являлись офицерами рейхсвера, использовали торговые фирмы Дании и Швеции, куда сначала попадало военное снаряжение, закупленное Литвой. В архивных материалах сохранились документы, касающиеся подготовки польской разведкой оперативного мероприятия на территории Ковенской Литвы. Целью этой достаточно рискованной акции должна была стать нейтрализация влияния России и Германии на Литву. 14 октября 1924 года военный атташе в Риге Ярочинский передал в Центр сенсационную информацию о том, что Германия с помощью России намерена осуществить военный переворот в Литве. Его автором являлся царский генерал Глазенапп, который решил проинформировать польскую сторону о подготавливаемом перевороте. «Генерал Глазенапп, играя двойную игру, согласился на это в надежде обмануть Германию и создать из новой Литвы российскую противобольшевистскую территорию». Центр военной разведки в Варшаве к этим сообщениям отнесся с определенной осторожностью, опасаясь провокации с немецкой стороны. «Участие немецкого правительства выглядит неправдоподобным». Одновременно Центром изучался вопрос об отношении России к этому планировавшемуся государственному перевороту. Можно предположить, что без согласия Москвы немецкое правительство не пошло бы на переворот в Ковенской Литве. В конце концов, дело не дошло до реализации запланированного мероприятия. В то же время представленное дело является превосходным примером большой активности польской разведки на территории Ковенской Литвы.

Следует отметить, что в течение всего межвоенного периода польская разведка не отказывалась от любой okazji, чтобы ослабить антипольские тенденции властей Литвы. Это основывалось на применении таких методов, как поддержка внутренней оппозиции в Литве, а также нейтрализация немецко-советского влияния в Литве.

д) Наступательная контрразведка

В популярной сенсационной литературе читателю очень часто представляются эффектные успехи агентов разведки, которые выкрадывают совершенно секретные документы других государств. Однако следует относиться более снисходительно к деятельности контрразведывательных служб, борющихся с иностранными разведками. В действительности их значение и шкала трудностей работы имеют несравнимо большую ценность

для безопасности государства, чем самые блестящие разведывательные успехи. Можно примириться с невозможностью добывания секретов противника, но в то же время негативные последствия охраны секретов способствуют их краже вражеской разведкой. Достижения в контрразведывательной работе всегда требовали огромной выдержки и больших усилий и одновременно в большей части их пропаганда не приветствовалась. Между тем, исходя из этих позиций, работа в контрразведке никогда не пользовалась большим успехом среди кадровых разведчиков.

В 1918 году возрождающееся польское государство оказалось в сложной геополитической ситуации, будучи зажатым между мощными соседями с запада и востока. Перед польскими властями встали сложные национальные и общественно-экономические проблемы, которые следовало разрешить. II Республика стала объектом многих вражеских поползновений, организованных как внутренними, так и внешними противниками. Поэтому создание учреждения, занимавшегося бы обеспечением государственной безопасности, стало одной из главных задач властей возрождающегося польского государства. Иностраные разведывательные службы располагали очень хорошими условиями для деятельности в Польше. Складывающаяся политическая ситуация, общественные и национальные отношения способствовали шпионским акциям, организованными немецкой и советской разведками. II Республика была многонациональной страной. Вместе с тем это не представляло собой негативного явления для безопасности польского государства. Однако же много лиц из числа национальных меньшинств (немцы, украинцы, литовцы) проводили ирредентистскую деятельность. Поэтому они становились реальными кандидатами для использования их в качестве источников иностранных разведок. Подобная проблема увязывалась с деятельностью польских коммунистов, которые под прикрытием политической активности выступали против государства и часто находились на подхвате у советской разведки. Кроме этих предпосылок, облегчавших деятельность иностранных разведывательных служб, Л. Садовский в своей работе перечислил много субъективных причин, таких как:

- слабое моральное сопротивление общества;
- низкая заработная плата профессиональных кадров в армии и госучреждениях;
- повсеместная болтливость;
- недооценивание опасности шпионажа большей частью общества;

– несвоевременное предупреждение в контрразведывательную службу.

Следует разделить мнение Л. Гондка, что большинство представленных аргументов не имело подтверждения в фактах и вытекало из желания взвалить вину за сентябрьское поражение на государственные власти. В то же время следует признать правоту Л. Садовского в том, что во II РП иностранные разведки имели условия, облегчавшие их деятельность:

«– открытость границ, не имеющих естественных препятствий, облегчающих переброску агентов;

– коммуникационные и пограничные льготы на западе (оборотная карта, небольшое пограничное передвижение);

– свободное передвижения в Польше;

– отсутствие языкового барьера для большого количества лиц, не говорящих или слабо говорящих по-польски;

– законодательный либерализм в отношении шпионажа».

Только в 1928 году были ужесточены правовые санкции в отношении преступлений, связанных со шпионажем.

Л. Садовский обратил также внимание на влияние внешней политики II РП на отношение государственных властей к шпионской деятельности некоторых государств. Л. Гондек придавал особое значение должностным лицам МИДа в вопросе борьбы с иностранным шпионажем: «...Министерство иностранных дел применяло в течение целого двадцатилетия непонятную обструкцию в отношении начинаний II Отдела (в отношении немецкой разведки. – *Прим. А.М.*), и в реализации этого Юзеф Бецк был столь же последовательным, как и его предшественник Аугуст Залесский». Следует с большой долей скептицизма подходить к такому мнению о препятствовании и вмешательстве МИДа в контрразведывательную деятельность II Отдела. В действительности проблема основывалась на недостаточной координации деятельности обоих этих институтов.

Контрразведывательная работа состояла из защитных и наступательных элементов. Первый основывался на противодействии, выявлении и борьбе со всеми внутренними угрозами, возникающими в результате ирредентистской деятельности национального меньшинства и инфильтрации армии коммунистической организацией. В то же время наступательная деятельность касалась ликвидации разведывательных акций иностранных служб в Польше. Наступательную контрразведку вели не только самостоятельные информационные рефераты КОК (ранее II Отдел), а также внутренние отделения II Отдела. Поэтому эта деятельность не ограничивалась территорией польского государства, но проводилась и на территории про-

тивника. Руководитель Разведывательного отдела II Отдела на одном из служебных совещаний отметил: «Руководители СИР должны выполнять вспомогательную роль следующим способом: при разведывательных отношениях, при вербовке агентов, при ликвидации шпионских или коммунистических организаций, используя эти ситуации в дальнейшем, не оканчивая эти дела только ликвидацией. Необходимо при каждой возможности вербовать людей, уже поддерживающих отношения с иностранной разведкой и подходящих для использования в контрразведывательной службе на иностранной территории или в Коммунистической партии в России и в стране».

Таким образом, характер разведывательной работы многократно совпадал с системой деятельности военной контрразведки. Здесь также требуются от работников утонченность и опыт в подготовке оперативных мероприятий. По этой причине Центр подвергал критике некоторые СИР за применение ими «полицейских» методов.

Все чаще контрразведывательная служба стала использовать методы инспирации, заключающиеся в осознанном введении противника в заблуждение путем подбрасывания его разведывательным службам фальшивых документов, подставы собственных агентов (т.н. двойных агентов), а также в провоцировании и выведении его на ложный путь. Инспирации применяли почти все контрразведывательные службы государств тогдашней Европы. II Отдел особенно часто прибегал к этому методу в 1925–1930 годах, т.к. кроме оперативной выгоды она приносила финансовую прибыль (возникавшую от продажи фальшивых документов). Как сообщает В. Козачук, в 1925–1927 годах только немецкой разведке было продано 178 комплектов документов. «Эти суммы шли на выживание реферата инспирации, не обременяя директорского фонда штаба». Дело дошло до того, что почти все шпионские дела в 1927 году раскрывались с помощью инспирации.

Контрразведывательная работа не основывалась только на непосредственной борьбе с иностранной разведкой. В задачи контрразведки входила широко понимаемая профилактическая деятельность. «Основной целью контрразведывательной работы является защита секретов, затрудняющая работу и доступ иностранной разведки к информационным источникам, а не хватание шпионов, что так часто импонирует, но к цели не приводит. Захват шпионов является только одним из способов защиты секретов». В этой сфере проводилась разъяснительная и проверочная работа среди профессиональных кадров Войска Польского. В 1930-х годах мы имели дело с особым

ужесточением требований, касающихся защиты военных секретов. Большое значение этой проблематике придавал последний начальник Главного штаба генерал Вацлав Стахевич. Введенные им суровые распоряжения вызвали, в свою очередь, трудности в нормальном продвижении информации между различными государственными институтами.

В кругу заинтересованности контрразведки оказалась также и антигосударственная деятельность национальных меньшинств и коммунистов, которой было отдано много сил и средств. С одной стороны, представители этих двух групп постоянно использовались иностранными спецслужбами в проведении антипольской деятельности. С другой стороны – большой процент представителей национальных меньшинств в рядах польской армии беспокоил руководство, т.к. они оказывали значительное влияние на моральное состояние новобранцев: «...факт, что в армии мы располагаем иностранным элементом в количестве до 30% и что весь ряд национальных проблем, беспокоящих многих в данном обществе, находил отзвук среди элементов, проходящих службу в армии, и мог вызвать нежелательные явления. Само исследование настроений солдат в отрыве от совокупности проблем не дало бы результатов».

Сначала национальная проблематика находилась в ведении учетного подразделения II Отдела. Однако такое организационное решение не принесло положительных результатов. Поэтому в 1923 году было принято решение, что в данной области следует шире использовать полицейский опыт.

Малая привлекательность работы в контрразведывательной службе и одновременно высокие требования, предъявляемые к кандидатам, выразившим желание работать в этих органах, способствовали тому, что она не пользовалась популярностью среди офицеров линейных воинских частей ВП. По этой причине «в области кадров контрразведывательная служба не располагала необходимым количеством офицеров с хорошей профессиональной квалификацией, высокими интеллектуальными и моральными качествами». Одновременно постоянное влияние военной контрразведки на решение вопросов внутренней безопасности государства и скромные силы самостоятельных информационных рефератов не всегда позволяли выполнять им все поставленные задачи. Офицеры контрразведки обеспечивали безопасность заводов военной промышленности, высказывали свое мнение по кандидатурам, претендующим на занятие должностей в профессиональной военной сфере, на государственной службе и в оборонной промышленности.

По национальным вопросам и коммунистическому движению, особенно в восточных землях, контрразведке сильно помогали административные и полицейские власти. Хотя в межвоенный период преобладало мнение, что гражданские органы безопасности были не в состоянии справиться с антигосударственной деятельностью представителей национальных меньшинств и коммунистов. По этой причине самостоятельные информационные рефераты старались взять на себя руководство в осуществлении оперативной деятельности и репрессивных акций.

Здесь следует отметить, что территориальные органы военной контрразведки располагали ограниченными кадровыми и финансовыми возможностями, которые не позволяли беспрепятственно реализовывать поставленные задачи. В межвоенный период самые лучшие результаты в контрразведывательной работе получал СИР КОК № 3 в Гродно. Кроме того, в группу подразделений, добивавшихся хороших результатов, входили СИР в Варшаве, Пшемысле и Командование флота в Гдыни.

Главным противником польской контрразведки были, прежде всего, разведывательные службы Германии и советской России, в меньшей степени проявлялась в стране деятельность литовской и чехословацкой разведок. Контрразведывательным контролем были охвачены также дипломатические лица и представительства других государств, в том числе и союзнических. В 1925 году военная контрразведка располагала информаторами в американском и английском посольствах. Около 90% раскрытых шпионских дел, однако, касалось немецкой и советской разведок, только 2–3% – чешской и 5% – литовской разведки. Первые проводили непрерывную разведывательную акцию на всей территории польского государства, в то же время Литва и Чехословакия ограничивались проведением разведки в пограничной зоне. Чешская разведка активно использовала политические группировки украинской эмиграции в Чехословакии, которые занимались антипольской деятельностью.

Для иллюстрации деятельности военной контрразведки представляется подробная статистика раскрытых случаев шпионажа в Польше в 1924 году. В межвоенный период считалось, что хорошо действовавшая контрразведывательная служба обычно ликвидирует около 20% шпионских организаций. Предвоенная военная «двойка» принадлежала к таким.

Из представленных данных следует, что почти 72% раскрытых дел касалось советской разведки. Если мы признаем так-

Таблица 7

Количество раскрытых шпионских дел
отдельных СИР КГО в 1924 году

Разведка в пользу	Самостоятельные информационные рефераты КГО										Всего	%
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X		
Россия	35	56	28	1	9	183	-	10	63	4	389	71,6
Россия и Германия	8	-	-	-	-	-	-	-	2	3	13	2,4
Германия	1	-	1	1	4	2	3	11	-	7	30	5,5
Чехословакия	1	-	-	1	3	1	-	-	-	3	9	1,7
Литва	-	-	13	-	-	-	-	1	-	-	14	2,6
Коммунистическая агитация	30	7	11	7	13	-	3	8	-	-	79	14,5
Не установлено	-	3	-	-	2	-	-	1	3	-	9	1,7
Всего	75	66	53	10	31	186	6	31	68	17	543	100

же, что большинство коммунистических акций было инспирировано восточным соседом, то окажется, что около 89% шпионажа проводилось в пользу России. В то же время только 8% раскрытых случаев связывалось с деятельностью немецкой разведки. Представленные расчеты могут привести к ошибочному выводу о том, что в 1920-х годах разведывательное проникновение Германии было небольшим. В действительности же с самого начала существования II Республики советская разведка «засыпала» польские земли агентами от разведывательной и диверсионной деятельности. Главной чертой этой методики была массовость засылки агентуры и не всегда хорошая ее подготовка перед направлением в Польшу. В то же время немецкая разведка с самого начала пользовалась услугами представителей немецкого меньшинства, сотрудничавших с Абвером, прежде всего на идеологической основе. Кроме того, немецкие специальные службы, направляя свою разведывательную заинтересованность на польские военные институты, старались свои шпионские действия хорошо подготовить. Поэтому раскрываемость польской контрразведкой советских шпионских акций в сравнении с немецкими в то время была намного выше. Участие чешской (1,7%) и литовской (2,5%) разведок в проведении шпионажа на польской территории, как уже говорилось ранее, осуществлялось в значительно меньшей мере.

Больше всего случаев раскрытия шпионских дел было на территории Львовского военного округа – 33%, затем 14% в Вар-

шавском военном округе, 12,5% – в Брестском, 12,4% – в Любелском. Таким образом, заинтересованность иностранной разведки концентрировалась на Варшаве как месте расположения государственных институтов и юго-восточной территории II Республики.

Определенное беспокойство у руководства II Отдела вызывало отсутствие материалов в отношении разведывательных возможностей чешских специальных служб на территории Польши. «...бросается в глаза, прежде всего, в борьбе со шпионажем недостаточное изучение чешской разведки и отсутствие сведений о заинтересованности и методах ее работы. Этот недостаток являлся чувствительным, т.к. чехи в Польше работают и интересуются глубокими проблемами, так называемыми мобилизационными, оперативными и организационными мероприятиями на военное время. Ясным фактом является то, что чехи проводят разведку в Польше, имея хорошие разведывательные возможности, с учетом относительно большого процента присутствия чешского элемента в государстве и в военных ведомствах (рядовые, профессиональные кадры и вспомогательный персонал)». Поэтому в оценке работы территориальных органов военной контрразведки за 1923 год нашлось место для утверждения, что изучение деятельности чешской разведки в нашей стране было совершенно неудовлетворительным.

Нельзя не упомянуть вопросы международного разведывательного сотрудничества, направленного против Польши. Л. Гондек только просигнализировал о начатом в начале 1920-х годов немецко-литовском взаимодействии на этом поле. Очень интересными являются доклады консула РП в Крулевце от 1920–1922 годов, который сообщил о развитии в широких масштабах торговли оружием между немецким Рейхом и Литвой.

Подобный характер носило сотрудничество Германии с советской Россией. Это имело большое значение для внешней безопасности II Республики. История немецко-советских связей началась с 1918 года. Они тщательно скрывались от международной общественности. Польским спецслужбам удалось раскрыть зачатки этого сотрудничества во всех областях, и в том числе в военной. 17 февраля 1919 года дело дошло до заключения первой секретной конвенции между немецким и советским генеральными штабами. Разведывательное сотрудничество приобрело более широкие масштабы в период эскалации вооруженного польско-советского конфликта в 1920 году.

10 июня Богуслав Медзиньский, исполнявший обязанности руководителя II Отдела, на служебном совещании сообщил,

что «советское правительство получило заверение от немецкого правительства о возможности заключения секретного военного союза между двумя странами, целью которого станет сведение на нет маневров стран Антанты. По мнению советских политиков, этот союз приобретает глубокие экономические основы, потому что в предвидении будущего взаимодействия вооруженных сил двух стран прилагаются все усилия для взаимной поддержки сильно развивающегося торгового обмена, что только может укрепить военный союз». Медзильский был недалек от истины. Согласно информации офицера II Отдела по связи в Гданьске, в Германии в период советского наступления в 1920 году создавались вербовочные пункты, целью которых была организация призыва в Красную Армию добровольцев для участия в войне против Польши. Центральное бюро располагалось в Берлине, его вели советские агенты Гучков и Тотлебин. Кроме того, работали вербовочные пункты на местах: в Крулевце, Выстручу, Тулже и Эльблонге. Наиболее успешно действовало бюро в Крулевце, возглавляемое советскими и немецкими офицерами. Эта процедура проходила без формального одобрения берлинского правительства, но при его негласной поддержке.

Подписание мирного договора в Риге в марте 1921 года не прервало немецко-российского военного сотрудничества, т.к. уже через несколько дней (25 марта) представители советского Генерального штаба заключили очередное военное соглашение с Германией. В нем они взаимно обязывались оказывать друг другу помощь в снабжении военными материалами и продовольствием в случае агрессии третьего государства (напр., Польши). Дополнительно к этому немецкие власти намеревались передать в распоряжение советской армии работников и специалистов по изготовлению вооружения и нести половину расходов за эти работы. Немецкая сторона обязывалась восстановить и построить заброшенные и разрушенные железнодорожные пути в России. Советскую армию «в количестве 1 миллиона винтовок» должны были организовать и снабдить инструкторы и фирмы оборонной промышленности. В этих целях на командные должности в Красной Армии были поставлены опытные немецкие офицеры. В 1922 году в одном из сообщений в Центр консул РП в Крулевце Развадовский информировал, что на территории Восточной Пруссии, в населенном пункте Арыс, функционирует законспирированный центр обучения кадров советской армии, руководимый инструкторами из рейхсвера. Подобное обучение немецкие офицеры организовали и на территории самой России.

Поэтому подписание договора в Рапалло в апреле 1922 года было не началом сотрудничества, а окончанием определенно-го этапа союзнических отношений между Россией и Германией. Вместе с договором в Рапалло была принята очередная военная конвенция. Конечно, как Г. Чичерин, так и Е. Вирт публично заверили, что не может идти речи о каких-то секретных оговорках. С немецкой стороны парафировали военный договор представители Генерального штаба: генерал фон Сект, адмирал Бенке и подполковник Шарф, с советской стороны – генерал Новицкий, руководитель политического отдела.

В ст. 1 документа, копию которого добыл польский военный атташе в Москве, немецкая сторона обязалась поставить своему союзнику оружие и военные материалы, необходимые для вооружения 140 полков пехоты, а также тяжелую и полевую артиллерию для 20 дивизий. Согласно одному из пунктов договора, немецкий Военно-морской флот должен был реорганизовать советский Военно-морской флот на Балтийском море. Кроме того, в ближайшем будущем в советские порты планировалось доставить 500 самолетов типа «Юнкерс». В конце концов, Германия выразила согласие поделиться результатами исследований в сфере применения в сражениях боевых отравляющих газов. Однако основные установления составляло участие фирм и немецких специалистов в создании и расширении военной промышленности, продукция которой должна была поступить в немецкую и советскую армии.

На базе этих договоров планировалось в 1922 году начать производить боеприпасы на двух заводах: в Самаре и Петрограде. Главную роль в экономической экспансии в России играла фирма Круппа, которая в то же время начала строительство большой фабрики в окрестностях Москвы. В ее строительстве принимало участие 8 тысяч работников (в большинстве немцев), руководимых немецкими инженерами. На следующий год заработали другие оборонные предприятия: завод по выпуску винтовок в Вырицах около Гатича и завод по выпуску оружия в Царицине. Производство танков планировалось осуществить на предприятиях Ижорска. Самыми современными предприятиями считались путиловские заводы, полностью оборудованные и управляемые инженерами фирмы Круппа (производство танков). В свою очередь, фирма Юнкерса в 1922 году начала приспособлять автомобильную фабрику в Филях под Москвой для производства самолетов. Подобные действия стала предпринимать фирма «Дукс»; благодаря этим акциям в 1922–1923 годах в советской России произошел почти трехкратный рост производства самолетов.

Одновременно в Россию прибывали специальные комиссии для организации определенных отраслей промышленности, связанных с производством продукции для армии. Польская разведка установила, что в ноябре 1923 года в Россию прибыла группа немецких техников под руководством инженера Майнера для организации в Красной Армии радиоразведывательной службы.

Огромное значение имело соглашение по вопросам оперативного взаимодействия обеих армий. Советский Генеральный штаб обязался содержать на западной границе (с Польшей) не меньше 18 пехотных и 8 кавалерийских дивизий. Детальная дислокация подразделений должна была соответствовать оперативному плану, утвержденному генеральными штабами Германии и России. Эти действия двух соседей Польши однозначно направлялись против нашей страны и таким образом были истолкованы компетентными государственными кругами РП. Если бы это сотрудничество стало известно, то оно вызвало бы международную сенсацию. Поэтому обе стороны обязались сохранять содержание конвенции 1922 года в строжайшей тайне. Кроме того, правительства обоих государств, чтобы ограничить риск расшифровки этих договоренностей, старались выступать официально. Переговоры проводили представители командований армии и генеральных штабов, пользовавшиеся фальшивыми паспортами, соблюдая инкогнито. Торговый обмен осуществлялся с помощью крупных немецких фирм и концернов, которые располагали поддержкой берлинского правительства. С другой стороны, советские власти пользовались услугами коммунистического движения в Западной Европе и профессиональных торговцев оружием, которые проводили переговоры от имени правительства. В этих целях были созданы фиктивные торговые фирмы, фактически занимавшиеся поставкой оружия и военных материалов из Германии в советскую Россию. Такую функцию выполняли «Дерута», немецко-российская транспортная фирма «Центральное бюро русского товарищества» и «Отто Ярош». Последняя представляла интересы предприятий Круппа, действовавших в рамках UKR (Unternehmung Krupp-Russland*). Главной базой промышленной фирмы «Отто Ярош» являлся Свободный город Гданьск, где ее интересы представляли инженер Вальтер Штейн и Паль Керстен.

Русские поставили в Вене своего резидента, генерала Елагина, который постоянно проводил торговые переговоры, ис-

* Предприятия Круппа – Россия.

пользуя в этих целях Бориса Торбинева и бывшего итальянского вице-консула Сеси, а также афганское дипломатическое представительство. Кроме того, он пользовался услугами известного торговца оружием некоего Мартина Трайттруба, действовавшего на территории Австрии. Как информировал сотрудник разведывательной резидентуры в Будапеште, через посредничество Трайттруба генерал Лебедев, а с немецкой стороны Иохим Страхович, осуществили 22 февраля 1923 года сделку по покупке 50 тысяч винтовок для советской армии. Нельзя не упомянуть о периодически организовывавшихся встречах и конференциях высших штабных офицеров двух армий. Наш посол в Копенгагене Дзедушицкий в результате наблюдения за этой деятельностью констатировал, что «российская проблема управляется Германией на плановой основе, в целях создания в России базы для тяжелой артиллерии, аэропланов и т.д. – одним словом, Россия должна была стать арсеналом военного материала для Германии, т.к. с учетом контроля Антанты немцы не могут производить этот материал в Германии еще какое-то время».

Транспорты с оружием и военными материалами в Россию следовали несколькими путями, но чаще всего морским – Северным и Балтийским морями непосредственно из немецких портов (Гамбург, Щецин, Любек, Брем, Росток, Фленсбург и Ольденбург) в советские порты (Петроград и Кронштадт) или же с использованием портов балтийских государств (Швеции, Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы). Скорее всего, такой широкий торговый обмен не мог происходить без молчаливого согласия властей названных государств. Особую роль в этой процедуре играл Свободный город Гданьск. Германия и Россия располагали в нем торговыми и разведывательными подразделениями.

Офицеру по связи польской разведки в Гданьске, ротмистру Дубичеву, удалось установить действительную роль, которую играла гданьская оружейная фабрика «Yewehr Fabrik»* в торговле оружием на Восток. Директор этой фабрики Цухн вместе с генералом Ангернем в 1922 году отправили в Россию через Литву или Швецию 500 тысяч винтовок и определенное количество самолетов. В меньшей степени они использовали сухопутный путь через поморский коридор, т.к. тогда существовал большой риск раскрытия содержания грузов транспортов польскими властями, которые уже имели достаточно солидное «досье» о военном сотрудничестве Германии с со-

* «Оружейная фабрика».

ветской Россией. Однако два раза в месяц проходили железнодорожные транспорты из Германии в Пруссию и далее через Литву в Россию (большую помощь оказывали польские коммунисты в Поморском воеводстве). С учетом объективных трудностей сложно определить материальные размеры контрабанды оружия и военных материалов из Германии в Россию и в обратном направлении – сырья. Однако же выявленные польской разведкой в 1919–1924 годах факты вызвали подозрение, что это было массовое явление. В 1922 году на трассе Гамбург-Петроград два раза в месяц курсировали пароходы фирмы «Германия Ридер», перевозившие работников и техников авиационной промышленности. В мае 1923 года офицер II Отдела, находившийся в Ревеле, проинформировал, что советский корабль «Кама» перевозил из Германии танки, укрытые среди сельскохозяйственного оборудования. 21 сентября того же года в порт Ревель вошло немецкое судно «Сатурн», перевозившее в Петроград 70 боевых самолетов. В 1923 году советский комиссар Идельсон в Гамбурге осуществлял надзор за погрузкой военного оборудования в местном порту. Здесь также проводились ремонт и восстановление вооружения Красной Армии, которыми занимался инженер Новиков из фирмы «Дукс А.Г.». Между тем, следует напомнить, что его брат работал в российской разведке на территории Ближнего Востока.

Служба учета и анализа II Отдела Генерального штаба ВП примерно определила размеры торговли оружием Германии с советской Россией. В 1923 году морским путем прибыло в российские порты: 2 тысячи тонн танков, 2 тысячи тонн боеприпасов, 4 тысячи тонн самолетов, 7,5 тысяч тонн взрывчатых материалов, 14 тысяч тонн химикатов, 25 тысяч тонн селитры, 14 тысяч тонн соляной кислоты, 11 тысяч бензина и 36 тысяч тонн стали. После завершения навигации на Балтике оружие транспортировалось сухопутным путем из Крулевца (там постоянно пребывала советская миссия) в Литву, а затем в советскую Россию. Так, например, 4 марта 1924 года был замечен в Эйдткалмен транспорт с 26 танками, отправленными из Берлина фирмой «Иохим Кац Кахлитц». Пятью днями позднее новый транспорт из 18 танков отправился в восточном направлении. В январе 1924 года уполномоченный Внешторга Давыдов заказал фирме Фоккера 500 современных самолетов. Таких примеров торговых сделок и фактов транспортировки оружия, следующего на Восток, польской разведкой было установлено множество. Часть этого военного арсенала позднее возвращалась, пополняя вооружение различных подрывных и

националистических движений во всей Европе. Оружие попало в Норвегию, Финляндию, но в первую очередь к украинским националистам в Восточной Малопольше. Это оживленное немецко-советское военное и политическое сотрудничество подвергалось сокращению во времена Г. Стресетатпа. Однако в определенных политических и военных сферах обеих стран оставалось убеждение о необходимости сотрудничества в политических целях. Оно нашло свое выражение в сентябрьском пакте 1939 года.

Таблица 8

Национальная структура шпионов иностранных разведок, выявленных отдельными органами контрразведки в 1924 году

Национальность	КГО										Всего
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	
Поляки	26	11	8	5	13	17	2	16	18	4	120
Еврей	18	35	30	4	6	14	1	3	15	5	131
Русские	5	8	2	-	-	-	-	5	28	-	52
Белорусы	1	2	7	-	2	2	-	-	5	-	17
Немцы	3	-	1	-	-	-	3	5	1	2	17
Русины	1	6	-	-	1	141	-	-	-	3	152
Украинцы	15	1	-	-	-	-	-	2	-	-	18
Литовцы	-	-	5	-	-	-	-	-	-	-	5
Чехи	1	-	-	1	2	7	-	-	-	3	14
Румыны	-	-	-	-	-	1	-	-	-	-	1
Венгры	-	1	-	-	1	-	-	-	-	-	2
Не определены	6	2	-	-	6	-	-	-	1	-	15

Таблица 9

Профессиональная структура шпионов иностранных разведок

Профессия	КОК										Всего
	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	
Кадровый офицер	-	1	1	-	-	-	-	-	-	-	2
Офицер запаса	2	1	-	-	-	1	-	-	-	-	4
Рядовой	22	5	6	-	8	12	-	6	3	3	65
Унтер-офицер	3	-	-	2	3	5	-	1	2	2	18
Гражданский	48	34	46	8	16	155	4	24	63	12	410
Неопределенное занятие	1	25	-	-	4	13	2	-	-	-	45
Вместе	76	66	53	10	31	186	6	31	68	17	544
В том числе	5	3	6	2	1	9	-	2	1	3	32

Эти данные подтверждают тезис, что иностранные спецслужбы искали кандидатов в агенты, прежде всего, среди представителей национальных меньшинств (78%). Определенной неожиданностью была большая доля евреев, русских и чехов среди шпионов, проводивших антипольскую деятельность, и относительно небольшое число немцев и украинцев, которых до сих пор в литературе считают «основной базой» иностранных разведок, действовавших в Польше в межвоенный период. Указанные статистические данные являются очередным доказательством того, что национальные меньшинства во II РП представляли серьезную угрозу для внутренней безопасности и стабилизации польского государства.

Каждая разведка считает большим успехом приобретение секретного сотрудника из числа офицеров иностранной армии. В польских условиях советская или немецкая разведки редко могли похвалиться такими достижениями. В 1924 году было выявлено только 2 случая шпионажа в пользу иностранного государства, проводимого офицерами действительной службы ВП. Л. Садовский представил данные о 12 офицерах, в том числе 5 штатных, но, однако, он не определил, к какому периоду эти данные относятся. Наиболее выдающимся случаем государственной измены польских офицеров следует считать дело поручика Е. Грыфа-Чайковского, поручика К. Урбаняка, майора Харашимовича, поручика В. Щнеховского, поручика Пёнтка и поручика Х. Вихерка. В то же время достаточно значительным (12%) было участие в шпионских аферах рядовых польской армии. Особенно активно советская разведка инфильтровала унтер-офицерские кадры и новобранцев действительной службы ВП.

Польская контрразведка получала неподтвержденную информацию о достаточно серьезных попытках проникновения советской разведки в военные учреждения II РП. «Последнее время сообщаемая мне информация от очень важных агентов, состоящих у меня на связи, а также от руководителя отделения "Б" позволяет мне сделать вывод, что в департаментах Министерства военных дел и Генеральном штабе ВП советская разведка располагает необыкновенно надежными и ценными информаторами. В данный момент мы имеем общие послышки о том, что советская разведка в Варшаве широко использует в своих целях машинисток и курьеров, работающих в военных учреждениях». По этой причине планировалось введение процедуры по постоянному изучению гражданских и военных лиц, работающих в Генеральном штабе ВП. Одновременно с этим среди разведчиков II Отдела была организована

контрразведывательная работа на постоянной основе. Отдельное место занимал вопрос о контроле за оперативной деятельностью работников посольства России в Варшаве. Общеизвестным фактом являлось то, что большинство советских дипломатов занималось деятельностью, совсем не связанной с их дипломатическим статусом. Главной их задачей было проведение разведывательных акций, инспирирование диверсионной деятельности и материальная поддержка коммунистов. Поэтому контрразведка II Отдела намеревалась охватить советское посольство тщательным негласным наблюдением. В этих целях в августе 1921 года прошла целая серия межведомственных конференций. В них принимали участие представители II Отдела ВК ВП, II Отдела КОК Варшавы, полицейская контрразведка и Министерство иностранных дел.

Все участники совещаний выразили огромное беспокойство открытием советского посольства в Варшаве. Один из них, подинспектор С. Снарский из МВД, заявил, что советское посольство прибывает сюда с решительным намерением проводить интенсивную агитацию и разведку. Характерным является тот факт, что Россия очень интересуется, как в Польше воспринимается известие о прибытии советского представительства; из бесед, проведенных агентами с представителями советской Репатриационной миссии, следует, что настоящая агитация начнется только после прибытия Карахана в Варшаву. Предполагается, что Карахан станет тем центром, к которому будут тянуться все большевистские силы в Польше, готовые служить интересам разведки и агитации.

С учетом этого возникла необходимость, не терпящая промедления, создания соответствующего органа, который занимался бы координацией деятельности по негласному надзору в отношении советского дипломатического представительства в Варшаве. Представитель II Отдела ВК ВП капитан Щмигельский ратовал за передачу этой проблемы одному учреждению, и лучше военному. В конце концов, победило мнение, представленное отделом ИВД ГК ГП. Было предложено создать межведомственный орган – Ведомство четырех, которое должно было заняться организацией контрразведывательной деятельности в отношении советских дипломатов. Членами Ведомства четырех стали майор Васонг из II Отдела КОГ Варшава, ротмистр З. Витецкий из II Отдела Министерства военных дел, подинспектор С. Снарский из ГК ГП и К. Ольшевский из Министерства иностранных дел. Это ведомство начало очень энергичные действия, имевшие целью создание условий для непрерывного негласного надзора за советским посольством. С

одной стороны, было принято решение об использовании разведывательного аппарата французской и японской миссий, группы Д. Савинкова и политических возможностей С. Балаховича, С. Петлюры и российских монархистов. С другой стороны, планировалось сотрудничество с различными общественными и политическими организациями, такими как Антибольшевистская лига, Академическая национальная молодежь, Лига женщин, Организация польских женщин ксендза Около-Кулака. Эти организации составляли кадровую основу создаваемой контрразведкой сети агентов. Кроме того, был организован полный оперативный контроль телефонных разговоров, а также поступающей корреспонденции в резиденцию советского посольства в Римской гостинице. Особое место в этой работе занимала подготовка инспирирования различных ситуаций для компрометации членов посольства. Для этих целей планировалось использовать газету «Варшавский голос», субсидировавшуюся советской разведкой. В составе редакции контрразведка КГО Варшавы располагала своими агентами, благодаря которым поступала информация о планируемых противником мероприятиях.

Такой методичный и комплексный подход к деятельности советской разведки в Варшаве принес очень быстро положительные результаты. В оценке контрразведывательной работы II Отдела КГО за 1923 год было сказано: «Принимая во внимание борьбу со шпионажем, следует отметить, что борьба с большевистской разведкой была поставлена наиболее лучше и сильней». В подобном отчете за 1925 год еще выгоднее представлялись результаты борьбы с советским шпионажем. «1925 год был для советской разведки очень тяжелым. Систематически наносимые удары, особенно в Варшаве, заставляли руководителей изменять методы своей деятельности. Члены разведывательной резидентуры, расположенной при посольстве в Варшаве, работают только на территории посольства – публично не показываются, что в большой степени затрудняет их расшифровку».

В 1920-е годы в ежедневной прессе часто встречалась информация об очередных раскрытых польскими спецслужбами шпионских аферах советской разведки. Это было следствием того, что русские направляли в Польшу много своих разведчиков, которые выполняли роли агентов-агитаторов. Однако их обучение в центрах ГПУ носило преимущественно поверхностный характер.

В конце 1920 года на III конгрессе Интернационала в Москве создается организация под названием «Zakordot», главной задачей которой были подготовка и проведение диверсионных и

саботажных акций на восточных землях II РП, а также инспирация там вооруженных восстаний местных жителей против польских властей. «Zakordot» пользовался значительной материальной помощью органов ГПУ и ГРУ. Диверсионные группы «Zakordot» состояли преимущественно из украинцев (55,7%), евреев (17%), русских (11,4%) и поляков (9%).

В связи с тем, что результаты разведывательной и диверсионной работы были несоизмеримо малы по отношению к организационно-финансовым затратам на нее, в ГПУ спланировали проведение реорганизации советской разведки. 2 августа 1926 года в Москве состоялась секретная конференция, посвященная именно этой проблеме. М. Тухачевский и Е. Уншлихт, предвидя в ближайшее время возникновение вооруженного конфликта с Польшей и Румынией, предложили значительно усилить разведывательные акции в этих странах. В августе того же года ГРУ направило много офицеров военной разведки в Центральную Европу для реорганизации разведывательных сетей: в Вену – генерала Чермака и полковника Корговского, в Берлин – генерала Негазова и полковника Слименко и в Прагу – полковника Накутина и полковника Герона. Изменения в характере разведывательной деятельности России в Польше положительно повлияли на результаты работы советской разведки, и уже с 1932 года постоянно уменьшалось число раскрытых советских шпионских афер.

Совсем иначе выстраивалась разведывательная деятельность немецких спецслужб в Польше. После окончания Первой мировой войны немецкая разведка действовала сначала без четко сформулированной цели. Только в декабре 1923 года на конференции восточных отделений Абвера (Щецинское, Гданьское, Крулевское) были рассмотрены результаты работы и определены главные направления и методы деятельности на территории Польши в будущем. Следует согласиться с мнением Л. Гондека, что совещание в Крулевце явилось поворотным моментом в антипольской деятельности Абвера. Немецкая разведка планировала использовать услуги не только немецкого меньшинства, но и начать активное изучение определенной профессиональной и региональной сферы Польши. Она продолжала укреплять сотрудничество с Литвой и Россией. Все больше возрастала позиция Свободного города Гданьска как исходной базы для выхода на северную территорию II РП. В то время польская контрразведка недостаточно радикально боролась с этими активными проявлениями немецкой разведки. Однако со временем ситуация значительно изменилась. Польским специальным службам удалось овладеть ситуацией

в отдельных разведывательных сетях Абвера и благодаря этому результативно противодействовать ее растущей активности в Польше. «Работа в отношении Германии уже дает очень много информации о состоянии немецкой разведки в целом, о ее направлениях, об особенностях разведывательных сетей в Польше и о ее силах и средствах».

В 1926 году контрразведывательные службы II Отдела добились хороших успехов, ликвидировав группу офицеров ВП из Поморского военного округа, сотрудничавших с Гданьским отделением Абвера (так называемое дело Пёнтка и Урбаняка). Одновременно это дело сигнализировало о том, что немецкая разведка имеет положительные результаты по проникновению в среду офицеров ВП. Под конец 1926 года была раскрыта шпионская деятельность в Силезии, проводимая немецким представителем в Смешанной комиссии док. Гансом Лукашка, собиравшим информацию о польской политической жизни в автономном Силезском воеводстве. В 1929 году удалось ликвидировать шпионскую группу в Торуне, руководимую М. Пехоцким и Л. Хафкой, которая занималась сбором данных о Торунском военном гарнизоне. В 1931 году за подобную деятельность был приговорен к смертной казни подпоручик рез. В. Тулодзецкий. Польская контрразведка все чаще стала принимать методику инспирации в борьбе с Абвером. Примером может служить дело Харашимовича, которое благодаря искусной работе по нему майора Жихоня стало успехом польских специальных служб.

Приход Гитлера к власти в Германии вызвал усиление разведывательных акций по всем направлениям. В жизнь был введен принцип «тотального шпионажа». Л. Гондек так охарактеризовал эту новую стратегию немецкой разведывательной деятельности в Польше: «Это акцентирование в работе, прежде всего, на факторе качества за счет как можно эффективнейшего развития глубокой разведки склонило немцев к частичному отказу от элементов массовости, приданию приоритета пригодности вербуемых лиц к сотрудничеству или уже подготовленных для этого Абвером... Он планировал размещение средств добывания информации в особо важных и невралгических пунктах военной системы противной стороны – в штабах, системах командования, планирования. Этот вид разведки закладывает совсем иную систему работы с агентурой, чем повсеместно применяемых случаях». Следует отметить, что немцы все чаще стали использовать представителей национальных меньшинств, особенно украинских националистов, а также привлекать к сотрудничеству с разведкой лиц, занимав-

ших в армии или государственном аппарате высокие должности. В очень интересном документе «Отделения Абвера в Силезии» от 21 октября 1935 года из Федерального военного архива в Фрейбурге, опубликованном в «Новейшей истории», содержится утверждение о том, что немецкие разведывательные службы в результате радикальной деятельности польской контрразведки не добивались больших успехов в течение длительного времени. Поэтому ими планировалось активизировать свою деятельность в Польше.

В 1933 году польская контрразведка (СИР в Торуне) выявила сотрудничество с Абвером поручика рез. Е. Грыфа-Чайковского, бывшего офицера II Отдела, который много лет играл роль «перевербованного агента», сначала передававшего польской разведке подготовленный немцами информационный материал, а позднее проводившего разведку в Польше в пользу Германии. В 1935 году были раскрыты случаи разведывательных акций против Польши, организованных с территории Свободного города Гданьска. Оскар Рейли, руководитель Гданьского отделения Абвера, привлек к сотрудничеству с немецкой разведкой офицера польского Военно-морского флота поручика Вацлава Щнецховского. В январе 1935 года работники СИР КОК в Торуне арестовали его вместе с соучастницей Е. Фестенбург, жительницей Гданьска.

В 1936 году все территориальные контрразведывательные органы зафиксировали усиление немецкой разведывательной активности. «Немецкая разведка привлекает к работе всех лиц немецкой национальности – владельцев хозяйств, торговых предприятий, торговцев, собственников домов». В 1938 году количество ликвидированных афер немецкого шпионажа двукратно превышало количество дел, связанных с советской разведкой.

е) Диверсия и участие в прометейской акции

Диверсия является особой формой деятельности специальных служб на территории неприятеля, осуществляемой в целях дезорганизации системы военного командования и руководства государством. Поэтому она проводится также в период, непосредственно предшествующий возникновению вооруженного конфликта, и в ходе него. Во всех планах военных приготовлений на случай войны предусматривается диверсионная деятельность.

В 1938–1939 годах в связи с чехословацким кризисом польские государственные власти дали указание разведывательным службам провести диверсионные акции в Заолзю и

Закарпатской Руси. В то же время II Отдел в межвоенный период проводил иную форму диверсии, называемую «прометейской акцией». В этом случае мы имели дело больше с политической деятельностью, чем военной. Источники этого мероприятия следует искать в идеологии национально-освободительного движения, связанного с лагерем пилсудчиков начала XX века. Прометейская концепция опиралась на борьбу с имперским советским государством посредством поддержки ирредентистской деятельности среди народов, входящих в состав советского государства. Краеугольным камнем польской прометейской политики было создание таких условий, чтобы руководить в значительной степени развитием событий. Окончательной целью должно было стать «расчленение» советской России.

Вдохновителем прометейской акции был Юзеф Пилсудский. Прометеизм был тесно связан с его федеративной концепцией и взглядами на польскую восточную политику. В связи с тем, что Пилсудский и связанный с ним политический лагерь практически весь межвоенный период оказывали решающее влияние на деятельность государства, прометейская акция являлась неотъемлемой частью задач многих организаций и государственных учреждений, в кругу заинтересованности которых находились восточные вопросы. Поэтому нет оснований соглашаться с мнением С. Микулича, что следует трактовать прометейское движение единственно как форму инструмента оказания давления на внешнюю политику. Напротив, оно являлось определенным постоянным элементом в развивающейся концепции восточной политики в лагере пилсудчиков. Поэтому прометейская проблематика также занимала отдельное место в работе II Отдела Генштаба ВП, что проявилось в создании отделения № 2. Эта деятельность II Отдела осуществлялась с использованием многих специфических методов и форм. Под его руководством проводились разведывательные, диверсионные и саботажные мероприятия, а также организовывались и инспирировались политические, культурные, научные и общественные акции.

Можно выделить 3 этапа прометейской деятельности II Отдела: 1918–1921 годы, 1921–1926 годы, 1926–1939 годы.

Во время первого периода постоянных вооруженных конфликтов на восточных рубежах возрождавшегося государства Е. Пилсудский официально провозглашал и реализовывал федеральную программу (в том числе и прометейскую). Разведывательные службы поддерживали политические и военные действия. Например, в августе 1919 года В. Славек вместе с

Т. Каспжицким подготовил свержение правительства в Литве и расформирование Литовского совета. После окончания войны и заключения мира в Риге Пилсудский понял, что политическая концепция федерализма потерпела фиаско. Однако он полностью не отказался от своих планов. Прометейская акция как бы уходила из политической плоскости в сферу секретной деятельности военных специальных служб. Как утверждает М. Кукель: «Ни о каких отказах от больших освободительных стремлений не может идти речи. Изменяются только средства и методы». Тем не менее в 1922–1926 годах, после отстранения Е. Пилсудского от публичной жизни страны, прометейская деятельность II Отдела и Министерства иностранных дел была значительно приостановлена.

Только после майского переворота с подачи Е. Пилсудского II Отдел снова принял участие в проведении политической диверсии на территории России в рамках прометейской акции. Инициаторами этого движения в кругу правящего лагеря были полковник Валери Славек, Тадеуш Холувко. Во II Отделе большое значение этой проблематике придавали его руководители, прежде всего полковник Т. Схаэтзель, полковник Т. Пелчинский и подполковник Е. Инглиш. В то же время настоящим руководителем разведывательной деятельности в этой сфере был майор Е. Харашкевич, руководитель созданного в 1930 году отделения № 2 II Отдела. Это подразделение состояло из 6 рефератов, в том числе и самостоятельного реферата «Восток» – главного организатора прометейской акции.

Объектом заинтересованности II Отдела являлись национальные меньшинства, проживавшие на советской территории. Украинцам отводилось особое значение в планах прометейской акции. Кроме того, польскому воздействию подвергались представители кавказской национальности (азербайджанцы, армяне, грузины). В марте 1922 года представитель эмигрантского грузинского правительства Ц. Себахтаришвили установил контакт со II Отделом по вопросу планирования антисоветского вооруженного восстания на Кавказе. Польская разведка активно интересовалась также настроениями казачьего и туркестанского населения. Необходимо добавить, что разведка изучала среду национальных меньшинств как в России, так и в эмиграции.

В ходе реализации прометейской программы II Отдел не ограничивался только проведением разведывательной деятельности. Многие мероприятия польских спецслужб носили политический и пропагандистский характер. По мнению политического руководства, II Отдел прекрасно справлялся с

организацией и проведением этой акции. В политической области II Отдел создал штаб Украинского народного совета в Варшаве, Главный украинский совет, Национальный кавказский комитет. Кроме этого, он поддерживал контакт со Всемирным мусульманским конгрессом. В пропагандистской плоскости II Отдел поддерживал издание журналов и газет, представляющих интерес для эмигрантской среды (польско-украинский бюллетень «Восток», «Promethes» в Париже, «Prometeus» в Хельсинках), и финансировал деятельность таких научных учреждений, как Восточный институт и Украинский научный институт в Варшаве. Польская разведка приложила большие усилия для организационного развития эмигрантских центров национально-освободительного движения народов, входивших в состав советского государства. II Отдел планировал объединить все действующие во Франции, Турции, Персии, Чехословакии и в других странах прометейские клубы, организации ветеранов войны и студенческие союзы в единый прометейский фронт, направленный против советского государства. Это должен был сделать назначенный в качестве постоянного представителя в Париже офицер II Отдела.

Наряду с этим военная разведка проводила мероприятия по организации диверсионной и политической деятельности на территории самой России. Этим занимался прежде всего под-реферат «Б-р» отделения № 2. Он осуществлял организационную работу и обучение. В этих целях отделение № 2 создало секретную диверсионную организацию под названием «Секция гражданской готовности». На Украине оно сформировало националистическо-военное соединение Ефремова и небольшие революционные группы на Кавказе и в Азербайджане.

Изменения международной ситуации и внутренней обстановки в Польше в начале 1930-х годов, а также смерть главного инициатора прометейского движения Т. Холувки (погиб от рук украинских националистов) и его покровителя Ю. Пилсудского вызвали ослабление темпа работ II Отдела в этой области. Однако по-прежнему прометейская деятельность опиралась на тесное сотрудничество II Отдела с МИДОм. В принципе именно эти учреждения финансировали акцию. Расходы на нее в начале 1930-х годов составляли 1,3 мил злотых ежегодно. Однако в дальнейшем они подвергались постепенному сокращению, достигнув в 1938 году 811 тысяч злотых.

Деятельность II Отдела в рамках прометейской акции была оценена отрицательно. Согласно Л. Садовскому, работнику предвоенной «двойки», сумма 15 мил злотых, ушедшая на прометейскую акцию, не принесла конкретных результатов. «Ана-

лиз совокупности прометейских акций II Отдела свидетельствует, что их скорее рассматривали как цель в самой себе, а не как средство и инструмент диверсии. Это вытекало прежде всего из их политического характера и тенденции к рассмотрению прометейской эмиграции как равноценного сторонника и как политического фактора на далекую перспективу, а не как платформы для многократного использования в целях текущей политики и пропаганды, а также не для целей собственно диверсии». В то же время В. Побуг-Малиновский критически оценивал факт участия военных разведывательных служб в политической деятельности: «Представители армии, не только из штабов, но и из казарм, после захолустных гарнизонов выходили на активную роль в политической жизни страны. Наиболее ярко это проявилось именно на участке национальных вопросов. О направлениях политики в этой области II Отдел Штаба начинал принимать решения».

Участие II Отдела в деятельности прометейского движения стало следствием нереализовавшихся федеральных планов Пилсудского 1918–1921 годов. Он сознательно решился на переход от политических и дипломатических методов к секретным и конспиративным действиям, применяемым именно разведывательными службами. По всей видимости, на решение Пилсудского повлияло урегулирование отношений с советским государством в 1921 году. В то же время было понятно, что на фоне основной деятельности II Отдела прометейская акция вызывала сомнения и разногласия о целесообразности его участия в этом мероприятии.

Другим активным направлением деятельности военных специальных служб в области диверсии в межвоенный период стала программа создания конспиративной сети агентов и организаций зафронтальной диверсии в соседних с Польшей странах. Реализация данного плана была начата в конце 1920-х годов. Дело дошло до установления сотрудничества с МИД. В апреле 1934 года создается Комитет семи (К-7), которому надлежало координировать диверсионную деятельность. Во главе Комитета стал капитан Т. Дрыммер, директор Департамента кадров МИД (бывший работник II Отдела). Отделение № 2 представляли майор Г. Харашкевич, В. Липиньский и майор Ф. Анкерштейн, а МИД – В. Залесский, Т. Кавалец и А. Ковальский. К задачам II Отдела относилось создание конспиративных мобилизационно-диверсионных ячеек. В этих целях в рамках отделения № 2 был создан самостоятельный реферат собственных территорий, который начал организовывать диверсионные центры в России (поручик Милановский), при-

балтийских странах (капитан Яблоновский) и Германии (майор Анкерштейн).

Военная разведка планировала создание разведывательно-диверсионных формирований в важных стратегических пунктах (железнодорожные узлы, мосты, оборонные заводы, воинские части). В связи с этим в конце 1930-х годов было начато интенсивное специализированное обучение кандидатов этому виду деятельности. Майор Е. Харашкевич планировал обеспечить все военные округа офицерами, подготовленными к организации и проведению диверсионных работ (территориальные инспекторы). Согласно М. Старчевскому, уже в 1935–1936 годах они приступили к созданию территориальных звеньев специальной диверсии, иницирующих создание групп самообороны, ответственных в случае войны за парализацию железнодорожных коммуникаций, уничтожение военных складов и т.д. В 1938 году для создававшихся структур диверсии было введено единое название – «Секретная конспиративная организация».

В 1938–1939 годах диверсионная деятельность на территории Заолзю и Закарпатской Руси носила чисто военный характер. Уже в 1935 году на территории чешской Чешинской Силезии отделение № 2 создало диверсионную организацию под названием «Сила», подбирая ее членов среди местной рабочей молодежи. Они провели более десяти боевых акций. Только обострявшаяся международная ситуация в 1938 году вызвала активизацию диверсионной деятельности II Отдела в Чехословакии. В апреле 1938 года начальник Главного штаба ВП генерал В. Стахевич отдал приказ о создании на Заолзю диверсионно-боевой организации. Командиром по подготовке всей операции стал подполковник Зых. С одной стороны, в Польше проводилось обучение на краткосрочных курсах членов заолзьянской диверсионной организации, а с другой – под руководством майора Ф. Анкерштейна готовились на своей территории кадры (лица, подобранные из отделения № 2) для 2 диверсионных взводов. Они стали основой созданного в сентябре 1938 года Заолзьянского легиона. Диверсионная деятельность на Заолзю продолжалась с 23 сентября до 2 октября 1938 года. За это время было проведено 25 боевых акций.

На втором этапе II Отдел охватил диверсионной деятельностью территорию Закарпатской Руси во время борьбы за общую польско-венгерскую границу. Уже 7 октября 1938 года был отдан приказ о начале подготовки к диверсионной деятельности в Закарпатской Руси. 75 членов диверсионной организации с Заолзю прибыли в лагерь в Розлуче, где они прошли

интенсивное военное обучение. Диверсионная деятельность началась 22 сентября 1938 года (под руководством майора Анкерштейна). До 12 ноября было проведено 24 боевых акции. После достигнутого соглашения с венгерскими властями польская сторона все-таки приняла решение интенсифицировать диверсионную деятельность. Во Львове был создан Комитет борьбы, который занялся призывом добровольцев в диверсионно-боевые формирования. В сжатые сроки из 600 добровольцев было сформировано 9 рот. Диверсионная деятельность II Отдела на территории Закарпатской Руси закончилась в марте 1939 года.

ж) Радиоразведка

Эта сфера деятельности не пользовалась интересом в традиционно понимаемых разведывательных службах. Только со временем разведчики уяснили, что благодаря ей можно получать разведывательную информацию, которую невозможно добыть даже с помощью самых лучших агентов. Кроме того, радиоразведывательные службы могли эффективно использоваться в контрразведывательной работе. В конце концов, самым существенным являлось то, что при небольших финансовых расходах можно было получить огромную пользу.

В структуре польской военной разведки сначала существовал радиоразведывательный реферат. В 1932 году он был преобразован в Бюро шифров под руководством майора Ф. Покорного, а затем майора Г. Лангнера. Это подразделение занималось следующими вопросами:

- организацией радиосвязи собственных разведывательных звеньев;
- наблюдением и прослушиванием немецких и советских радиостанций;
- «взломом» иностранных шифров и прочтением содержания принятых сообщений;
- подготовкой собственных шифров;
- радиоконтрразведкой.

Самых больших успехов добились польские криптологи, которые расшифровывали немецкие военные сообщения, передаваемые по радиосвязи. В конце 1920-х годов II Отдел организовал в Познани курсы для криптологов.

В публикациях на эту тему существуют расхождения. М. Ревский утверждает, что курсы в Познани организовал Ф. Покорный. В то же время Е. Капера в статье «Исторические исследования» (1990 год) говорит о том, что 15 января 1929 года руководителем реферата стал майор Г. Лангнер, который дол-

жен был осуществлять надзор за курсами в Познани. Однако автор статьи не сообщает источников, из которых он черпал информацию на эту тему. М. Реевский также сообщил ошибочные данные, т.к. в 1929 году еще не существовало Бюро шифров II Отдела.

Тогдашний руководитель радиоразведывательного реферата майор Ф. Покорный вместе с коллективом сотрудников, будучи не в состоянии конкурировать с Германией на поле криптологии, решился на усиление интеллектуального потенциала реферата посредством привлечения на работу молодых способных математиков из академической среды. В этих целях майор Покорный встретился с профессором З. Крыговским из Познаньского университета. Тогда было принято решение провести в университете курс по шифрам для подобранных научных сотрудников-математиков. Из числа его слушателей сформировалась группа криптологов, услугами которых пользовалась разведка. Сначала в этой группе оказались: Хенрик Зыгальский, Ежи Ружицкий и профессор Здислав Крыговский, руководитель Математического института Познаньского университета, выступавший как лицо, координировавшее сотрудничество. Позднее к работе группы активно подключился Марьян Реевский. В течение нескольких лет они работали в Познаньском филиале реферата. Только руководитель созданного в 1932 году Бюро шифров майор Гвидон Лангнер решился на более эффективное использование способностей и талантов познаньских криптологов. Все они переехали в Варшаву, где им создали по мере возможностей соответствующие условия для работы. Майор Г. Лангнер поставил перед группой М. Реевского задачу по раскрытию немецкого машинного шифра. До этого над ним безуспешно работали майор Максимилиан Ченжкий, многолетний руководитель реферата 85-4 (радиоразведка и немецкие шифры) и Антони Паллютх.

Благодаря знаниям, интеллекту и выдержке группе польских криптологов из Познани за несколько лет перед войной удалось раскрыть немецкий способ шифровки военных телеграмм, опиравшийся на метод машинного шифра с помощью использования шифровальной машины «Энигма». При этом оказалось, что немцы использовали этот способ шифрования в разных военных соединениях и учреждениях. Это открывало огромные возможности для получения очень ценной в разведывательном плане информации в следующих областях: немецкая радиосвязь, организация войск и флота, военные учения и маневры.

Кроме того, во время аннексии Австрии в марте 1938 года благодаря польским криптологам удалось получить информационный материал, касающийся вооружения и военной промышленности III Рейха.

Основной задачей в криптологической работе являлось не только прочтение очередных немецких зашифрованных телеграмм, но, прежде всего, создание скоростной системы механизированного раскрытия немецких военных шифров таким образом, чтобы польские службы были в состоянии использовать содержащуюся в них информацию. В этих целях польские криптологи спроектировали, а фирма «AVA» сделала машину, представлявшую собой агрегат из 6 машин «Энигма». В ней использовался метод «bomby»* Зыгальского – механического установления ключей шифра. Благодаря этой методике вводимые немецкой стороной частые изменения в способ пользования машинным шифром своевременно раскрывались (операция «Вихрь»). Подобное значение имело использование метода «plachty»** при установлении шифровальных ключей.

Результаты работы Бюро шифров II Отдела в 1930-х годах на немецком направлении превзошли все ожидания руководства польской разведки. Даже Л. Садовский, критически оценивая работу II Отдела, вынужден был признать: «Криптологическая работа в области немецких шифров в целом была поставлена на высоком уровне и, как мне кажется, выше, чем это обстояло в соответствующих подразделениях французского или английского штабов». Поэтому было принято решение построить современно оборудованный центр радиоразведки в Пырах около Варшавы, в который Бюро шифров переехало в 1937 году.

II Отдел постоянно сотрудничал с французскими специальными службами в области разведывательных шифров. Благодаря переданным в 1932 году капитаном Г. Берtrandом из Service de Renseignements*** документам польским криптологам удалось интенсифицировать работу над «Энигмой». В течение почти семи лет польская разведка регулярно передавала французам и в меньшей мере англичанам прочтенные работниками польского Бюро шифров немецкие телеграммы и военные сообщения. В то же время польская сторона не решалась на раскрытие союзническим разведывательным службам методов и способов прочтения немецких шифров. Только в 1939 году изменилась позиция руководства II Отдела. Ухуд-

* Бомба.

** Полотнище.

*** Служба информации.

шающиеся польско-немецкие отношения и ограниченные финансовые и технические возможности склонили II Отдел к тому, чтобы раскрыть секреты «Энигмы». Весной 1939 года в резиденции польской радиоразведки в Пырах произошла встреча представителей криптологических служб польской (Л. Лангнер), французской (Г. Берtrand) и английской (Кнокс) разведок. Тогда гости были ознакомлены с конструкцией «Энигмы» и методами механического установления шифровальных ключей («bomby» и «plachty»). Подобный большой успех в области радиоразведки был достигнут и в отношении России. Радиоразведке удалось без особых трудностей «взломать» простые системы советских шифров, даже шифры со скремблером (использовавшиеся в НКВД).

В своих публикациях Л. Садовский отмечает, что в ходе маневров и учений советских войск ежедневно прочитывалось около 300 телеграмм. Ситуация ухудшилась в 1937 году, когда русские ограничили до минимума радиообщение между воинскими частями открытым текстом. Кроме того, введение четырехцифровых кодовых обозначений для каждой воинской части сделало невозможным раскрытие организации советских войск.

Борьба с иностранными специальными службами в сфере «взламывания» шифров была возможна в условиях наличия соответствующей сети радиостанций, настроенных на перехват информации. II Отдел располагал 7 постоянными подслушивающими радиостанциями, из которых 3 были настроены на Запад, а 4 – на Восток. Полученный информационный материал в ходе перехвата передавался в Бюро шифров II Отдела по телеграфу или курьерской почтой.

Еще одной сферой деятельности Бюро была активная работа радиоконтрразведки. С помощью подвижных групп с подслушивающими устройствами принимались меры по обнаружению нелегальных и шпионских радиостанций, действующих на территории страны. В 1935–1939 годах были созданы 4 такие группы. Чаще всего они использовались для обеспечения военных учений. Наряду с этим проводилась их подготовка на случай войны. Планировалось создать специальные подразделения по радиоперехвату при всех самостоятельных информационных рефератах КОК. Однако начало войны не дало возможности реализовать это мероприятие.

Криптологи из Бюро шифров II Отдела получили также задание разработать шифры для потребности собственных военных учреждений. Целью их усилий являлось создание шифровальной системы, нераскрываемой для радиоразведывательных

служб противника. Используя немецкий опыт, Бюро шифров старалось разработать механический шифр, опирающийся на действия шифровальной машины. Для этого с помощью сотрудничества Бюро с радиотехническим заводом AVA было изготовлено 125 таких машин.

На Бюро шифров II Отдела также лежала ответственность за организацию радиосвязи Центра военной разведки с территориальными подразделениями в стране и резидентурами за границей. Следует обратить внимание на то, что «связь» в разведывательной работе имела огромное значение. Получение интересующей информации от агента еще не является полным успехом. Только безопасная и быстрая ее передача резиденту или Центру может свидетельствовать об эффективности разведывательных служб. Непосредственная радиосвязь с резидентурами за границей стала организовываться в 1937 году сначала с восточными (Минск, Киев, Тегеран, Кабул) и южными (Прага, Братислава и Моравская Острова) филиалами. В то же время западные резидентуры не располагали радиосвязью. Только в некоторых случаях резиденты пользовались возможностями станций, установленных в консульствах и посольствах (Берлин, Париж, Гаага, Берн, Стокгольм, Будапешт). Поэтому польская разведка также вынуждена была пользоваться телеграфной или почтовой связью, что было связано с большими трудностями и опасностью нарушения конспирации.

Глава V

Разведывательные союзы II Отдела Генерального штаба ВП

Направление сотрудничества польской военной разведки со специальными службами иных государств зависело от принципов польской политики. Разделение стран на союзников и врагов польского государства в межвоенный период отражалось на характере деятельности II Отдела Генерального штаба ВП на международной арене. Польская разведка стремилась создать основу для постоянного сотрудничества с Румынией, Францией и прибалтийскими странами. В то же время советская Россия, Германия и Литва являлись предметом активной заинтересованности II Отдела. Наряду с этим польская разведка устанавливала контакты с достаточно экзотическими партнерами, такими как Япония, Соединенные Штаты. Исследования международного разведывательного сотрудничества

открывают неизвестные и удивительные страницы из истории отдельных военно-политических союзов II РП.

Наиболее развитое взаимодействие имело место между разведывательными органами Румынии и Польши. «Ситуация обеих стран в период установления политических отношений имела вместе со значительным сходством также существенное различие. Румыния, тяжело затронутая войной и недавно понесенным поражением (в мае 1918 года), оказалась среди государств-победителей, но чувствовала себя не слишком уверенно в их кругу. Значительное расширение территории создало горячие пункты в отношениях с соседями. Прежде всего, они были с Венгрией о Трансильвании и с советской Россией о Бессарабии, и, кроме этого, возникали трудности с интеграцией новых провинций с остальной частью страны». Поэтому поиск соглашения между Польшей и Румынией стал естественным явлением. 3 марта 1921 года, несмотря на большие трудности, были заключены политический договор и секретная военная конвенция. При этом не подвергалось сомнению то, что оба документа имели антисоветский характер. Следует согласиться с мнением А. Скиньюского: «Польского союза с Румынией нельзя было заменить никаким другим... Она же (Румыния. – *Прим. А.М.*), отвергнутая Польшей или разочарованная в ней, попадет в руки Германии. Этот момент еще не просматривается в непосредственном будущем, но подготовку к нему, формирование дружественных элементов, создание конъюнктуры уже можно оценить». Точно так же не совсем понятно складывались отношения Румынии с советской Россией – они переходили от состояния напряженности к периоду возможного заключения соглашений и компромиссов.

В этих достаточно специфических условиях польская разведка была вынуждена поддерживать союзнические контакты с румынской разведкой. С самого начала польская сторона стремилась к созданию тесного сотрудничества в сфере обмена разведывательной информацией, особенно касающейся советской России. Еще в ходе польско-советской войны, а значит задолго до заключения союзнического договора, ВК ВП удалось создать с согласия румынского Генерального штаба постоянное разведывательное представительство на территории Бессарабии. Польская разведка имела тогда большие трудности с «оперативным охватом» южной части России. Поэтому резидентура в Румынии являлась ценным источником информации, например о Харьковском военном округе. Кроме того, существование постоянной резидентуры на территории Румынии в течение почти всего межвоенного периода было одним

из немногих конкретных полезных мероприятий, вытекающих из польско-румынского сотрудничества. Постоянным представителем польских специальных служб в Бухаресте являлся военный атташе в посольстве РП. В его обязанности входило руководство работой польских разведывательных резидентур, поддержание постоянного контакта с румынской военной разведкой и представление польских интересов на этой территории. В 1922 году была приостановлена деятельность польской резидентуры в Кишиневе, а ее руководитель Лехвицкий-Чехович вместе со всем персоналом отбыл в Польшу. Только для поддержания сотрудничества с агентами, действовавшими на территории советской Украины, в Кишинев прибыл офицер II Отдела Е. Петровский.

В начале 1923 года руководитель Разведывательного отдела подполковник В. Щежиньский обратился к польскому военному атташе в Бухаресте капитану Велогловскому с предложением открыть разведывательную резидентуру в Бессарабии, которая действовала бы не только в советском направлении. По этой причине в 1923 году произошел первый контакт представителей военных разведок обоих союзнических государств. В Бухарест прибыл руководитель Разведывательного отдела подполковник В. Щежиньский. Тогда несколько офицеров польской разведки были определены для работы во II Отделе румынского Генерального штаба. Возникновение определенной невыгодной для Польши дипломатической конфигурации в этом регионе Европы вынудило руководителя Разведывательного отдела к активным действиям. Большое беспокойство вызвало предположение Учетного отдела II Отдела о том, что Румыния выходит из-под польского контроля. Поэтому также было предложено направить в Румынию сотрудника разведки в качестве представителя торговой фирмы, чтобы затруднить раскрытие его настоящей роли даже румынской контрразведкой. Однако результатов активной деятельности польских военных кругов долго ждать не стали. Новый министр иностранных дел Р. Дмовский попытался связать изолированные союзы с Румынией и Францией в одну систему военно-политического союза. В апреле 1924 года в Варшаву должен был прибыть полковник Флореску, руководитель Оперативно-разведывательного отдела румынского Генерального штаба. 19 февраля он подписал протокол соглашения, касающийся разведывательного сотрудничества, в котором предусматривались создание совместной агентурной сети в России, подготовка плана совместной разведывательной работы в ходе войны и усиление взаимодействия между II Отделом румынс-

кой 8-й пехотной дивизии в Черновцах и отделением № 5 II Отдела во Львове. Дипломатическая инициатива не принесла ожидаемых результатов.

В то же время на разведывательной ниве удалось добиться серьезного прогресса в создании прочного фундамента сотрудничества. Всю тяжесть трудных переговоров с Румынией взяли на себя майор В. Енджеевич, руководитель Учетного отдела, и майор В. Моравский, новый военный атташе в Румынии. С румынской стороны в них принимали участие подполковник Саратеску, руководитель российского реферата, и майор Николади, руководитель информационной секции. В ходе переговоров польская сторона уяснила, что организационная и профессиональная работа румынской военной разведки находится на достаточно низком уровне. Ситуация складывалась таким образом, что Румыния не проводила изучение российской территории и не намеревалась проявлять активность в этом направлении, а весь груз оперативной работы оставляла польской стороне. Кроме того, они располагали очень скромным бюджетом, и только благодаря искусству майора В. Енджеевича удалось подписать достаточно выгодное соглашение. В сентябре этого же года в Бухаресте прошла польско-румынская конференция по вопросам борьбы с коммунистическим движением. В ходе этой конференции было заключено очередное соглашение между польской политической полицией и румынской службой безопасности «Сигуранца». В следующем году (1925) прошли еще две очередные конференции представителей разведывательных служб обоих государств, на которых, прежде всего, обсуждалась российская тематика и поднимались вопросы о формах совместных действий. В соответствии с предложениями майора В. Моравского, Румыния согласилась на создание польской резидентуры в Cetatea-Alba (Акермане) на территории Бессарабии. Наряду с этим была признана необходимость развития территориального сотрудничества между 8-й ПД в Черновцах и отделением № 5 во Львове.

В 1927 году прошла очередная совместная конференция, на которой полковник Радулеску предложил польской стороне создать и оснастить оборудованием радиогониометрическую станцию в Констанце. Польская разведка попыталась тогда установить политические, торговые и военные контакты через румынские власти с советской Россией, а в 1930-х годах – с Германией, т.е. с государствами, представлявшими потенциальную угрозу для безопасности Польши. В сентябре 1926 года руководитель резидентуры в Кишиневе информировал, что в

августе того же года руководитель румынской политической полиции Христеску и несколько важных чинов МИД переправились инкогнито через Днестр, направляясь в Одессу, где провели встречу в здании ГПУ с представителями центральных властей России. Передаваемые польской стороне румынской разведкой малозначительные информационные сообщения о России вызывали большое неудовольствие начальника Генерального штаба. «Для нас было бы невыгодно передавать ценные материалы румынскому штабу, потому что содержание сообщений отходило бы от условия, установленного на конференции, и могло бы использоваться румынским штабом в нежелательном для нас направлении. С другой стороны, наши информации для румынского штаба стали бы единственным источником разведывательной работы. Для сотрудничества штабов будет совершенно достаточным выполнение требований, установленных на конференциях. Мы сейчас склоняемся только к тому, чтобы пояснения румынскому штабу передавались в зависимости от того, как он поставит нам конкретные вопросы по важнейшим и новым фактам в военной области в России».

В начале 1930-х годов во внешней политике Румынии начали доминировать взгляды и концепции министра Титулеску. Он считал, что слабая Румыния должна поддерживать свою безопасность за счет союзов с мощными державами, а не с теми странами, которые являются почти равноценными, как, например, Польша. Поэтому Румыния также старалась установить отношения с советской Россией и искать соглашения с нарождающейся европейской мощью – гитлеровской Германией. Это оказало влияние на союзнические польско-румынские контакты. В ноябре 1936 года руководитель II Отдела полковник Т. Пелчинский определил «Принципы и методы польско-румынского информационного сотрудничества на будущее». Они отходили от атмосферы взаимодействия первой половины 1920-х годов. Еще в феврале 1939 года руководитель II Отдела предлагал Румынии обмен материалами, касающимися Вооруженных сил России.

Польско-румынское сотрудничество разведывательных служб в межвоенный период носило своеобразный характер. С одной стороны, представители специальных служб обеих стран часто проводили совместные встречи, а с другой – постоянно возникали трудности в достижении взаимного согласия и нередко отсутствовали положительные результаты в сотрудничестве. Можно подозревать, что обе стороны воспринимали сотрудничество инструментально. Поляки хотели охватить тер-

риторию Румынии так, чтобы было возможно наиболее результативно организовать разведывательные операции на юге России и на Балканах. В то же время слабая по всем направлениям румынская разведка старалась использовать польский организационный опыт и информационный потенциал, касавшийся России.

Основное значение для внешней безопасности Польши в межвоенное время имел союз с Францией, считавшейся главным гарантом решений Версальского договора. Руководящие круги II РП придавали всегда большое значение отношениям с Францией. В начале 1920-х годов разведывательные службы обоих государств тесно не сотрудничали между собой. Наоборот, обе разведки неоднократно сходились в обоюдном соперничестве. В ноябре 1921 года появилось дело Анджея Порембского. Офицеры французской миссии капитан Юнев-Сарнецкий и капитан Дарош старались «перевербовать» агента польской разведки А. Порембского в целях разработки II Отдела Генерального штаба ВП. Наряду с этим в Верхней Силезии в ходе деятельности Межсоюзнической комиссии дело дошло до конфликтов между специальными службами обоих государств. Французы начали тогда мощное разведывательное наступление на территории Восточной Европы, и прежде всего в советской России. Главной целью этих мероприятий было восстановление своего влияния времен Первой мировой войны на этой территории. Только в 1925 году начались переговоры о заключении специального договора между военными разведками Франции и Польши. Для этого в Париж прибыл полковник Л. Бочяньский, который вместе с военным атташе, полковником Клеебергом проводил трудные переговоры с полковником Ланеем, руководителем Bureau deuxième*. В ходе этих переговоров оказалось, что французы никак не могли согласиться на создание польской разведывательной резидентуры на территории Франции в качестве компенсации за деятельность французской Военной миссии в Польше. Обе стороны рассматривали этот пункт переговоров достаточно принципиально. Полковник Леней объяснял: «Польским военным властям легче будет разместить французские разведывательные резидентуры в Польше, чем польские во Франции, потому что они располагают большими правами в стране – в конце концов, если польский Генеральный штаб будет настаивать, то он может своих офицеров отозвать». В то же время Е. Клееберг попытался сделать предложение генералу Бино о раз-

* Второе бюро – разведывательная служба Франции.

мещении резидентуры на оккупационной территории на Рейне, что вызвало однозначный протест генерала, т.к. это могло привести к серьезным международным осложнениям. Окончательное подписание договора произошло в 1926 году. В нем были следующие пункты:

«1. В соответствии с географическими условиями и связанными с этим более лучшими возможностями работы французский и польский генеральные штабы разделяют в разведывательном плане территорию Германии на западную и восточную части. При этом французская разведка будет стремиться к охвату первой линии западной территории, а польская разведка – к охвату восточной территории.

2. Линия разграничения обеих территорий в разведывательной работе пролегает через Щецин-Берлин-Лейпциг.

3. Берлин как резиденция центральных немецких властей должен разрабатываться французской и польской разведками вне зависимости друг от друга.

4. В связи с географическим положением большую часть разведывательной работы в отношении СССР принимает на себя польская разведка.

5. Информация угрожающего характера относительно Германии, России и Литвы должна передаваться в самом срочном порядке.

6. Встречи представителей Вторых отделов польского и французского штабов должны проходить каждые шесть месяцев, чтобы можно было сравнить полученную информацию и прийти к общей точке зрения о военной ситуации в Германии и России».

Результатом заключенного договора стала ликвидация французской Военной миссии в Польше в 1927 году, а также создание в Белграде пункта обмена военной информацией между обеими странами на случай войны. Охлаждение отношений пришлось на момент приезда в Варшаву в январе 1932 года нового руководителя II Отдела французского Генерального штаба. Это было второе изменение во внешней политике Юзефа Пилсудского. Свое недоверие к правдивости намерений французской политики он перенес на руководство польской армии, в том числе и на руководство военной разведки (новый руководитель полковник Теодор Фигральский).

Нельзя согласиться с мнением Е. Чяловича, который, цитируя книгу Г. Гастелляна, считает, что французская разведка стала самодостаточной, владея очень точными данными о немецком вооружении. Польская разведка неоднократно удивляла своего союзника подробным и полным анализом военного потенциала немецкой армии. Об этом свидетельствует

справка, подготовленная шефом II Отдела полковником Т. Фигральском, о беседе с генералом д'Арбенау от 24 октября 1933 года: «Однако я позволяю себе сомневаться в том, что Кольтц будет иметь то, что нам надо. Если тот дополнит наши сведения о вооружении Германии таким образом, как он представил эти сведения Рузтархольцу, то мы не будем знать слишком много».

Только в 1935 году наступило оживление сотрудничества, основывавшегося на частых личных контактах руководства военных разведок Франции и Польши. В мае 1935 года в Париж прибыла польская делегация во главе с полковником Энгличтом. Вместе с ним приехали подполковник С. Майер и майор А. Собочинский. В то же время в ноябре 1935 года в Польшу приехала делегация французского II Отдела с его руководителем полковником М. Гоше. Французские гости наряду со встречами в Центре посетили отделения в Быдгоще и Кракове, которые занимались проведением неглубокой разведки на территории Германии. Большое значение имели визиты нового руководителя II Отдела Главного штаба полковника Тадеуша Пелчынського в 1936–1937 годах во Францию. Его беседы с подполковником М. Гоше не касались разведывательной работы и носили политический характер. Это являлось доказательством растущей роли армии в политической жизни II РП. Полковник Пелчынський, представляя мнение об общей военно-политической ситуации в Европе, указал на советскую Россию как на главную угрозу для мира и стабилизации на континенте, прежде всего, для Польши: «Российская опасность является наиболее грозной и устойчивой. Россия воспользуется первым представившимся случаем, чтобы вторгнуться в Польшу и остаться в ней; Красная Армия стала грозным инструментом, постоянно повышающим свою военную мощь. Красное командование беспрестанно концентрирует на нашей границе от 10 до 15 дивизий. Чего хочет Россия, так это исчезновения польского государства; красные, может быть, оставили бы название Польша и наш язык, но с духовной точки зрения мы были бы полностью поглощены». Одновременно полковник Т. Пелчынський не верил «в возможность немецко-советского сближения в данный момент с учетом того, что Гитлер упорно этому сопротивляется. Указанные события могли бы быть очень опасными, т.к. первым актом секретного немецко-советского соглашения стал бы новый раздел Польши».

Обмен мнениями показал серьезные расхождения в позициях обоих союзников. Крайняя враждебность в отношении советской России, неприязнь к Чехословакии, симпатия к Венг-

рии и попытки установить разведывательное сотрудничество с Японией вызывали беспокойство у французских правящих кругов. Следует обратить внимание на то, что руководителя польской военной разведки французы воспринимали как политика, представлявшего наиболее компетентные правящие круги: «Полковник является важной личностью польского Главного штаба. Он был верным сподвижником маршала Пилсудского, а в настоящее время связал себя с судьбой маршала Е. Рыдза-Шмиглы. В существующем устройстве Польши, где с общественным мнением не считаются, высказывания этого офицера, естественно, имеют значение; они являются намного большим, чем личное мнение, это, по крайней мере, отражение взглядов, бытующих в польском Главном штабе».

С обострением международной ситуации в Европе сотрудничество обеих разведок развивалось более активно. Представители военной разведки принимали участие во всех политических и военных переговорах, проводимых правительством Франции и Польши в период, предшествовавший началу Второй мировой войны.

Особый характер носило сотрудничество с прибалтийскими странами (Эстонией, Латвией и Финляндией). Геополитическое положение государств на Балтике, сложившееся после Первой мировой войны, имело огромное значение для безопасности Польши. Подпадание этих государств под влияние России могло стать непосредственной угрозой для независимости II РП. Поэтому уже в ходе польско-советской войны, в 1919 году, были направлены с секретной миссией в Латвию капитан А. Мышковский, руководитель секции «Восток» II Отдела ВК ВП, и подпоручик Т. Вардейна-Загурский. Задачей капитана А. Мышковского было не только разведывательное изучение этой территории, но, прежде всего, реализация политических целей, заключающихся в осуществлении договоренностей с латвийским правительством. В это же время в Латвию прибыл Александр Люте-Бирк, посланник капитана В. Славка, руководителя II Отдела Литовско-Белорусского фронта. В Эстонию направили ротмистра Ст. Пруса-Богуславского, офицера связи ВК ВП. В результате этих действий в 1919–1920 годах польская разведка заключила соответствующие договоры с военными властями отдельных стран. В период формирования концепции Балтийского союза большую роль в переговорах сыграли представители II Отдела. В октябре 1920 года в Латвию прибыл майор И. Матушевский, руководитель II Отдела, для организации разведки против России, но его деятельность выходила за пределы разведыва-

тельной темы. Он принимал активное участие в беседах о военной конвенции и затруднении советской дипломатической деятельности на этой территории. После потерпевшей фиаско идеи о создании Балтийского союза в 1925 году польская дипломатия перестала рассчитывать на союзный договор с балтийскими странами. Теперь она, скорее, предпочитала видеть эти государства в качестве нейтральных и дружественных, чем втянутых в военное сотрудничество. В то же время все больше возрастала активность польской разведки на этой территории. Она была вынуждена конкурировать с советским и немецким влиянием (прежде всего в Финляндии). В январе 1925 года в Хельсинках прошла конференция представителей специальных служб Польши, Финляндии, Эстонии и Латвии по вопросам форм и методов борьбы с коммунистическим влиянием.

В последующие годы II Отдел Генерального штаба постоянно проводил консультации с органами военной разведки вышеназванных государств. Главные усилия были сосредоточены на содержании разведывательных резидентур, действовавших в этих странах. Наиболее сложно складывалось сотрудничество с финнами, т.к. в финском Генеральном штабе возрастало немецкое влияние. Несмотря на это в 1930 году капитан М. Ходацкий, военный атташе в Гелсингфорсе, подготовил проект польско-финского разведывательного сотрудничества. Он предусматривал проведение 2 конференций в течение года с участием офицеров обеих сторон. Основное сотрудничество должно было касаться, прежде всего, советской России. Капитан Ходацкий обращал внимание на повышение эффективности обмена информацией: «Исходя из положения, основанного на многолетнем опыте, следует, что обмен так называемыми “сырыми” информационными материалами о СССР дает только половинчатый и неудовлетворяющий потребности результат, стороны констатируют необходимость проведения ревизии применяемых до сих пор методов сотрудничества».

Согласно литературе, касающейся истории внешней политики II РП, развитие польско-венгерского сотрудничества началось в 1933 году. М. Кожминьский считал, что в 1920–1933 годах имел место полный застой во взаимных контактах. В действительности же в 1920–1922 годах можно отметить несколько интересных инициатив по взаимодействию разведывательных служб обоих государств. Особенно в период польско-советской войны активно развивался обмен информацией в отношении России. Отделение II Отдела ВК ВП в Кракове совместно с отделением венгерской разведки в Мишколь-

це проводило разведку на чешской и советской территории. Улучшение польско-чешских отношений в 1921 году вызвало приостановление на небольшой срок сотрудничества. В целях его возобновления в марте 1922 года в Венгрию со специальной миссией был направлен поручик Альфред Биркенмауер, работник отделения № 4 II Отдела в Кракове. Он в беседе с руководителем венгерской разведки подполковником Стояковатсенем неофициально предложил от имени начальника Генерального штаба ВП установление широко понимаемого разведывательного сотрудничества, и особенно в советском направлении. Ответ венгров был следующим: «Венгерский Генеральный штаб принимает к сведению предложения со стороны польского Генерального штаба в части, касающейся взаимного сотрудничества на информационном поле, и заявляет со своей стороны, что принципиально готов приступить к обсуждению взаимных условий путем направления специального посланника в Варшаву».

Несмотря на это заявление, результаты бесед не вселяли оптимизма польскому посланнику, так как венгерский Генеральный штаб, в том числе и разведывательная служба, полностью находился под давлением германофильских кругов, что не обещало хорошего будущего для сотрудничества.

Вызывают интерес контакты разведывательных служб Польши и Чехословакии. С момента возникновения обоих государств в 1918 году дело постоянно доходило до конфликтов между ними. Кроме неразрешившегося территориального спора, правящие круги обеих стран имели различный взгляд на международные отношения в Европе. Несмотря на это разведка II Республики время от времени устанавливала сотрудничество с чешскими специальными службами. Удивительным является тот факт, что самая активная фаза взаимодействия пришлась на время ухудшения дипломатических отношений, а происходило это в период правления лагеря пилсудчиков, после майского переворота. Сотрудничество было начато в 1927 году и касалось, прежде всего, немецкой проблематики и в меньшей степени российской и украинской. В это же время польский II Отдел Генерального штаба ВП организовал в Праге с разрешения хозяев разведывательную резидентуру, задачей которой являлось поддержание постоянного контакта с чешским Генеральным штабом.

Уже в октябре 1927 года прошла первая конференция на уровне отделов, участники которой обменялись информацией о Германии. Польскую сторону представляли: майор А. Студенцкий, руководитель Разведывательного отдела, и майор К. Глабиш.

Чешскую сторону – полковник В. Халупа, руководитель II Отдела, и подполковник М. Соукуп, руководитель Разведывательного отдела. В ходе переговоров оказалось, что обе разведывательные службы располагают хорошо изученными данными об экономических и военных возможностях Германии, и поэтому дальнейшее сотрудничество могло бы принести взаимную выгоду. На этой конференции было установлено, что вопросы взаимодействия будут решаться в безотлагательном порядке. В 1925–1931 годах прошли 3 конференции по учету и анализу. Особое значение имела встреча в июле 1931 года в Варшаве, на которой впервые встретились руководитель польского II Отдела подполковник Т. Пелчыньский с полковником М. Соукупем, руководителем чешского Разведывательного отдела. Тогда началось польско-чехословацкое сближение на разведывательной основе.

Отношения между разведками складывались прекрасно, особенно в 1932–1933 годах, когда ответственным в чешском Генеральном штабе за проведение разведки являлся генерал Прхала – сторонник союза с Польшей. Тогда был заключен (3 февраля 1933 года) секретный польско-чехословацкий договор, касавшийся организации сотрудничества в сфере радиоразведки и курьерской деятельности.

В 1934 году отношения между разведками начали ухудшаться, полковник Е. Энглихт отставил свой визит в Чехословакию. В то же время в 1936 году чехи потребовали ликвидации польской разведывательной резидентуры в Праге и пересмотра принципов заключенного ранее договора о сотрудничестве. Л. Гондек в одной из своих работ утверждает, что чешская сторона под влиянием тогдашней политической эволюции своего правительства вынуждена была прервать разведывательное сотрудничество с польским II Отделом, даже не сохраняя его в части, касающейся немецкой проблематики. В действительности же Чехословакия начала подпадать под советское влияние и идеи Сталина. Поэтому полковник Драгач и полковник Моравец не видели смысла дальнейшего антисоветского сотрудничества с польской разведкой. В то же время в ответ на польское «Pro memoria»* от 20 января 1936 года чешская разведка по-прежнему высказывала намерение взаимодействовать на немецком фронте. Реакция полковника Т. Пелчыньского была очень резкой: «Мы рассматриваем заявление полковника Моравца и полковника Драгача как отказ от коллаборационизма на разведывательном направлении... Полная ответственность

* «Памятные записки».

за прерывание ранее заключенного договора о разведывательном сотрудничестве падает на чешскую сторону».

На переломе 1937–1938 годов чешский Генеральный штаб снова вышел с предложением восстановить сотрудничество военных специальных служб. Можно предположить, что за этим предложением стояло желание начать серьезные политические переговоры. В этом направлении чешские военные атташе в Москве (полковник Дастих) и Бухаресте (полковник Т. Буда) провели зондажные беседы с представителями польской разведки. В обоих случаях резиденты польской разведки (подполковник Т. Закжевский и майор Малечиньский) отнеслись положительно к представленным предложениям. Однако руководитель II Отдела полковник Пелчыньский, так же как в 1936 году, приказал прервать переговоры с Чехословакией. Только в марте 1939 года, когда Германия захватила Чехию и Моравию, II Отдел заинтересовала чехословацкая проблематика. Во второй половине марта 1939 года в Польшу прибыл майор Бартик, руководитель контрразведки чешского Генерального штаба, который впоследствии эвакуировался в Англию. Он представил много предложений антинемецкого разведывательного сотрудничества. Однако быстро меняющаяся международная обстановка складывалась таким образом, что развить это сотрудничество не удалось.

Л. Гондек в одной из своих монографий упомянул о польско-английском разведывательном сотрудничестве на немецкой территории, которое началось в 1939 году. После визита в Варшаву генерала Клейтона подполковник Шелли, советник английского посольства, а в действительности работник Интеллидженс сервис, выступил с инициативой о сотрудничестве как в информационной области, так и радиоразведывательной. Весной 1939 года в радиоразведывательном центре II Отдела, в Пырском лесу, прошла встреча английских и польских специалистов. Контакты же, касавшиеся изучения территории советской России, были установлены намного раньше и успешно развивались на этом направлении. В этой сфере польская разведка являлась равноправным партнером. Доказательством этого являлась именно заинтересованность английской разведки в августе 1938 года возможностями изучения немецко-советского сближения. В то же время четыремя годами ранее, 3 августа 1934 года, в Лондоне в отеле «Гросвенор», прошла тщательно законспирированная конференция представителей II Отдела (поручик Е. Незбжицкий и Оскар Сандер) и Интеллидженс сервис (полковник Менсис, заместитель руководителя SIS, майор Шелли, руководитель центра Ближнего Востока

в Иерусалиме и майор Р.Н. Плоден). Основной целью этой конференции было оказание англичанами помощи при создании польской разведывательной резидентуры в Персии, направленной против России. Ее деятельность рассчитывалась на долгосрочный период, особенно в случае польско-советского вооруженного конфликта. Помощь английской стороны должна была заключаться в организации связи польской резидентуры с Центром, обмене разведывательной информацией, касающейся Персии, и создании прикрытия для работы руководителя этой резидентуры О. Сандера. Взамен этой услуги поручик Е. Незбжицкий обещал подробно информировать о внутренней политике и мобилизационных возможностях промышленности советской России.

После годичной деятельности резидентуры в Персии (псевдоним «Радаменес») ее руководитель не достиг никаких конкретных результатов, постоянно наталкиваясь на трудности в своей разведывательной работе. На совещании в Центре в ноябре 1935 года О. Сандер обвинил английскую разведку в постигших его неудачах. С этим мнением не согласился капитан Незбжицкий, очень хорошо знавший цену английским специальным службам: «В принципе мы установили, что наше присутствие на рассматриваемой территории является никаким, что Польша на территории Ближнего Востока производит впечатление пустого звука, что дальше, чем за Босфор, не распространяется наше экономическое, политическое и персональное влияние, что все, что находится за Босфором, является фикцией. Точно в таком же положении находятся любые дипломатические и консульские учреждения, как и любые частные начинания. Это все становится или фикцией, или авантюризмом... Только одна вещь должна быть сразу же предопределена – нам необходимо уйти от рассуждения о том, что англичане обязаны для нас что-то сделать... Англичане могут сделать для нас что-то, но они этого делать не обязаны. Если мы так сформулируем отношение англичан к нам, то тогда, разумеется, мы сможем оказать влияние на эти английские возможности».

Этот эпизод польско-английского разведывательного сотрудничества представляет прекрасный пример реакции Интеллидженс сервис на попытку энергичного присутствия иностранной разведки на территории, находящейся под английским влиянием. Польские успехи на разведывательном поле в межвоенный период заставили гегемонов в этой области – Францию и Англию – с определенным беспокойством наблюдать за очередными попытками расширения присутствия польского II Отдела на территории Дальнего Востока.

В 1925 году польский Генеральный штаб направил в Японию майора В. Енджеевича со специальной разведывательной миссией. Официально он должен был занять должность военного атташе в польском посольстве в Токио. Однако в действительности главной его целью являлось создание разведывательной сети на территории Восточной Сибири. Для этого планировалось установление тесного сотрудничества с японской военной разведкой. В течение нескольких месяцев было проведено несколько конференций с руководителем японской разведки, темой которых была выработка формулы разведывательного сотрудничества против советской России. В ходе общения с представителями японской разведки выяснилось, что японцы проводят достаточно консервативную и одностороннюю разведывательную работу на советской территории. Получение информации в основном осуществлялось от внешних источников – из военных атташатов в Берлине, Варшаве и прибалтийских государствах, а также из военных миссий в Харбине. В. Енджеевич предложил направить усилия совместных сил сначала на разведывательное изучение Восточной Сибири, а в будущем на Запад от Байкала.

Также нельзя не упомянуть о факте установления сотрудничества с датской разведкой. Ротмистр Гилевич, бывший руководитель резидентуры «Бомбей» в Щецине, установил личный контакт с руководителем датской разведки, который вскоре прибыл в Варшаву и заключил со II Отделом договор о сотрудничестве обеих разведок.

Глава VI

Роль и значение II Отдела в общественной жизни II Республики Польши

Роль и значение специальных служб в отдельных странах зависят от многих факторов. Самыми важными из них являются: форма устройства государства (степень его демократизации), а также традиции и опыт. В тех странах, где власти управляют авторитарным методом, позиция этих служб в системе власти всегда была очень высокой. Тем более, что личности, осуществляющие диктаторскую власть, вообще считают, что достижение успехов как во внутренней политике, так и во внешней зависит, прежде всего, от четкой деятельности специальных служб.

Казалось бы, в возрожденной в 1918 году Республике было напрасно искать подготовленные кадры для организации специальных служб и работы в этих органах. По очевидным причинам трудно себе представить, чтобы в польском независимом государстве планировалось использовать кадры и опыт захватнических государств. В конце концов, поляки не делали карьеры в институтах, занимавшихся разведывательной деятельностью в захватнических государствах. Но, тем не менее, в 1918 году удалось создать достаточно работоспособный военный разведывательный и контрразведывательный аппарат. С самого начала Юзеф Пилсудский и весь бельведерский лагерь стали придавать большое значение правильному развитию этого аппарата. В связи с тем, что Пилсудский в первые годы II Республики оказывал решающее влияние на государственные дела, деятельность специальных служб находилась в центре внимания высших правительственных кругов. Изучение архивных источников, писем Пилсудского и воспоминаний его ближайших сотрудников позволяет выработать свой взгляд на методы и стиль его работы. Он часто делал все самостоятельно и принимал неожиданные решения. В политической работе Пилсудский являлся сторонником применения конспиративных методов. Он считал, что сохранение определенных мероприятий в секрете и ограничение доступа к важной информации политического значения только для узкого круга сотрудников обеспечат результативность в общественной деятельности. Кроме того, Пилсудский редко делал записи и формулировал свои взгляды письменно. Несомненно, такой способ его действий исходил из опыта конспиративной работы во время российской оккупации, но, однако, со временем он стал характерным для маршала. Заслуживает внимание тот факт, что часть его сотрудников восприняла такой стиль деятельности и применяла его в разных сферах общественной жизни в межвоенный период.

После майского переворота в лагере пилсудчиков возникла так называемая группа полковников. Не вникая в их политическую программу, следует подчеркнуть, что они в политической деятельности использовали методы, в большей степени типичные для специальных служб.

Таким образом, Пилсудский и часть политического лагеря, связанного с ним, весь межвоенный период придерживались в своей деятельности методов и способов, применяемых в оперативной деятельности разведывательными и контрразведывательными службами. Пилсудский придавал большое значение результативности деятельности этих служб и их влиянию

на функционирование государства. Он старался, чтобы принятые решения основывались на сведениях, получаемых оперативным путем специальными службами.

Первая разведывательная служба появилась уже в период существования Польской военной организации. Она сформировалась как разведывательный отдел в Комендатуре ПВО, работники которого собирали информацию военного значения в тылу фронта. Он вел наблюдение за путями сообщения и главными железнодорожными линиями. В этой информационной деятельности большую роль играли женщины, выполнявшие функции курьеров. Эти задачи были возложены на разведывательную секцию Женского отдела ПВО. Ю. Пилсудский, применяя разведывательные методы и способы (негласные или называемые в профессиональной среде оперативными), старался достигать не только военные цели (получаемая информация передавалась командованию австрийской армии, а позднее немецкой), но и, прежде всего, политические. Примерами таких действий были проезд в Варшаву в 1914 году Т. Жулинского и попытка расширения влияния Пилсудского в польской среде в России в 1918 году. Во время создания Верховной комендатуры № 3 ПВО в Киеве полковник Б. Медзиньский, полковник Т. Схаetzель и майор В. Енджеевич, уже работавшие в возрожденной Республике во II Отделе Генерального штаба ВП, сыграли значительную роль в организации разведки на восточном направлении.

Однако сначала в создававшейся в 1918 году военной разведывательной службе лагерь легионеров и членов ПВО не имел большого влияния и значения. Первый руководитель Разведывательного отдела майор Мацкевич являлся выходцем из российской армии. Его ближайшие сотрудники не были легионерами – например, В. Андерс, пришедший также из российской армии, или З. Витецкий из австрийской армии. Несмотря на то что очередной руководитель военной разведки полковник Ю. Рыбак, выпускник австрийских военных школ, также не был связан в прошлом с Пилсудским, большинство должностей во II Отделе Штаба ВК ВП стали занимать люди из ближайшего окружения коменданта. Должность заместителя полковника Рыбака занял И. Матушевский, начальниками отдельных секций стали: В. Славек, А. Мышковски, Ю. Каден-Бандровский, А. Коц, В. Енджеевич и Ю. Галадык. Процесс наполнения военных специальных служб людьми Пилсудского закончился в 1920 году. Тогда руководство II Отдела Штаба ВК ВП и II Информационного департамента Министерства военных дел оказалось в распоряжении людей из бельведерского

лагеря. Самые высокие должности заняли ближайшие сотрудники Пилсудского (И. Матушевский, К. Полякевич, В. Славек, С. Бенедыкт, К. Стамировский и Б. Медзильский). Большинство из них позднее сыграло важную роль в политической и государственной жизни II РП. Низшие ступени органов военной разведки и контрразведки также занимали пилсудчики. Например, в плебисцитной секции II Отдела Министерства военных дел, проводившей специальные мероприятия на территории Верхней Силезии, работали следующие пилсудчики этой категории: Тадеуш Рушчыньский, Казимеж Кержковский, Владыслав Мальский и Франчишек Сикорский. На самом деле организация диверсионной, деструктивной и пропагандистско-политической деятельности, а также добывание информации правительству о военно-политической ситуации в Верхней Силезии находились полностью в ведении лиц, тесно связанных с бельведерским лагерем.

Подобная ситуация сложилась и на иных направлениях деятельности военных разведывательных и контрразведывательных служб (например, негласный надзор за политической активностью народов, проживавших на западных рубежах России). Это позволяло Пилсудскому иметь доступ к достоверной и актуальной информации и благодаря этому играть руководящую роль во всех регионах страны. Незадолго после возвращения из Магдебурга Юзеф Пилсудский в ходе одного из первых совещаний с ближайшими сотрудниками представил свою точку зрения о роли и значении разведывательных служб в возрожденном государстве:

«Организация окружных командований и их штабов требует создания так называемых II Отделов по образцу организации французской армии. Здесь нам нужна ваша помощь...

Подбор центральных кадров в Генеральном штабе уже завершен. Я оставляю работу по подбору кадров в линейных командованиях начальнику штаба. Но мне требуются офицеры для кадрового обеспечения II Отделов в штабах КГО. Для них не столь важны познания в области разведки и контрразведки; в то же время мне требуются люди с определенной политической грамотностью, умеющие тактично и хорошо вести себя, чтобы в рамках полной дисциплины в отношении своих командиров они смогли бы деликатно направить их в нужное русло и помочь в политической жизни. Я хочу, чтобы вы подготовили мне еще в течение сегодняшнего дня список офицеров, которые, по вашему мнению, будут пригодны для этих функций».

Эта достаточно длинная цитата красноречиво показывает, как Пилсудский понимал значение деятельности специальных

служб. Согласно с его прагматическим мышлением, они должны были выполнять обслуживающие функции и поставлять информацию политического характера, а также быть полезными в реализации внутренней политики государства. С другой стороны, практика в органах разведки и контрразведки для молодых и неопытных политиков бельведерского лагеря являлась, согласно Пилсудскому, необходимой ступенью для будущей общественной карьеры. В. Медзиньский в своих воспоминаниях утверждает: «Они все почти без исключения дошли позднее до высоких постов, не исключая министерских, а также должностей в государственной, военной или гражданской службе».

Несмотря на достаточно быстрое наполнение II Отдела Генштаба ВК ВП и его территориальных органов людьми бельведерского лагеря, не обошлось и без персональных и политических конфликтов и споров. Весной 1919 года руководителем II Отдела стал майор Кароль Болдескул, служивший в прошлом в австрийской армии. Сразу же после его прихода дело дошло до резких ссор и противоречий между ним и офицерами, пришедшими в Отдел из легионов. В. Медзиньский, тогдашний работник II Отдела и представитель одной из сторон конфликта, обрисовал существо этих недоразумений следующим образом: «Руководителем II Отдела был австрийский майор со странно звучащей фамилией (речь идет о майоре К. Болдескуле. – *Прим. А.М.*). Тот производил такое впечатление, что ничего не понимает из того, что вокруг него происходит. В то же время он вопреки обычным правилам поведения выделялся среди своих коллег из бывшей австрийской армии отсутствием элементарного умения вести себя в обществе и какими-то фельдфебельскими выходками в отношении работающих вместе с ним офицеров. Складывается впечатление, что он таким образом старался прикрыть свою полную некомпетентность в сложных вопросах, относящихся к его ведомству. К счастью, руководителем главного подразделения II Отдела Разведывательного бюро тогда являлся майор Игнаций Матушевский, который, обладая достоинствами прекрасного боевого офицера и исключительной интеллигентностью, превосходно ориентировался в политических вопросах, и в том числе в российских. Он несколькими месяцами позднее занял должность руководителя II Отдела, а майор Болдескул благополучно исчез с горизонта».

В свою очередь, противники Юзефа Пилсудского пытались дискредитировать представителей бельведерского лагеря в специальных службах. В июле 1920 года министр военных дел

генерал Е. Лещневский обвинил капитана К. Поляковича, заместителя руководителя II Отдела Министерства военных дел, в сотрудничестве с коммунистическим движением. В результате проведенного следствия с капитана К. Поляковича были сняты эти обвинения, а 8 апреля 1920 года министр Лещневский ушел в отставку под определенным давлением.

Подытоживая, следует отметить, что в 1918–1921 годах Пилсудскому удалось расставить людей из своего политического лагеря как в центральных, так и территориальных органах военной власти. Несмотря на то что первыми руководителями Генерального штаба стали офицеры бывшей австрийской армии С. Шептыцкий и Т. Розвадовский, а министрами военных дел офицеры бывшей российской армии Ю. Врочыньский и Е. Лещневский, впоследствии много должностей, и особенно политических, были заняты офицерами легионов.

Согласно данным от 1921 года, 10% всех офицеров происходили из легионеров. Однако процент легионерских офицеров, служивших в органах военной разведки и контрразведки, был намного выше. Например, в 1919 году почти все должности руководителей II отделов Командования генеральных округов занимали ставленники Пилсудского. Подобная ситуация сложилась и в Центре контрразведки – политической секции II Отдела Штаба Министерства военных дел. Согласно мнению ее работников, она выполняла своеобразные функции «подручного информационного бюро для всех пилсудчиков, которым требовались инструкции и информация, а вопрос был простым – они не могли идти за ними в Бельведер». Этот тезис также подтверждает в своих воспоминаниях Марьян Ромитко: «Аж до 1921 года, до первой военной презентации офицеров, в Министерстве военных дел будут доминировать исключительно офицеры из российской армии, а в Генеральном штабе – из австрийской. Только II Отдел уже с момента получения независимости и до сентября 1939 года всегда оставался, непосредственно или посредством, под влиянием мафии (автор воспоминаний имеет в виду лагерь легионов. – *Прим. А.М.*), и это происходило несмотря на смену руководителей». В этом утверждении присутствует много преувеличений. Однако следует согласиться с тем, что Пилсудскому удалось без особого сопротивления со стороны политических оппонентов добиться серьезного влияния в возрожденной армии и обеспечить доминирование своих сторонников в военных специальных службах.

Военная проблематика в первые годы существования II Республики (1918–1920) не нашла широкого отражения в програм-

мах партий и политических объединений. Даже главный сторонник бельведерского лагеря – эндэция* – сначала не в полной мере оценивала значение военных вопросов (влияние на политику кадрового обеспечения, организационное развитие ВП и деятельность специальных служб).

Роман Вапиньский в своей книге очень интересно характеризует отдельные общественные поколения II РП. Он выделит переломное поколение (пролог Республики в 1918 году). Из числа его представителей происходили офицерские кадры среднего уровня Войска Польского. Вапиньский причислил представителей этого поколения к кругу главных творцов дела восстановления государства и в том числе армии. Большое влияние на деятельность представителей переломного поколения в лагере легионеров имел Пилсудский. Он ожидал от них правильного выполнения его указаний и реализации намеченных им планов. Они также попадали на работу в специальные службы, где, по мнению Пилсудского, были особые возможности для оказания влияния на внутреннюю и внешнюю политику. К. Швиталский, описывая 1919–1922 годы, приводит доказательства того, что Пилсудский постоянно пользовался информацией, получаемой с помощью разведывательных методов, и одновременно старался управлять работой специальных служб. Следует также напомнить, что большинство руководящих кадров II Отдела в 1921–1925 годах закончило Высшую военную школу. В более поздний период это ежегодное обучение называлось «курсами переподготовки министров», потому что после майского переворота министерские кабинеты были заняты, прежде всего, слушателями этих курсов.

Окончание вооруженных конфликтов на рубежах Республики, общественно-политическая стабилизация и введение в жизнь правовых инструментов, определяющих устройство демократического государства (принятие конституции, парламентские и президентские выборы), привели к тому, что влияние Пилсудского на политику государства естественным образом снизилось. Однако маршал желал по-прежнему иметь контроль над армией и часто говорил: «Армия в Польше располагает специальной государственной функцией». Этой цели должен был служить Особый военный совет, председателем которого его и назначили. Заслуживает внимание то, что в компетенции бюро Совета оказались вопросы наступательной разведки (Отдел IIa). Это доказывало то, что маршал по-пре-

* «Народная демократия» – партия.

жнему намеревался оказывать влияние на деятельность специальных служб. В 1922–1926 годах «Народная демократия» предприняла энергичные акции, направленные к ограничению влияния Пилсудского на Войско Польское, и в особенности на специальные службы. Уже под конец 1921 года в ходе заседания Совета министров было сформулировано достаточно радикальное требование о полной ликвидации II Отдела Генштаба ВП. Это произошло в результате самостоятельной и противоречивой деятельности руководства II Отдела, выразившейся в проведении диверсионных и разведывательных акций за границей без консультации с Министерством иностранных дел, Министерством военных дел и, прежде всего, с председателем Совета министров. В этом конкретном случае речь шла о диверсионно-саботажной акции на территории Украины. С помощью украинского воинского соединения под командованием генерала Е. Тютюника планировалось поднять восстание на Левобережной Украине. Этим планам не удалось сбыться, и все мероприятия закончились полным фиаско. Принимая во внимание оказываемое на II Отдел влияние со стороны бельведерского лагеря и планы Пилсудского по созданию федерации, осуществлялся поиск фактов его участия в этой организации.

В 1923 году начальник Генерального штаба генерал Станислав Халлер начал борьбу с влиянием лагеря пилсудчиков на деятельность II Отдела. Он лично проводил беседы с выпускниками Высшей военной школы, подбирая кандидатов, не связанных с легионерской средой, на работу в военные разведывательные и контрразведывательные службы. М. Ромейко вспоминал, что генерал Халлер в беседе с ним заявил: «Я отстранил от работы во II Отделе Генерального штаба ВП офицеров, занимавшихся политикой. Их должности должны занять Вы и Ваши коллеги. Я предупреждаю, что всякие попытки ведения в войсках политики будут сурово караться». Во II Отдел тогда пришли: ротмистр А. Ромер, поручик К. Седлецкий, капитан З. Пянтковский и подпоручик Ю. Незбжицкий. Этот последний оказался впоследствии одним из столпов санационного влияния во II Отделе. Однако тогда руководителем II Отдела стал подполковник М. Байер, сторонник Халлера, офицер из бывшей российской армии, усердный исполнитель директив генерала. Вместе с майором И. Матушевским ушла большая часть офицеров из легионов. Только майор В. Енджеевич остался по-прежнему руководить Учетным отделом. Однако в 1925 году он был направлен за границу в качестве военного атташе в Токио. Особо важный Разведывательный отдел доверили

Е. Печонце, офицеру бывшей австрийской армии, открытому противнику Пилсудского.

Однако генералу Халлеру не удалось провести во II Отделе персональную «санацию» до конца. Территориальные органы (отделения, СИР КГО) и военные атташаты по-прежнему находились в руках лиц, симпатизировавших Пилсудскому. Тогдашний работник II Отдела через несколько лет утверждал: «Вскоре мы поняли всю фикцию “разгона” политиканов из II Отдела. На самом деле Отдел покинула незначительная группа офицеров, оставив своих “доверенных лиц”. Благодаря Енджеевичу постепенно началось стягивание “своих” людей, а в отношении некоторых из нас стало применяться чисто служебное “давление” по разным поводам... Одновременно мы ощущали, правильно или неправильно, определенную связь между происходящими событиями в стране и этими секретными собраниями».

В результате случился скандал, о котором весной 1924 года много писали газеты. Один из работников II Отдела сообщил о том, что руководитель Разведывательного отдела майор Е. Печонца дал указание по поручению генерала С. Шептыцкого подвергнуть оперативной разработке Ю. Пилсудского. В свою очередь, генерал В. Сикорский в беседе с маршалом Сейма Мачеем Ратайем утверждал, что с той поры, как он стал председателем Совета министров в декабре 1922 года, его телефонные разговоры прослушивались по указанию майора И. Матушевского, руководителя II Отдела. Кроме того, в ходе рассмотрения дела В. Багиньского и А. Вечоркевича, подозревавшихся в осуществлении в 1923 году нескольких покушений с помощью взрывчатых веществ, дело дошло до открытого соперничества политического характера между II Отделом и гражданской службой безопасности. Руководство II Отдела, состоявшее тогда из противников Пилсудского, было заинтересовано в доказательстве компрометирующего участия представителей лагеря пилсудчиков в этой афере. В такой ситуации указание начальника Генерального штаба ВП от 2 августа 1923 года о том, что «из директорского фонда не должна выделяться денежная помощь для политических союзов внутри страны или выдающих себя в обществе за политические», не имело практически реального значения.

После майского переворота 1926 года состоялась основательная кадровая трансформация в главных центрах государственной власти. Сразу же была сформирована узкая группа из ближайшего окружения Пилсудского, представители которой заняли самые важные посты в центральных государствен-

ных органах. Особенно ярко это происходило в 1929–1935 годах. Эту команду называли группой полковников. Эти «политики в мундирах», как точно отметил в 1929 году публицист «Работника», являлись выходцами из военных специальных служб. Они были связаны со II Отделом ВК ВП в 1918–1921 годах. В то же время большинство низшего офицерства легионов, проходившего также службу в органах военной разведки в период создания польского государства, в начале 1930-х годов заняло должности среднего уровня в аппаратах отдельных министерств, учреждений территориальной правительственной администрации и подразделений Беспартийного блока сотрудничества с Правительством (ББВР). Марьян Ромейко назвал этот процесс «массовым уходом из армии». Таким образом, можно выделить 2 группы политиков – выходцев из легионов. Они обе имели разведывательное происхождение. Группе ближайших сотрудников Пилсудского были доверены самые высшие государственные и политические должности. Три представителя из этого круга в послемайский период исполняли функции председателя Совета министров (В. Славек, М. Зындрам-Кошчялковский, Ф. Славой-Складовский). Следует обратить внимание на политическую роль, которую играл В. Славек, организатор и председатель ББВР, в 1928–1935 годах. Его считали вторым лицом в государстве после Пилсудского. Точно так же М. Зындрам-Кошчялковский и Ф. Славой-Складовский в 1930-х годах, после смерти маршала, принадлежали к политическому истеблишменту. Кроме того, из группы бывших работников II Отдела ВК ВП подбирались лица, которые занимали министерские и иные правительственные должности в послемайской Польше:

– Юзеф Бецк: в 1926–1930 – руководитель кабинета Министерства военных дел, 1930 – вице-премьер, 1930–1932 – министр иностранных дел;

– Хенрык Юзевский: в 1927–1928 – руководитель кабинета председателя Совета министров, 1928–1929 – воевода Волинский, 1929–1930 – министр внутренних дел, 1930–1938 – воевода Волинский, 1938–1939 – воевода Лодзинский;

– Адам Коц: в 1928–1938 – депутат Сейма РП, 1930–1932 – вице-министр финансов, 1936–1937 – председатель Польского банка, 1937–1938 – руководитель Лагеря национального объединения, 1938–1939 – сенатор;

– Игнацы Матушевский: в 1926–1928 – директор Административного департамента МВД, 1928–1929 – посол РП в Будапеште, 1929–1931 – руководитель Министерства финансов, 1932–1936 – редактор «Газеты Польской»;

– Богуслав Медзиньский: в 1926–1938 – депутат Сейма РП, 1926–1927 – министр почты и телеграфа, 1929–1932 – главный редактор «Газеты Польской», 1938–1939 – маршал сената;

– Бронислав Перацкий: в 1928–1930 – посол Сейма РП, 1929–1930 – вице-министр внутренних дел, 1930–1931 – министр без портфеля, 1931–1934 – министр внутренних дел;

– Вацлав Енджеевич: в 1935–1939 – министр вероисповедания и общественного просвещения.

Названные «политики в мундирах», выполняя высокие функции в структурах государственной власти и занимая высокую неформальную позицию в санационном истеблишменте, оказывали решающее влияние на общественную жизнь страны. Тот факт, что они располагали опытом работы в специальных службах, повлиял на формирование определенных взглядов в правящем лагере на методы и принципы осуществления власти. Можно принять такой тезис, что много способов действий, свойственных специальным службам, было перенесено в политику и руководство государством. Конспирация, придавание значения секретности, принятие решений без широких консультаций – все эти характерные черты присутствовали в деятельности «политиков в мундирах» после 1926 года. Частым явлением было занятие ключевых должностей в отдельных министерствах, государственных учреждениях и общественных организациях также людьми, которые работали в специальных службах II Отдела в 1918–1921 годах. В принципе это были лица, связанные с лагерем пилсудчиков, имевших в прошлом отношение к ПВО и легионам. Как правило, кроме политических взглядов, их карьеру в общественной жизни решали связи, которые сформировались среди работников военной «двойки» во время польско-советской войны.

На переломе 1929 и 1930 годов бывшие офицеры II Отдела начали приходить в Министерство иностранных дел. Это происходило благодаря Б. Бецку, который в 1930 году стал вице-министром в этом ведомстве. Однако здесь следует отметить, что много офицеров попало в МИД прямо из разведывательных представительств за границей и военных атташатов, в которых они получили полезный опыт работы на дипломатической службе. Наиболее видную должность директора Департамента кадров занял капитан Т. Дрыммер, многолетний военный атташе в Таллине, организатор польской разведки на восточном направлении. Капитан Дрыммер имел решающее влияние на кадровую политику в МИДе. В тот период офицеры разведывательной службы начали занимать должности консулов, посланников и послов. Болеслав Венява-Длогошовский в

1938 году стал послом РП в Риме, М. Ходацкий – генеральным комиссаром РП в Свободном городе Гданьске, а Ю. Клопотовский – посланником в Риге. Одновременно в центре, на ул. Вежбовой, в 1930-х годах высокий пост вице-директора Политического департамента занимал полковник Т. Схаэтзель – первый после майского переворота руководитель II Отдела Генштаба (1926–1928). Кроме того в МИДе работали майор Т. Кобыляньский, С. Прухницкий (покончил жизнь самоубийством перед войной), С. Зачвилиховский и Х. Райхман-Флояр. В то же время в Министерство внутренних дел попал Хенрык Кавецкий, сначала он был директором Политического департамента, а с 1935 года стал заместителем министра в этом министерстве, осуществлявшем контроль за деятельностью политической полиции. На короткое время, на переломе 1920-х и 1930-х годов, вице-министром Министерства внутренних дел являлся Казимеж Стамировский, который во время польско-советской войны был руководителем II Отдела 2-й Армии. Людвик Босианьский поочередно занимал должности Познаньского и Виленского воеводы. В. Влоскевич стал начальником Отдела безопасности в Воеводском управлении в Люблине, а Х. Кинтоф – старостой в Лунинице.

Часть бывших офицеров «двойки» попала в созданный в 1928 году ББВР (К. Седлецкий, К. Полякевич, М.Т. Бженьк-Ошиньский). Многие из них были избраны в парламент (Х. Кавецкий, К. Кежковский, В. Мальский, К. Полякевич, Х. Райхман-Флояр). Нельзя не упомянуть таких представителей этой группы в общественных, кооперативных, ветеранских организациях и в прессе, как, например:

- полковник Мечислав Выжель-Щчежиньский, поддерживавший связь с В. Славкем, в 1930 году он стал директором агентства «Искра»;

- Олгерд Гурка, в 1927–1930 – главный редактор «Львовской газеты», генеральный секретарь Восточного института;

- Константы Абламович-Абданк – промышленник, член Окружного управления польской федерации союзов защитников Родины;

- Стефан Бенедикт – председатель Союза военных инвалидов РП;

- Вацлав Лиженьский – работник Военного исторического бюро;

- Кароль Полякевич – с 1936 года вице-председатель Союза польских легионеров, в 1932–1937 – председатель Правления сельских гмин РП;

- Владыслав Мальский – с 1935 года председатель Центрального союза сельскохозяйственных организаций и кружков.

Как следует из этих данных, бывшие работники военных специальных служб после 1926 года проникли во многие государственные институты и сферы общественной жизни. Это имеет большое значение для оценки истории II Республики, и прежде всего механизма функционирования государственной власти в 1926–1939 годах. Массовый приход военных в аппарат власти состоялся только после 1930 года вместе с ухудшением здоровья Юзефа Пилсудского. Это явление усилилось в 1935–1939 годах.

Сам собою напрашивается вывод, что почти обязательной для представителей санационного правящего лагеря стала разведывательная родословная.

После майского переворота в органы военной разведки и контрразведки начали приходить молодые офицеры, ранее не связанные с деятельностью специальных служб или служившие в Корпусе охраны границы. По отношению к периоду 1922–1926 годов произошло также изменение в деятельности II Отдела, основывавшейся на усилении его влияния на главные центры государственной власти. Уже в конце 1926 года руководитель II Отдела полковник Т. Схаetzель принимал участие в совещаниях и конференциях ближайших сотрудников Пилсудского. Одновременно с этим II Отдел приступил к деятельности по оказанию воздействия на поведение партий и отдельных политиков в выгодном для правящего лагеря плане и по созданию ситуаций, вызывавших партийные конфликты среди оппозиционных объединений. Примером этого вида деятельности была попытка компрометации члена Независимой крестьянской партии Сылвестра Воевудского, поддерживавшего коммунистические идеи. II Отдел публично сообщил, что в начале 1920-х годов Воевудский проходил службу в отделении II Отдела в Вильно, являясь руководителем политико-национального реферата, а после ухода из армии по-прежнему представлял информацию II Отделу о радикальных белорусских деятелях и членах ПКП «Освобождение». Это дело вызвало достаточно неожиданные последствия. Общественное мнение было взбудоражено: во-первых, механизмом манипуляции фактами (оказалось, что сотрудничество с государственным институтом – II Отделом, является чем-то позорным и дисквалифицирующим в моральном плане) и, во-вторых, фактом негласного надзора и субсидирования военной разведкой деятелей легальных политических партий.

На основе достаточно лаконичных мемуарных свидетельств можно считать, что многие важнейшие государственные институты были охвачены «оперативным контролем» со стороны

II Отдела, особенно в 1930-е годы. Очень часто работа II Отдела не ограничивалась обеспечением противодействия влиянию иностранных разведок и широко распространялась на принятие решений в кадровой политике отдельных ведомств. Т. Дрыммер отметил в своих воспоминаниях, что после занятия должности директора Департамента кадров МИД он сразу же запросил мнение II Отдела об отдельных работниках Министерства иностранных дел и дипломатических представительств. «Жертвами» II Отдела стали Е. Аргишевский, в 1932–1938 годах посол РП в Бухаресте, и С. Прухницкий, начальник отдела МИД, подозреваемый в торговле наркотиками.

Бурная судьба архивов специальных служб II РП во время Второй мировой войны и после ее окончания вынуждает делать выводы с осторожностью, но в то же время можно без всякого сомнения утверждать, что в сравнении с предмайским периодом круг деятельности II Отдела в 1926–1939 годах, особенно по внутривластным вопросам, значительно расширился. II Отдел осуществлял постоянный контроль за корреспонденцией генерала К. Сосновского, одного из ближайших сотрудников Пилсудского в период возрождения польского государства. Сам факт того, что в комплекте дел II Отдела находятся папки, содержащие частную корреспонденцию жены Ю. Пилсудского Ядвиги и маршала Е. Рыдза-Шмиглы, вызывает разные суждения на эту тему.

На основе существующих мнений можно утверждать, что позиция руководителя II Отдела в кругах послемайского правящего лагеря стала заметно возрастать. Точка зрения и мнение руководства II Отдела становились компетентными и отражали взгляды высших государственных властей.

Например, в 1936 году в ходе ремилитаризации Рейнской области Гитлером посол Франции в Польше Леон Ноель подчеркнул, что начальник Главного штаба (генерал В. Стахевич) и руководитель II Отдела (полковник Пелчыньский) «avec une chaleur particuliere»* заверили его в верности Польши союзу с 1921 года. В свою очередь, начальник Главного штаба французской армии генерал Морис Амелан после беседы с полковником Т. Пелчыньским о польско-французских отношениях констатировал: «Мнение, высказанное полковником Пелчыньским, имеет большое значение».

* С особым жаром (фр.).

ОРГАНИЗАЦИЯ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ В СТРУКТУРАХ СЛУЖБ, ОХРАНЯЮЩИХ ГРАНИЦУ II РЕСПУБЛИКИ

Глава I

Информационный орган Пограничной службы в 1928–1939 годах

Границы обозначают конфигурацию территориального образования отдельного государства и одновременно становятся очагом вооруженных конфликтов, а также являются свидетелями различных возникающих в их пределах криминогенных и угрожающих общественной безопасности событий.

II Республика располагала двумя мощными соседями: с востока – советской Россией, а с запада – Германией, со стороны которых была постоянная обоснованная опасность для существования польского государства. Межвоенный период – время формирования международной экономической системы. Тогда стала развиваться в широких масштабах контрабандная деятельность. Особенно активны были международные контрабандистские преступные группировки на западных и южных приграничных территориях II РП. В целях противодействия этому ущербному явлению власти II РП старались прикрыть западную и южную границы. Для этого были созданы военно-гражданские институты, в компетенции которых оказалась охрана безопасности границ государства. В 1918–1928 годах эти задачи выполняли: военная пограничная охрана, пограничные стрелки, караульные и таможенные батальоны, а также таможенная охрана. Но тогда, однако, не удалось выработать стабильную и результативную систему обеспечения безопасности западной и восточной границ.

В конце 1927 года была начата работа по основательной реорганизации органов охраны западной и восточной границ. «Временное состояние, существовавшее с момента создания государства, наихудшим образом отражалось на уровне безопасности. Переходные, не обеспеченные законодательством формирования, которые охраняли эти границы с 1918 года, не могли выполнять свои задачи в связи со своей разрозненнос-

тью и несоответствием требованиям, предъявляемым к охране границы. В связи с развитием экономических и политических отношений с соседними государствами все больше возрастала потребность в совершенствовании охраны западной и южной границ». 22 мая 1928 года распоряжением президента РП вместо таможенной охраны была создана Пограничная служба. Новое формирование частично приняло организационную структуру упраздненной таможенной охраны, но в то же время подвергся изменению характер подчинения. Она являлась исполнительным органом финансовых властей, а в области охраны границ государства одновременно подчинялась Министерству внутренних дел и территориальным органам общей администрации. Во главе Пограничной службы стал командующий, позднее комендант, назначаемый президентом РП по предложению министра финансов, и самое интересное заключалось в том, что все это делалось по согласованию с министром военных дел. Командующий Пограничной службы располагал органом в виде Командования ПС, преобразованного впоследствии на Комендатуру ПС. Территориальная структура этого формирования выглядела следующим образом: непосредственно коменданту ПС подчинялись окружные инспектораты (сначала их было 5: Мазовецкий, Поморский, Великопольский, Силезский и Малопольский), в свою очередь, начальникам окружных инспекторатов были подчинены пограничные инспектораты, территория деятельности которых разделялась между комиссариатами и отделениями I и II линии.

Можно утверждать, что только в рамках структуры Пограничной службы было создано разведывательное подразделение. Согласно Х. Доминчаку, в предшествовавших Пограничной службе формированиях власти пытались достаточно умеренными усилиями организовать прототип разведывательной службы.

В соответствии с распоряжением Президента РП от 22 марта 1928 года Пограничная служба должна была выполнять следующие задачи:

- пресечение нелегального передвижения лиц;
- выявление и пресечение контрабанды, а также иных нарушений финансово-таможенных постановлений и распоряжений;
- исполнение в таможенных учреждениях караульной и конвойной службы, а также взаимодействие в таможенном расследовании в случаях и формах, определенных министром финансов;
- обеспечение неприкосновенности пограничных знаков и оборудования;

- взаимодействие с соответствующими органами в выполнении положений постановлений, направленных на поддержание общественной и общей безопасности, предупреждение ущерба, угрожающего общественным интересам;
- взаимодействие с военными органами в сфере обороны государства.

Как следует из представленного перечня задач Пограничной службы, они сводились к борьбе с контрабандой и охране безопасности государственной границы. Для выполнения этих задач было необходимо применение средств и методов, вытекающих из специфики разведывательной работы. Конечно, понятно, что это не был уровень деятельности военных специальных служб и даже полицейской политической контрразведки. На практике Пограничная служба ограничивалась проведением неглубокой разведки, основывавшейся на непосредственном наблюдении и использовании агентов и осведомителей. Тот факт, что II Отдел очень часто пользовался информацией и помощью разведывательных органов Пограничной службы, доказывал полезность этого вида внутренней службы ПС. «Сведения из этого источника, несмотря на их поверхностность, были, однако, достаточно обильными и имели для разведки на подступах к противнику ценность, особенно при сравнении и перепроверки сведений из других источников».

Информационно-разведывательная служба ПС носила всеобщий характер. Офицер разведки Поморского окружного инспектората Тадеуш Фламмер в докладе от 22 декабря 1934 года высказался следующим образом: «Из численности ПС вытекает способ несения службы при выполнении порученных задач, а если еще принять во внимание то, что в пунктах, излагающих задачи Пограничной службы, 4 пункта определяют задачи, которые могут быть разрешены с помощью разведки... Это сочетание позволяет определить, что роль Пограничной службы и роль разведки Пограничной службы – это одно и то же. Вышеуказанное определение позволяет достаточно точно раскрыть роль разведки ПС и утверждать, что разведка ПС не является специальной службой, а представляет собой вообще службу для всех».

В диспозиции, содержащейся в распоряжении Главного коменданта ПС Е. Горшековского о временной организации разведывательной службы ПС, указывалось: «Применять разведку в определенной сфере обязаны все организационные подразделения и все без исключения офицеры и рядовые Пограничной службы». К сожалению, в соответствии со старым принципом, что количество не всегда может перейти в каче-

ство, так называемая разведывательная работа не всегда приносила положительные результаты.

Несмотря на эти оговорки, в организационной структуре Пограничной службы было создано разведывательное подразделение. Все его очередные руководители постоянно сожалели о том, что оно имело организацию временного характера. Структура разведывательной службы была приспособлена под деление территории на 2 части: пограничную и внутреннюю. Первая территория делилась на районы отдельных окружных инспекторатов. В каждом инспекторате разведывательной работой руководил информационный офицер. Ему, в свою очередь, были подчинены офицеры разведки, находящиеся в структуре отдельных пограничных инспекторатов. Офицерам разведки подчинялись работники разведки ПС, действовавшие на территории пограничных комиссариатов и размещенных в отделениях I и II линии. Пограничная служба, кроме приграничного пространства, проводила разведывательную работу на внутренней территории с помощью исполнительного органа II Отдела Главной комендатуры Пограничной службы (ГК ПС). Этот орган располагал территориальными подразделениями в виде комиссариатов и отделений II линии. За положение дел Пограничной разведывательной службы отвечал руководитель II Информационного отдела Главной комендатуры ПС, который непосредственно подчинялся Главному коменданту.

Территориальная разведывательная служба ПС была организована специфическим способом. Территория окружного инспектората состояла из территории непосредственной деятельности окружного инспектората и территорий отдельных (подчиненных) пограничных инспекторатов. Точно так же была разделена территория отдельных пограничных инспекторатов и комиссариатов. Основным организационным подразделением разведывательной службы были отделения II линии, которые в отличие от отделений I линии были заняты исключительно информационной работой. В состав этих отделений входили только разведчики, проводящие на приграничной территории соответствующую оперативную деятельность. Во главе отделений II линии стоял начальник в звании сержанта или старшего сержанта. В исключительных случаях эти функции выполняли офицеры. В важных с точки зрения охраны границы местах создавались разведывательные посты, подчиненные полностью начальникам отделений II линии.

Из представленной организации разведывательной службы ПС следует, что строго информационную работу, основываю-

щуюся на приобретении новых агентов и сотрудничестве с ними, выполняли сотрудники ПС, размещенные в отделениях II линии и разведывательных постах. В то же время разведывательные кадры в окружных и пограничных инспекторатах, а также комиссариатах выполняли организационные, координационные и контрольные функции. В 1939 году весь разведывательный аппарат Пограничной службы насчитывал около 1000 сотрудников. Наибольшая численность разведывательных отделений и кадров была сосредоточена на самом коротком Селезском пограничном участке, охватывающем всего 297 км границы. Однако эта территория была наиболее подвержена угрозе контрабандистской деятельности. Именно в целях совершенствования борьбы с различными формами пограничных, финансово-таможенных, валютных и контрабандистских преступлений было принято решение о применении в деятельности органов ПС методов разведывательной работы. Как уже упоминалось ранее, сначала ее использовали в ограниченной сфере. Со временем жизнь вынудила руководство Пограничной службы приложить усилия к повышению профессионализма разведывательного сектора этой структуры.

Таблица 10

Личный состав отделений II линии в 1939 году

№ п/п	Организационное подразделение – окружные инспектораты	Кол-во отделений	Младший командир (сержант)	Офицеры	Вместе
1.	Мазовецкий	26	106	15	121
2.	Поморский	29	156	20	176
3.	Великопольский	31	134	12	146
4.	Селезский	32	224	16	240
5.	Западно-Малопольский	19	96	16	112
6.	Восточно-Малопольский	15	75	8	83
7.	Исполнительный орган ГК ПС	3	40	10	50
8.	Внутренний комиссариат в Белостоке	2	10	4	14
9.	Внутренний комиссариат в Лодзи	6	28	6	34
10.	Внутренний комиссариат в Сандомеже	4	24	-	24
	Всего:	167	893	107	1000

Таблица 11

Результаты работы Пограничной службы
в борьбе с контрабандной преступностью в 1930–1939 годах

Год	Оценка контрабанды (в зл.)	Задержано контрабандистов
1930	7 161 490	6315
1931	6 402 490	7227
1932	6 200 620	12 932
1933	4 284 620	18 070
1934	2 508 000	22 570
1935	1 906 000	18 130
1936	1 803 860	20 627
1937	1 495 700	15 823
1938	1 303 634	12 984
1939	950 000	9500

Пограничная служба проводила также разведывательную и контрразведывательную деятельность в интересах военных спецслужб. Интенсификация этого сотрудничества произошла во второй половине 1930-х годов. Следует отметить, что II Отдел Главного штаба ожидал от информационных органов Пограничной службы помощь только в области неглубокой разведки, а также реализации безотлагательных действий обеспечивающего характера в интересах самостоятельных информационных рефератов КОК, которые проводили контрразведывательные акции на приграничной территории. Информационная служба ПС не имела достаточного опыта и больших амбиций к проведению серьезных разведывательных акций. Созданная ею сеть агентуры среди контрабандистов и проживающего на приграничной территории населения имела огромную ценность для военных спецслужб. Контроль за передвижением лиц через границу, с одной стороны, позволял выявлять попытки переброски в Польшу агентов иностранными разведывательными службами, а с другой – создавал возможность безопасного перехода через границу собственных секретных сотрудников. Кроме того, подразделения Пограничной службы располагали естественными возможностями по наблюдению за передвижением войск на немецкой стороне, что имело большое значение особенно в 1938–1939 годах, т.е. в период интенсивного приготовления III Рейха к нападению на Польшу.

Уже в июле 1929 года вступила в силу инструкция, определявшая принципы разведывательного сотрудничества ПС со

II Отделом. Тогда было установлено, что квалифицированное руководство над всеми разведывательными мероприятиями Пограничной службы военного характера будут осуществлять руководители западных отделений II Отдела. К сфере обязанностей разведывательных отделений ПС относилось проведение неглубокой разведки (на глубину 15 км), которая основывалась на «изучении территории, национальных, экономических отношений и вопросов прикрытия противника». Эта достаточно таинственная формулировка касалась задачи по сбору разведывательной информации о немецкой полиции, жандармерии, таможенной охране, военных организациях, а также о складах с оружием и боеприпасами. II Отдел надеялся, что работники разведки ПС создадут в промышленных и коммуникационных центрах на приграничной территории Германии наблюдательную сеть из агентов, пользовавшихся доверием и надежностью. С учетом потребности засекречивания участия Пограничной службы в работе военной разведки была принята следующая схема сотрудничества:

- руководителями разведывательных акций ПС, проводимых в интересах II Отдела, были информационные офицеры окружных инспекторов;

- они являлись единственным звеном, непосредственно сотрудничавшим с органами II Отдела;

- эти офицеры должны были проводить оперативные мероприятия только по согласованию и соответствующим указаниям руководителей территориальных отделений II Отдела;

- вербовочная работа кандидатов в качестве агентов должна быть поручена только избранным работникам II линии ПС.

Военная разведывательная деятельность отделений оставалась строго законспирированной даже для непосредственных руководителей, т.е. начальников пограничных инспекторов и комиссариатов. Поэтому в сфере разведывательной службы непосредственными начальниками отделений являлись отдельные информационные офицеры окружных инспекторов. Участие работников территориальных отделений II Отдела в качестве начальников, проводящих совместную деятельность, было законспирировано: «Информационный офицер ведет и использует агентов под руководством начальника отделения, который в принципе непосредственно не контактирует с агентами военной разведки». Это сотрудничество финансировалось в основном из бюджетных средств Пограничной службы.

Согласно инструкции от 1929 года, отделение № 3 II Отдела в Быдгоще сотрудничало с окружными инспекторатами: Мазовецким, Поморскими и Великопольским (до Вронек), а отделе-

ние № 9 в Катовицах – с Силезским и частично Великопольским окружными инспекторатами (участок Велунов-Лешно).

Сначала работники II Отдела скептически относились к разведывательным возможностям Пограничной службы. Вызывали сомнение отсутствие в организационной структуре Информационного II Отдела ГК ПС учетного аппарата (анализа), низкая квалификация и недостаточный опыт работников, а также ограниченные финансовые и технические средства.

В 1930–1935 годах при пограничных инспекторатах в Чеханове, Черске и Познани действовали так называемые офицерские посты отделения № 3 в Быдгоще, руководителями которых являлись информационные офицеры Пограничной службы. Главной их задачей была вербовка агентов на так называемых разведывательных подступах. Например, пост под псевдонимом «ПО–7/1» в течение одного месяца (в октябре 1932 года) завербовал 7 кандидатов в качестве агентов, в том числе 2 немецких граждан, членов НСДАП. Руководители западных отделений рассчитывали на развитие сотрудничества. Майор Жихонь в плане работы на 1937–1938 годы определил поле деятельности в сотрудничестве с ПС: последняя «должна обратить внимание на дислокацию войск, личный состав, вооружение, оснащение и снаряжение, извещение о мобилизации, казармы, виды оружия, номера воинских частей, фамилии командиров, а в области авиации на выявление местоположения аэродромов, установление категории выявленных аэродромов, выделение запасных аэродромов, количество и качество самолетов, личный состав». Кроме того, в заинтересованности ПС должны быть: немецкие пограничные формирования, гитлеровские боевые организации, Reichsarbeitsdienst*, полицейские и жандармские учреждения.

На практике разведывательная служба ПС была не в состоянии выполнить поставленные требования, потому что, как уже упоминалось, она не располагала соответствующими подготовленными разведывательными кадрами и большими финансовыми и техническими возможностями. Поэтому тот же самый руководитель Быдгощского отделения в письме от 12 мая 1937 года обращал внимание на частые случаи расшифровки разведчиками ПС оперативных акций, проводимых военной разведкой. По этой причине уже в середине 1936 года в разведывательной службе ПС была проведена серьезная реорганизация в целях повышения ее эффективности и модернизации методов деятельности, а в результате этого – дальнейшего

* Имперская рабочая служба.

развития сотрудничества со II Отделом. На совещании руководителей окружных инспекторов руководитель Информационного отдела Главной комендатуры ПС представил основные положения проведенной реорганизации: «Должно, наконец, позволить создать единый, централизованный разведывательный организм, способный к целенаправленной и полной разработке проблем, а не фрагментов отдельных вопросов». Потому что до этих пор система разведывательной работы была полностью децентрализована, что вызывало дезорганизацию работы на уровне отделений II линии.

Иными чертами существовавшей организации, затруднявшими деятельность, были: отсутствие взаимодействия между отдельными подразделениями ПС, а также большая свобода в применяемых формах и методах деятельности. Например, работники разведки Пограничной службы не отличали следственные действия (гласные) от оперативных (негласных), и поэтому дело доходило до случаев неосознанной расшифровки разведывательных мероприятий. Комиссар Зерыгевич предложил принять следующий ход разведывательной работы, охватывающий руководство разведывательной службы, разведку территории, организацию территории, сбор информации, разработку дел, уничтожение ненужных материалов, ведение учета разведывательной работы.

Эта последняя проблема имела решающее значение для успеха разведывательной деятельности. До сих пор она недооценивалась в Информационной службе ПС. Согласно с ожиданиями властей Пограничной службы, унифицированный способ ведения учета преступлений и информирования руководства о происходящих событиях должен был расширить возможности принятия решений Центром пограничной разведывательной службы и позволить ей: всестороннее исследование явления, изучение зарубежных методов деятельности, выдвижение соответствующих выводов, ориентирование по данной проблеме подчиненных подразделений и направление им соответствующих директив.

Таким образом, Пограничная служба намеревалась создать в новой организации централизованный разведывательный организм, а в своих действиях руководствоваться принципами планирования и непрерывности предпринимаемых мероприятий. Однако она не приняла решения о создании самостоятельного информационного подразделения ПС. Несмотря на множество возражений в отношении системы, опирающейся на участие в разведывательной работе почти всего личного состава Пограничной службы, было принято решение о том,

что на данный момент от нее отказаться нельзя. Только по предложению руководителя Информационного отдела ГК ПС было введено изменение по организации территории деятельности разведывательной службы. Она была поделена на пограничную территорию, внутреннюю и Свободного города Гданьска. Граница, разделяющая районы, проходила по линии Лодзь – Пётркув Трибунальский – Кельце – Радом – Люблин – Ковель – Брест – Белосток – Остров Мазовецкий – Плоцк. Территория пограничной разведки была поделена на территории деятельности:

- пограничных комиссариатов (полоса 6–10 км от границы);
- пограничных инспекторов (полоса 20–30 км);
- окружных инспекторов (полоса, охватывающая территорию до внутренней территории).

На внутренней территории были выделены из существующих комиссариатов разведывательные отделения, охватывающие участки: Пётркув Трибунальский-Колюшки, Плоцк-Радом, Кельце-Люблин, Остров Мазовецкий-Брест-над-Бугом. Руководство разведывательной службой ПС осуществлял руководитель Информационного отдела Главной комендатуры, который был ответственным за совокупность порученных работ органам разведывательной службы, а также за профессиональное обучение кадров этой службы и подбор разведывательного персонала.

Предметом особой разведывательной заинтересованности Пограничной службы являлся Свободный город Гданьск. Охраной государственной границы между Республикой и Гданьском занимался Поморский окружной инспекторат. В пограничной зоне действовали 2 комиссариата (в Скажевах и Картузах) и 7 отделений I линии, а также 17 отделений II линии. Кроме того, польские власти, используя то обстоятельство, что на основании Версальского договора (ст. 104) Свободный город Гданьск принадлежал польскому таможенному пространству, разместили наряду с подразделениями военной разведки законспирированное разведывательное отделение Пограничной службы под прикрытием создаваемого отделения Таможенного инспектората. Хотя формально отделение подчинялось таможенным властям, но его работники оставались в распоряжении Главной комендатуры ПС. Создание отделения было связано с желанием ликвидировать «таможенную дыру», существовавшую на территории Гданьска.

Перед сотрудниками ПС, проходящими службу в отделении, была поставлена задача по разработке механизмов контрабанды через Гданьск и борьбе с преступными группами, орга-

низирующими международную контрабанду. Кроме того, они проводили разведывательную работу в основном вспомогательного и обеспечивающего характера в интересах II Отдела. Эти сотрудники неоднократно в процессе служебной таможенно-пограничной деятельности помогали в реализации оперативных мероприятий военной разведки (приобретение агентов и их переброска через границу).

Исключительная позиция отделения вызывала недоразумения и трения по вопросам компетенции между таможенными властями и Пограничной службой. Только 11 марта 1936 года было установлено, что Главный таможенный инспектор имел право ознакомиться со списком офицеров ПС, проходящих службу в Гданьске, а также быть осведомленным о всех кадровых изменениях. Независимо от этого начальник отделения был обязан докладывать ему о текущих делах.

Подобно этому решался вопрос и о месте Гданьского отделения в структуре разведывательных органов Пограничной службы. В очередных распоряжениях, касающихся организации разведывательной службы, вопросы принципов деятельности отделения в Гданьске не затрагивались. Только в докладе руководителя Информационного отдела ГК ПС от 18 июня, содержащего предложения изменений в организации разведки ПС, была выделена отдельная зона – Свободный город Гданьск. Начальник таможенного отделения должен был непосредственно подчиняться руководителю Информационного отдела ГК ПС. Как уже упоминалось, Гданьское отделение было создано в марте 1929 года, а не, как сообщают несколько авторов, в конце 1929 года. Доказательством этого являются документы комендатуры ПС от марта 1929 года, касающиеся обращения по распределению отделения Таможенного инспектората в штатном, служебном и хозяйственном отношениях к Поморскому окружному инспекторату ПС. Сначала в документах отделение в Гданьске определялось как «отделение Пограничной службы». Только 23 мая 1929 года КПС изменила это неудачное название на отделение Таможенного инспектората.

Организатором отделения еще перед официальным его созданием был подком. Артур Ежи Тамовецкий. В марте 1929 года руководство отделением принял инспектор Виктор Заклинский. Он исполнял эту функцию до осени 1929 года, т.е. до момента прибытия в Гданьск инспектора Мушкета-Кроликовского. В составе первой группы офицеров ПС, которые начали работу в отделении, оказались: Ян Мулярчик, Юлиан Капушчиньский, Бронислав Пешковский, Мечислав Пенёнжек, Рафал Славошевский, Юзеф Кшешиньский, Теодор Маньчык. Рези-

денция отделения Таможенного инспектората в Гданьске находилась на ул. Опитз, 2. В обязанности начальника отделения входило: организация разведывательной работы, разведка территории, организация территории, разработка по делам, проведение учета работы, обучение и подбор разведывательных кадров.

Отделение получало сведения по интересующим его вопросам из различных источников, таких как: фабрики, учреждения, мастерские, магазины, беседы, а также от агентов, осведомителей и информаторов. Агентами являлись лица, тесно связанные с отделением и работавшие за месячные вознаграждения. Осведомителями были люди, имевшие специальность и работу и выполнявшие платные услуги на конфиденциальной основе. Все остальные, кто предоставлял информацию, назывались информаторами. Работники отделения в сжатые сроки организовали хорошо действовавшую сеть информаторов и агентов. О том, что делалось в портовых таможенных подразделениях, информировали работники портов. Сотрудникам отделения удавалось привлечь к сотрудничеству гданьских таможенников, служащих и рабочих.

Отделение Таможенного инспектората в Гданьске поддерживало тесный контакт с отделением № 3 II Отдела в Быдгоще через Генеральный Таможенный комиссариат. Руководитель Гданьского отделения составлял ежемесячно ситуационные сообщения и направлял их в ГК ПС. Они содержали подробную информацию, касающуюся своей территории, о лицах, которые нарушали действовавшие правила. Особенно ценными были замечания, представляемые в разделе «Отчет об охране границы», касающиеся контрабанды, монопольных преступлений, таможенных задержаний товаров, ввозимых в Гданьск пассажирами из Германии. Они были очень полезными для польской разведки. Другим примером тесного сотрудничества может быть посылка от 2 августа 1935 года, содержащая акт и перечень выявленных фактов и полученной информации о контрабандной деятельности и пограничных преступлениях, совершенных на территории Свободного города Гданьска и Поморского окружного инспектората ПС в 1933–1935 годах. Подобным образом разведка Пограничной службы своевременно информировала руководителя Быдгощского отделения капитана Я. Жихоня о всех изменениях дислокации воинских частей немецкой армии на подступах к границе, а также о деятельности немецких политических и парамилитарных организаций на территории Свободного города Гданьска. Капитан Жихонь информировал Пограничную службу о многих

негативных явлениях, находящихся в сфере ее заинтересованности. В письме от 15 мая 1933 года руководитель отделения № 3 II Отдела писал о недоброжелательном отношении к пограничным органам Х. Крыстыньского, жителя Варшкова в морском районе. В следующий раз капитан Жихонь направил письмо в отделение Таможенного инспектората, в котором обратился с просьбой о прекращении уголовного дела о контрабанде в отношении В. Шульца, так как вышеуказанный оказывал помощь военной разведке, а товар провозил в целях создания видимости контрабанды.

Примером проведения контрразведывательной деятельности отделения Таможенного инспектората в Гданьске может быть письмо его начальника от 18 марта 1935 года, информирующего о конфиденциальном получении им корреспонденции гданьской фирмы «Кредитреформ», направленной по адресу в Торунь. В этой корреспонденции фирма интересовалась возможностью сотрудничества по разведывательным вопросам. Проведенные отделением разведывательно-розыскные мероприятия показали, что вышеуказанная фирма была немецким предприятием, принадлежащим немецкому концерну разведывательно-торговых учреждений с центром в Лейпциге.

Полученные успешные результаты в работе Пограничной службы были замечены немецкой разведкой, действовавшей на территории Гданьска. В связи с этим руководитель гданьского отделения Абвера О. Рейли подготовил план провокации, направленной против работника отделения Таможенного инспектората подкомиссара Р. Славошевского. Однако попытка вербовки офицера Пограничной службы закончилась неудачно, но она являлась доказательством того, что немецкие специальные службы пытались изучить разведывательные возможности Гданьского отделения Пограничной службы.

Глава II

Разведывательные органы Корпуса пограничной охраны

В этой работе уже неоднократно была показана угроза общественной безопасности на восточных границах РП, вызванная диверсионными и разведывательными акциями соответствующих служб и организаций советского государства. Национальные меньшинства, проживавшие на восточной территории Польши, были постоянно задействованы в этой дея-

тельности. После окончания польско-советской войны власти II Республики старались создать защитную систему от враждебных актов диверсии и саботажа в восточных воеводствах. Сплетение различных факторов приводило к тому, что эти начинания не давали ожидаемых результатов. Одновременно с этим восточный сосед постоянно совершенствовал методы и формы деятельности собственных специальных служб в Польше. Опасные общественные явления среди национальных меньшинств постоянно вызывали общественные беспорядки на этой территории. Не будет преувеличением и утверждение, что деятельность польских государственных институтов на восточных землях осуществлялась в условиях гражданской войны.

Попыткой нормализации обстановки было принятие постановления Совета министров от 16 апреля 1929 года, которое уполномочивало министра внутренних дел и министра военных дел принимать соответствующие меры в целях пресечения диверсионных акций в восточных районах. Непосредственное руководство было поручено представителям Министерства военных дел – инспекторам армии, генералу Эдварду Рыдзу-Шмиглю (инспектору армии Вильно) на территории Белостокского, Полесского, Новогрудского и Виленского воеводств и генералу Яну Ромеру (инспектор армии Львов) на территории Волынского, Тамопольского и Станиславовского воеводств. Оба генерала располагали органами политической администрации, государственной полиции и военными подразделениями, которые должны были обеспечить реализацию задач, связанных с установлением порядка в определенных районах деятельности советских диверсантов. Тогда также родился замысел создания самостоятельного органа, проводящего так называемую противодиверсионную разведку. Как уже упоминалось, какое-то время эти задачи находились в кругу заинтересованности СИР КОК, территориальных отделений II Отдела и органов политической полиции. Однако эти институты были не в состоянии самостоятельно вести результативную борьбу с массовыми советскими диверсионными акциями в восточных районах.

В августе 1924 года возник проект организации противодиверсионной разведки в пограничной зоне с Литвой и Россией. «В связи с централизацией противодиверсионной разведки в руках военных для обеспечения безопасности советской и литовской границ, а в особенности ликвидации деятельности диверсионных банд и закордотов*, были созданы три центра в

* Специальные подразделения Интернационала.

виде контрразведывательных отделений, зависимых по службе прямо от II Отдела Генштаба и инспекторов указанных армии, а в хозяйственном и административном плане относящихся к соответствующим отделениям II Отдела Генштаба». Эти отделения были размещены в Вильно, Бресте-над-Бугом и во Львове. Они располагали следующими контрразведывательными офицерскими постами:

Центр № 1 в Вильно – посты:

- № 1/I в Крулевшизне;
- № 2/I в Молодечно;
- № 3/I в Столпцах;
- № 4/I в Нещвеже;
- № 5/I в Щвенчянах;
- № 6/I в Сувалках;

Центр № 2 в Бресте – посты:

- № 1/II в Лахове;
- № 2/II в Сарнах;

Центр № 3 во Львове – посты:

- № 1/III в Ровно;
- № 2/III в Кжеменьце;
- № 3/III в Тарнополе
- № 4/III в Чорткове.

Созданным новым органам так называемой противодиверсионной разведки были поручены для выполнения следующие задачи:

1. проведение внутренней разведки и в особенности установление лиц, которые оказывают помощь бандам и с кем руководители банд поддерживают в стране связь;

2. проведение наступательной неглубокой разведки, благодаря которой можно было бы действовать против акций неприятеля на его территории, чтобы с помощью этого выявлять его намерения и организационную сеть, а также места, где ведется подготовка акций;

3. проведение наступательной глубокой разведки, которая создает возможность овладения штабами диверсионных отрядов и штабами, руководившими подрывными акциями из специально законспирированных и тайных мест в глубине страны.

Из представленного перечня обязанностей следует, что созданные подразделения должны были применять очень разнообразные формы разведывательной работы в рамках противодиверсионной деятельности. Кроме того, по мысли авторов проекта, оговариваемые группы должны были, с одной стороны, быть независимыми единицами по отношению к военным и гражданским специальным службам, а с другой – они в то же

время становились платформой взаимодействия территориальных отделений II Отдела, СИР КОК и информационных служб МВД. Руководство и координация всей противодиверсионной акцией были поручены инспекторам армии. В сумме эти подразделения располагали достаточно большими финансовыми средствами и довольно значительным оперативным потенциалом. В пограничной зоне 45 агентов выполняли контрразведывательные задачи, 32 проводили неглубокую разведку на иностранной территории, а 19 секретных сотрудников поставляли информацию в сфере наступательной глубокой разведки.

Для улучшения координации разведывательных мероприятий через какое-то время в инспекторатах армии № 1 и 5 были созданы информационные рефераты. Однако, несмотря на принимаемые усилия, созданная организационная система не давала ожидаемых результатов. Инспектораты, не располагая соответствующими разведывательными кадрами, не были в состоянии руководить такой важной операцией, как борьба с диверсионными бандами в восточных районах. Кроме того, местные интересы отдельных институтов, принимавших участие в этих акциях, затрудняли результативную деятельность. Например, в соответствии с постановлением Политического комитета Совета министров, МВД должно было выделить из собственного бюджета сумму 60 тысяч злотых на контрдиверсионную деятельность. Но II Отдел в течение нескольких месяцев безрезультатно пытался получить обещанную дотацию.

Потребностью времени в этой ситуации стало создание специального военно-полицейского формирования, предназначенного исключительно для борьбы с диверсией и саботажем на востоке. В августе 1921 года на заседании Совета министров было принято решение по этому вопросу. 12 сентября 1924 года министр военных дел отдал приказ о создании Корпуса пограничной охраны. При этом была принята достаточно сложная система подчиненности этого формирования. Командующий КПО с учетом выполнения задач Пограничной службы был подчинен министру внутренних дел, но в то же время в случае войны по дисциплинарным, учебным и вопросам подготовки – министру военных дел. В 1938 году Командующий КПО стал дополнительно подчиняться Генеральному инспектору Вооруженных сил.

Корпус пограничной охраны был создан в целях окончательного решения проблемы диверсий, организовывавшихся советскими специальными службами. На практике задачи Корпуса значительно расширились и включали обеспечение безопасности границы и приграничной территории с учетом политичес-

ких вопросов и общественной, финансово-таможенной и военной безопасности. В сферу деятельности КПО входило:

а) охрана неприкосновенности пограничных знаков и пограничного оборудования;

б) пресечение нелегального пересечения границы лицами, к этому не уполномоченными;

в) пресечение нелегального перемещения товара через границу;

г) борьба с контрабандой и финансовыми нарушениями, а также нарушениями постановлений о границе государства;

д) взаимодействие с соответствующими пограничными органами согласно со специальными инструкциями, имеющими целью сохранение безопасности и предупреждение ущерба, угрожающего общественным интересам;

е) взаимодействие с военными органами в области обороны государства.

По замыслу инициаторов создания, КПО должен был представлять собою формирование, принимающее значительное участие в обеспечении государственной безопасности в глубине страны, а не только на приграничных территориях. Поэтому КПО был также подчинен органам общественной администрации. Для борьбы с диверсией КПО кроме репрессивных методов применял специальную деятельность (разведку и контрразведку). Как уже ранее упоминалось, перед созданием КПО противодиверсионная разведка проводилась несколькими гражданскими и военными институтами. Во время создания КПО часть компетенции была передана его разведывательной службе. С 1 ноября 1924 года II Отдел Генштаба ликвидировал собственные подразделения противодиверсионной разведки, передавая имеющиеся средства и агентурную сеть работникам разведки КПО.

Однако Корпус пограничной охраны не был в состоянии справиться со всеми задачами в сфере разведки и контрразведки. Сначала его подразделения были полностью задействованы в проведении усмирительных и репрессивных акций в отношении партизанских и саботажных групп, состоявших из числа местных жителей. Со временем вместе с формированием организационной структуры создавалась система разведывательной службы. Во главе КПО стоял командующий (ген. Х. Минкевич), которому подчинялись непосредственно командиры бригад, а им – командиры батальонов. Эти последние являлись старшими начальниками всех подразделений, дислоцировавшихся в зоне деятельности батальонов. В 1924–1927 годах было организовано в 4 этапа Командование КПО, в состав которого вошли:

- 6 бригадных командований (Гродно, Вильно, Новогрудок, Полесье, Подолье, Воынь),
- 2 полубригадных командования,
- 29 пограничных батальонов,
- 20 эскадронов кавалерии,
- дивизион жандармерии.

Первоначально разведывательный сектор КПО находился под надзором и руководством Министерства внутренних дел. Проект организации разведывательной службы в КПО был утвержден МВД 3 февраля 1925 года. Она финансировалась из бюджетных средств МВД. В то же время влияние на направления деятельности разведывательных органов КПО имели, кроме Департамента безопасности МВД, II Отдел Генштаба и его территориальные подразделения: отделения и СИР КОК. Мероприятия из сферы борьбы с иностранным шпионажем и диверсией надлежало согласовывать с СИР КОК и органами политической полиции. В то же время полученную информацию по вопросам разведки КПО должен был передавать соответствующим органам II Отдела. Разведывательным подразделениям КПО следовало оказывать всяческую помощь агентам военной разведки, особенно при переходе через границу. Согласно с принятой организационной схемой в штабе Командования КПО был создан разведывательный орган в качестве самостоятельного реферата, во главе которого стал капитан Базили Роговский. В штабах бригад и батальонов были введены должности офицеров разведки. Они проводили основную оперативную работу, вербуя агентов и осведомителей, а затем сотрудничали с ними. За работу Разведывательной службы ответственным были Командующий КПО и командиры отдельных пограничных отрядов (бригад и батальонов). В 1926 году разведывательный аппарат насчитывал 32 офицера. Он выполнял, прежде всего, задачи из сферы неглубокой пограничной, противодиверсионной разведки и политической контрразведки.

Наступательная разведка ограничивалась до пограничной полосы соседних государств на глубину около 50 км. Руководство II Отдела рассчитывало на значительное участие разведывательных органов КПО в работе неглубокой разведки наступательного характера на советской территории. Было такое мнение, что рациональное сотрудничество КПО с восточными отделениями II Отдела должно было принести положительные результаты. В этих целях руководитель II Отдела назначил в обоих отделениях офицеров связи, ответственных за развитие этого сотрудничества. В отделении № 1 в Вильно эти функции выполнял подполковник Мысловский, а во Львов-

ском отделении – майор Шелиговский. На офицерах разведки в батальонах и бригадах КПО лежало бремя реализации поручаемых заданий отделениями II Отдела.

Главным препятствием, затрудняющим сотрудничество, являлась ограниченность финансовых средств разведывательных органов КПО. Офицер разведки бригады располагал месячным фондом около 1000–1500 злотых и 70–80 долларов. В сравнении с финансовыми возможностями отделений II Отдела эти суммы были небольшими. II Отдел не осуществлял непосредственное руководство разведкой КПО, а также, не испытывая доверия к квалификации работников разведки КПО, не проявлял большого желания поделиться с ней собственными бюджетными средствами. Это являлось очагом конфликтов по вопросам компетенции. В апреле 1926 года прошла межведомственная конференция в Варшаве, на которой планировалось определить принципы сотрудничества КПО со II Отделом. Тогда было установлено, что вербовочной работой для потребностей отделений в приграничной полосе займуться исключительно разведывательные органы КПО. Авторы указанного решения рассчитывали на то, что благодаря этому будет устранена нездоровая конкуренция, имевшая место между обоими институтами после создания в 1924 году Корпуса пограничной охраны. Обе стороны конфликта полностью сознавали, что в течение двух лет личный потенциал КПО не использовался даже в самой малой степени.

Через несколько месяцев руководитель II Отдела в одном из писем с горечью констатировал: «Результаты этого сотрудничества до настоящего времени равны нулю. Принятый на конференции в апреле т.г. план и объем этого сотрудничества на практике оказываются невыполненными». Еще более радикальными были выводы инспектора армии Львов генерала Мечислава Норвид-Неугебауера, который в целях спасения польской неглубокой разведки против России требовал подчинения разведывательных органов КПО территориальным отделениям II Отдела. Согласно оценке генерала, подбор разведывательных кадров КПО был случайным и непродуманным: «Как правило, офицеры разведки КПО являются очень неопытными молодыми людьми и совсем не ориентируются в работе разведки и контрразведки. Они не имеют никакого понятия о разведывательной работе, хотя против них выступают преимущественно очень искусственные силы ГПУ... У меня складывается такое впечатление, что вообще на эту работу подбирают самых слабых офицеров».

Менее критической была оценка руководителя отделения № 5 во Львове, который прекрасно понимал, что с таким трудным

противником, как советская Россия, практически невозможно в сжатые сроки и с помощью неопытных кадров добиться результатов в разведывательной работе. В таких вопросах были необходимы помощь и руководство опытной структуры, какой являлся II Отдел Генштаба: «Те офицеры (КПО. – Прим. А.М.), преимущественно очень молодые люди по возрасту и опыту, оказавшиеся практически никем не руководимые и предоставленные самим себе, в качестве офицеров разведки не смогут работать. С учетом поговорки, что никто не может быть судьей в своем деле, трудно требовать достижений от молодого офицера разведки КПО, который пытается представить какие-либо результаты своему начальству, чтобы оно объективно могло оценить, насколько подходит данный человек к использованию отделением и принесет ли он пользу общему делу. Однако при большой потребности в людях можно остановиться не на самом лучшем».

Поэтому военная разведка еще раз представила свои предложения, касающиеся сотрудничества с разведывательной службой КПО:

- руководители отделений ставят офицерам разведки батальонов и бригад КПО задачи в области наступательной разведки;
- весь разведывательный материал по наступательной разведке должен направляться в отделения;
- обязанностью офицеров разведки КПО станет поиск и передача отделениям агентов, подходящих для использования в качестве курьеров и секретных сотрудников, имеющих возможность устанавливать контакты в зоне глубокой разведки;
- задачей разведки КПО является переброска через границу агентов и их доставка в отделения при возвращении из России.

Перечень предложенных изменений был внесен отделением № 5 во Львове. В нем предлагалось изменение системы разведывательной работы органов КПО.

Майор Шелиговский выступил с таким предложением: в рамках неглубокой разведки отказаться от услуг контрабандистов, которые являлись основой агентурных кадров КПО. Лишь в случае наличия постоянных возможностей воздействия на них (напр. шантаж) разведка могла давать контрабандистам задания в России. Эта рекомендация вытекала из трудностей в разведывательной работе на советской территории, а также в силу сомнений в лояльности контрабандистов. Очередное предложение заключалось в исключении посредников (иногда очень дорогих) в процессе подхода к источникам информации. Одновременно предлагалось постараться усвоить, что главной целью работы специальных служб является так назы-

ваемая документальная разведка, т.е. добывание оригиналов или копий документов, принадлежащих институтам, находящимся на территории противника. Принятие предложений II Отдела позволило бы разведке КПО очистить ряды секретных сотрудников и агентов от личностей, не представляющих оперативной ценности и в то же время отягощающих разведывательный фонд.

Изменения системы работы стали необходимы, когда в 1926 году председатель Совета министров принял решение о размещении на границе с Литвой и Латвией сил КПО (6-я бригада). Очень правильно в новом проекте утверждается: «Необходимость соблюдения договора Польши с Латвией требует специальной деликатности в нашей разведывательной работе, которая не может быть ни в коем случае расшифрована». Основной задачей разведывательных органов КПО должно быть:

- наблюдение за деятельностью литовской, советской, немецкой разведок, литовских националистических деятелей, коммунистов и контрабандистов;
- разведывательное проникновение на территорию Ковенской Литвы, России и Восточной Пруссии;
- ослабление антипольской деятельности Литвы на территории Латвии.

Планировалось также создать законспирированные разведывательные пункты в самой Латвии. В Джвиньске был создан такой пункт в книжном магазине О. Юхновича, в Крысловичах польским агентом являлся руководитель филиала государственного банка, бывший офицер латвийской армии. Другие проблемы появились при размещении сил КПО в 1927 году на границе с Румынией, являвшейся союзным и дружественным государством. Офицер разведки 25-го батальона КПО получил указание поддерживать близкий контакт с румынской пограничной охраной.

Нескольколетний опыт разведывательной службы, организационное развитие и повышение профессиональных требований вызвали основательное преобразование системы разведки КПО. 15 июля 1929 года вышли положения, касающиеся организации разведывательной службы КПО, подписанные новым Командующим КПО генералом Тессаро (кандидат Пилсудского на этот пост). «Теперь господин маршал перешел к вопросам КПО и сказал: у Вас будет в качестве Командующего КПО Тессаро. Он сильный и твердый человек и здесь, в Центре, не испортится».

Тогда были определены новые задачи для разведывательного сектора КПО:

- проведение наступательной разведки и контрразведки;
- слежка и борьба со шпионажем, а также различными диверсионными действиями в пограничной полосе;
- борьба с контрабандой;
- изучение националистического и общественно-политического движения, а также проведение политической контрразведки в пограничной полосе;
- охрана военной тайны в подразделениях КПО.

Таким образом, задачи были расширены и, прежде всего, конкретизированы в отношении потребностей военной разведки. Организационная структура разведывательного сектора в результате проведенных изменений в 1929 году представляла собой следующее:

- центральный орган – самостоятельный разведывательный реферат Командования Корпуса – начальник майор Ян Ласковский;
- информационные референты командования бригад;
- информационные референты командования полков;
- информационные референты командования батальонов;
- разведывательные отделения.

Должности референтов в бригадах КПО в 1929 году занимали:

- бригада Гродно – пор. Хенрик Лескевич;
- бригада Вильно – вакансия;
- бригада Новогрудок – вакансия;
- бригада Полесье – капитан Мечислав Островский;
- бригада Подолье – капитан Казимеж Шчербиньский;
- бригада Волынь – вакансия.

В силу упразднения штатной единицы информационного офицера во всех батальонах в 1929 году такие функции исполнялись только в следующих батальонах:

- 23-й – место расп. Олькенники – пор. Бронислав Бронь,
- 19-й – место расп. Турмонты – пор. Войчех Липиньский,
- 3-й – место расп. Кожец – пор. Эдвард Забельский,
- 11-й – место расп. Оструг – кап. Миколай Сукневич,
- 12-й – место расп. Подволочыска – пор. Вычеслав Томасик,
- 14-й – место расп. – пор. Тадеуш Данецкий.

По замыслу новых положений основная тяжесть разведывательной службы ложилась на разведывательные отделения как самостоятельные органы, независимые от линейных частей КПО. Это была достаточно радикальная попытка изменения системы работы разведки КПО, основывающаяся на создании отдельных работоспособных отделений с небольшим кадровым составом. Они почти никогда не были полностью укомплектованы, и их численность составляла 7–10 человек. При-

нимая во внимание среднюю численность отделений, разведывательные силы КПО можно оценивать на 100 работников разведки.

В 1929 году были созданы следующие отделения:

- № 1 Сувалки – вакансия,
- № 2 Вильно – капитан Юзеф Сивковский,
- № 3 Глембоке – поручик Петр Чекальский,
- № 4 Вилейка – поручик Франчишек Новак,
- № 5 Столпце – капитан Юзеф Херzog,
- № 6 Лахва – капитан Мечислав Островский,
- № 7 Рокитно – капитан Гелен,
- № 8 Здолбунов – майор Эдминд Старк,
- № 9 Чорткув – капитан Марчик Томашевский.

В результате многолетнего давления со стороны военных властей было принято решение о подчинении отделений КПО в разведывательном отношении отделениям II Отдела: № 1–6 – отделению № 1 в Вильно, № 7–9 – отделению № 1 во Львове, а в контрразведывательном плане они подчинялись самостоятельным информационным рефератам КОК: отделения № 1–4 – СИР КОК III Гродно, отделения № 5–6 – СИР КОК IX Брест-над-Бугом, отделения № 7–8 – СИР КОК II Люблин, Отделение № 9 – СИР КОК XI Львов.

Начатая в 1929 году реформа разведывательной службы КПО была продолжена в последующие годы. 17 января 1931 года Командующий КПО генерал Кручевский дал указание о проведении реорганизации разведывательного центра. Вместо самостоятельного разведывательного реферата был создан Отдел пограничной службы, который стал центральным разведывательным органом. Первым руководителем этого отдела стал майор Тадеуш Скиндер. В результате изменений в 1931 году отдел Пограничной службы подвергся расширению. В него входили следующие рефераты:

- пограничной службы – капитан Ян Герберт-Хейбович,
- борьба с контрабандой – вакансия,
- общий – пор. Станислав Олехович,
- контрразведывательный – капитан Вацлав Галиньский,
- ведение учета и анализа – капитан Эдмунд Галинат.

В 1931–1933 годах на восточной границе были созданы очередные 2 отделения: № 11 «Воложин» в Ивенеце и № 12 «Слободка» в Браславе. Кроме того, в батальонах и полках КПО расширился кадровый состав разведки КПО. В этот же период была введена штатная единица «ответственного офицера» разведки при Центральной школе младших командиров КПО в Осовце. Он подчинялся Отделу пограничной службы и в его

компетенцию входило разведывательное наблюдение территории крепости Осовец, Райгорода, Граева, Янувки, южной части Аугустовского района.

Однако по-прежнему не был решен самый существенный вопрос – служебного подчинения разведывательных отделений КПО. Они по-прежнему имели двойное подчинение: отделу Пограничной службы и территориальным органам II Отдела (отделениям и СИР). Это вызывало много недоразумений и конфликтов в вопросах компетенции. Поэтому руководство КПО и Главный штаб ВП приняли решение о проведении очередного этапа реформы разведывательного сектора. Генерал Е. Крушевский начал реализовывать идею создания разведывательного центра, который руководил бы совокупностью работ восточной неглубокой разведки. Эта концепция была вполне обоснованной. 19 октября 1933 года принимается решение о передаче отделений II Отдела – № 1 в Вильно и № 5 во Львове – в распоряжение Командования КПО. II Отдел сохранил за собой только надзор над разведкой КПО в области контроля выполнения разведывательных задач.

Отдел пограничной службы был переименован в Руководство разведки КПО, одновременно исключен из состава Командования КПО и наделен большой самостоятельностью действий. Таким образом, Руководство разведки КПО стало разведывательным центром на восточных рубежах РП в соответствии с положениями генерала Крушевского.

Проведенные в 1931–1933 годах реформы вызвали принципиальные изменения в системе разведывательной службы на востоке. С одной стороны, несмотря на множество замечаний о компетенции и искусстве работников разведки КПО, все равно было принято решение о возложении полного руководства акциями специальных служб на этой территории на КПО. С другой стороны – исключение из организационной структуры КПО руководства разведки и подчинение отделений II Отдела разведывательных отделений КПО являлись гарантией обеспечения влияния военных специальных служб на деятельность разведывательных органов КПО. На практике оказалось, что руководство деятельностью неглубокой разведки на востоке сосредоточилось в руках руководителя реферата «Восток» Разведывательного отдела II Отдела поручика Е. Незбжицкого. Это вытекало из его особой позиции в правительственной элите РП во второй половине 1930-х годов. Такую ситуацию подтверждают протоколы совещаний, проходивших в 1934 году в руководстве разведки КПО, на которых поручик Е. Незбжицкий выступал в роли арбитра.

После реорганизации в 1933 году численность разведывательных кадров возросла до 198 человек. В руководстве разведки работали 9 офицеров и 25 гражданских работников, а в отделениях – 39 офицеров, 33 сержанта и 92 разведчика. С 1935 года у руководителей разведки КПО было два заместителя. Эти функции исполняли капитан Ян Гурбский и капитан Хенрик Нитецкий. В 1934–1936 годах были ликвидированы 2 разведывательных отделения – № 11 «Воложин» (30 сентября 1936 года) и № 12 «Слобудка» (29 октября 1934 года).

В 1937 году проводились комплексная реорганизация структур и изменение формулы охраны восточной границы. В результате этого пограничные власти отказались от обеспечения охраны границы путем полного ее физического прикрытия и перешли на патрульно-разведывательную систему. Это изменение вызвало соответствующие последствия в области разведывательной работы КПО. Согласно новым положениям, пограничные службы осуществляли посредственную и непосредственную охрану границы. Особенно большие усилия были направлены на этот первый элемент, который основывался, прежде всего, на получении полной информации о всех явлениях и событиях на приграничной территории. В такой ситуации все большее значение приобретала разведывательная деятельность, которую в ограниченных пределах должен был проводить весь личный состав КПО.

Существовавшие до этого концепции касались четкой разведывательной деятельности, проводимой совместно со II Отделом. К одной из главных задач разведывательного сектора КПО относилась также борьба с контрабандой. Применение оперативных методов в борьбе с контрабандой создавало возможность занятия господствующего положения в этом преступном сообществе. Приобретение агентов среди контрабандистов, создание разведывательной сети и применение оперативного наблюдения позволяли предвидеть и предупредить множество контрабандистских акций. Как справедливо утверждает Х. Доминичак: «Тогда появилось почти не существовавшее до сих пор в деятельности КПО понятие доказательной контрабанды как результата работы разведывательных органов Корпуса». Угроза от контрабандной деятельности на востоке была огромной. КПО обеспечивал безопасность границы с 5 соседями РП. Каждый участок границы отличался своей спецификой контрабандистской деятельности. На польско-советской границе преобладала контрабанда через «зеленую границу». На польско-литовской границе мы имели дело с государственной контрабандой. Она носила индивидуальный и организованный

характер. Эту последнюю осуществляли преимущественно контрабандистские группы, имевшие специальную организацию и наработанную технику.

В это же время пограничные службы задержали следующее число контрабандистов: 1933–1934 годах – 671; 1934–1935 – 1225; 1935–1936 – 1303; 1936–1937 – 985; 1937–1938 – 682 человека.

Таблица 12

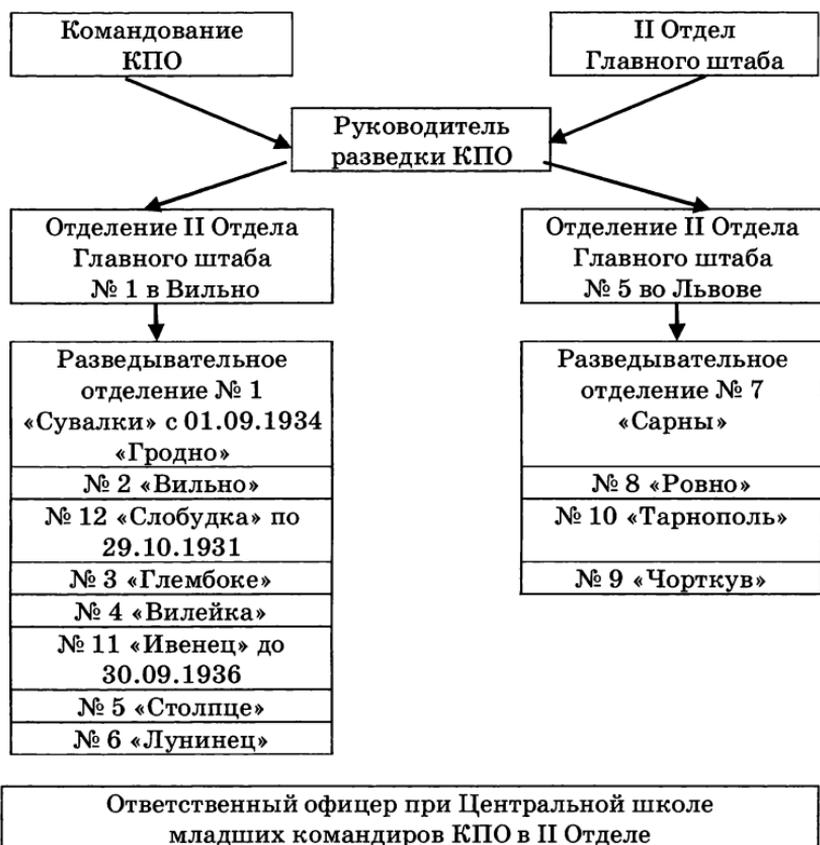
Стоимость задержанной контрабанды в 1933–1938 годах
(в злотых)

Отчетный период	Граница		
	польско-прусская	польско-литовская	польско-латвийская
1933-1934	17 557,31	37 442,69	6167,73
1934-1935	8436,42	91 600,43	8666,34
1935-1936	34 358,16	251 376,84	7624,74
1936-1937	13 346,00	191 706,50	9333,10
1937-1938	26 778,00	35 507,00	-

Еще одной сферой деятельности разведывательных служб КПО была инфильтрация политической и общественной жизни в восточных районах. Несмотря на то что эти вопросы находились в компетенции гражданских органов службы безопасности (политического сектора Государственной полиции), КПО проявлял интерес к случаям нелояльного поведения в отношении польского государства среди представителей национальных меньшинств. На основе сообщений и информации, получаемых оперативным путем, Руководство разведки КПО составляло списки лиц, «представляющих угрозу для польской государственности». На их основании КПО намеревался выселить этих лиц с пограничной территории. Такая инициатива вызвала критику как Политического департамента МВД, так и II Отдела, которые полагали, что эти действия не смогут решить данную проблему.

По прошествии многих лет разведывательным кадрам КПО предъявляются обвинения в отсутствии опыта и подготовки к работе в специальных службах. Большинство из них имело очень богатую боевую практику. Почти все офицеры старшего возраста принимали участие в сражениях на различных фронтах Первой мировой войны. Многие из них прошли службу в легионах. Правда, только немногие имели какую-нибудь разведывательную практику, но почти все хорошо знали специфику общественной и политической обстановки восточных ре-

Новая организация работы разведывательной службы
в восточных районах

гионов, т.к. принимали участие в сражениях с украинцами в 1918–1919 годах и в польско-советской войне (1919–1921). Офицеры младшего возраста преимущественно имели военную подготовку (школа младших командиров), полученную в независимой Польше. Переход на работу в разведку из воинских частей армии и КПО для линейных офицеров являлся продвижением по службе. Сначала их направляли прямо на службу в разведывательные органы КПО. Офицеры, получавшие наилучшие результаты в ходе этой практики, направлялись на 4–9-недельные разведывательные курсы, организуемые II Отделом. В 1933 году в руководстве КПО был создан реферат подготовки, который пытался организовать собственную систему разведывательного обучения. Она предусматривала 3 фазы обучения. В ходе занятий совершенствовались позна-

ния в аналитической и оперативной работе, а также в русском языке. Программой предусматривалось прохождение практики на должностях офицеров разведки в период летних учений оперативных войск. Ежегодно проходили обучение от 10 до 20 офицеров.

Во второй половине 1930-х годов высшие офицеры разведывательной службы КПО начали занимать руководящие должности в органах военной разведки. Подтверждением этого было занятие ответственной должности руководителя Разведывательного отдела II Отдела Главного штаба подполковником Тадеушем Скиндера, работавшим до этого руководителем разведки КПО, после эту должность принял капитан Гурбский.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОЛИЦИЯ ВО II РЕСПУБЛИКЕ

Глава I

Создание и организационное развитие служб политической полиции в 1918–1939 годах

Только в утопических видениях идеального мира можно вообразить себе государство без армии, полиции и информационных служб. Ни в одном государстве, в котором происходит борьба за власть, не может не найтись места для специализированных полицейских органов, занимающихся контролем политической жизни. Главной их задачей является охрана существующего правового и политического порядка. Между уровнем внутренней стабильности государства и ролью и силой его органов политической полиции всегда существует зависимость. Возрастание общественных волнений вызывает усиление компетенции защитных служб и, наоборот – успех в общественной политике ставит под вопрос смысл существования и развития специальных служб.

Кроме этих главных и объективных обусловленностей, на форму и образ полицейских органов в межвоенной Польше влияло много субъективных факторов, характерных для польской политической действительности и национальных традиций. II Республика возродилась после многолетней государственной неволи. Захватчики разными средствами боролись с любыми тенденциями к независимости, используя собственные полицейские органы. Это приводило к тому, что в сознании поляков ненавистный агент царской охранки, прусской или австрийской тайной полиции стал символом врага польской национально-освободительной мысли. По этой причине общественное мнение относилось с недоверием и неодобрением к попыткам создания основ тайной политической полиции в независимой Польше. Характерными являются слова Главного коменданта полиции Марьяна Божецкого, сказанные на одном из служебных совещаний, когда он вспомнил, что сразу после появления политической полиции ее существование тщательно скрывалось от общественности как что-то стыдливое и вызывающее отрицательную реакцию как внутри государства, так и за его пределами. Опасение вызывали попытки использова-

ния этих органов (напр., Разведывательного бюро Министерства внутренних дел) в чисто партийных целях. Период образования II Республики – это время острой борьбы между партиями, представлявшими противоположные политические ориентации. Поэтому при создании политической полиции соблюдалась большая осторожность. Другим препятствием, теперь в организационном плане, было полное отсутствие кадров, подготовленных к такому виду полицейской службы. При подборе кадров старались избегать устройства на работу бывших сыщиков царской охранки и немецкой тайной полиции, учитывая чрезмерно болезненную реакцию общественного мнения по этому вопросу. Однако главной причиной создания такой, а не другой, службы контрразведки были угрозы для молодой власти в возрожденном польском государстве.

С 1918 года коммунизм (в любой форме) и сепаратистские тенденции национальных меньшинств составляли главную сферу деятельности политической полиции, а различные формы такой деятельности (коммунистической и ирредентистской) означали измену государству и были наказуемы законом. Борьба с коммунизмом была санкционирована законодательными положениями, содержащимися в кодексах и нормативных актах. Уже 2 января 1919 года премьер Енджей Морачевский издал указ о принципах введения чрезвычайного положения, в котором был сформулирован целый ряд полномочий полиции в специфических ситуациях. Одновременно с этим представители легальных политических партий неоднократно предлагали в Сейме свою помощь в борьбе с коммунистическим движением и сепаратистскими тенденциями национальных меньшинств.

Только после этих вступительных объяснений можно приступить к вопросу организации политической полиции во II Республике. Она несколько раз основательно реорганизовывалась. Можно выделить 5 этапов развития полицейской службы, а именно годы 1918–1919, 1919–1923, 1923–1924, 1924–1926, 1926–1939.

В первом периоде, предшествовавшем созданию централизованной службы порядка – Государственной полиции с единым органом политической контрразведки, существовало много независимых друг от друга организаций, занимавшихся вопросами контрразведки. Уже во время существования Регентского совета министр внутренних дел Е. Стецкий начал формирование подобия политической полиции в виде Отдела корреспондентов. Этот отдел, созданный в рамках административной секции Министерства внутренних дел, состоял

из 33 работников, действовавших на территории земель, оккупированных войсками центральных государств. Он занимался сбором информации о различных проявлениях общественной и политической жизни (особый упор делался на наблюдение за деятельностью левых партий). Среди первых работников Отдела корреспондентов доминировали лица, которые не имели никакого опыта работы в специальных службах и были тесно связаны с правыми политическими партиями. Именно поэтому им не удалось добиться конкретных успехов. В связи с этим также в октябре 1918 года вместо Отдела корреспондентов было создано Разведывательное бюро МВД, во главе которого стал офицер жандармерии подпоручик Мечислав Скрудлик. Этот орган должен был заниматься: обеспечением поступления министру внутренних дел информации о политическом и общественном движении в стране; надзором над политическими группировками и лицами, которые представляют угрозу для государства (коммунистами); подготовкой и обучением кадров политической полиции.

Для реализации этих задач бюро сначала располагало месячным фондом в размере 13 тысяч, а позднее 20 тысяч немецких марок. Это позволяло трудоустроить около 30 человек. Руководитель бюро благодаря своим амбициям и стараниям создал современную разведывательную службу, главной целью которой было выявление и пресечение различных форм коммунистической деятельности на польской территории. Это вытекало из опасений польских правых сил возникновения социальной революции подобной российской. Разведывательное бюро состояло из двух звеньев. Одно представляло Центр с руководителем (Тадеуш Костецкий) и его заместителем во главе. В распоряжении Центра находились канцелярия (Клеменс Петрашевский), архив (Регина Новерская) и самое важное подразделение, руководящее работой агентуры. Этот последний отдел состоял из 3 отделений, которыми руководили Ян Завиша, Адам Хростовский и Ежи Кохановский. Второй сектор бюро представляли провинциальные (территориальные) посты, размещенные в следующих городах: Радом (Ян Форыщ), Плоцк (Марьян Дорошкевич и Эдмунд Масальский), Замощ (Тадеуш Прушко), Люблин (Вацлав Янунантис), Краков (Тручковский), Жирардув (Ткач), Новорадомск (Стефан Павловский), Опатув и Домбровский бассейн. Кроме того, в Берне (Швейцария) функционировал заграничный пост, руководимый Тадеушем Борковским.

Основной задачей постов являлось приобретение осведомителей, благодаря которым поступала политическая информа-

ция, касающаяся данного региона. Для повышения результативности работы со временем была учреждена служба связи между Центром и региональными постами. Кроме названных организационных подразделений еще существовал Летучий отряд, предназначенный для выполнения специальных задач и руководимый Мачеем Величко.

Вся организационная структура и деятельность Разведывательного бюро была глубоко законспирирована. Например, действовало положение, запрещающее пользоваться служебными удостоверениями. В докладах и сообщениях употреблялись исключительно псевдонимы. Секретный характер работы Разведывательного бюро, огромные возможности инфильтрации политической жизни способствовали тому, что правые силы, особенно Демократическая партия, попытались овладеть этим институтом через своих людей. В то же время политические группировки, выступавшие против «Народной демократии», старались ограничить компетенцию или даже ликвидировать Разведывательное бюро. В архивных материалах сохранились письма М. Скрудлика, защищавшего обособленность и отстаивавшего необходимость существования такого института. Он предлагал сохранить бюро или переподчинить его Президиуму Совета министров. Однако разного рода аферы лиц, связанных с бюро, например, таких как начальника I Отделения Ян Завиша, бывшего провокатора царской охраны и известного мошенника, вызывали негативные явления, престиж и значение бюро понизились. Это привело к ликвидации Разведывательного бюро МВД 1 апреля 1919 года. Такой результат являлся одним из успехов бельведерского лагеря в политической борьбе с народными демократами.

Вместо Разведывательного бюро в МВД был создан Информационный отдел, который должен был стать информационным центром на всей территории Польши. В противоположность ликвидированному Разведывательному бюро Информационный отдел представлял интересы лагеря пилсудчиков. В нем были организованы специализированные внутренние подразделения, которые занимались прослушиванием телефонных переговоров и негласным просмотром корреспонденции. Их работой руководил Хенрик Кораб-Кухарский. Информационный отдел МВД делился на рефераты, из которых один осуществлял борьбу исключительно с так называемыми организациями с крайними взглядами, или коммунистическими. Кроме информационной деятельности, проводимой Министерством внутренних дел, в 1918–1919 годах политическую контрразведку проводили: Разведывательный

отдел Командования народной милиции и Инспекторат политической контрразведки, существовавший в рамках Главной инспекции городской полиции. В то же время важную роль в области внутренней контрразведки играли военные институты, особенно в период интенсификации военных действий на рубежах польского государства. Тогда этого рода задачи выполняли II Отдел Верховного командования Войска Польского, II Департамент Министерства военных дел и специальные органы военной жандармерии, полевые и находившиеся в тылу страны.

Используя достижения и опыт этих служб, после создания Государственной полиции в июле 1919 года началась работа по организации в ее составе политической полиции. Как уже упоминалось, по разным причинам ее существование окружала полная секретность, и поэтому крайне трудно определить время и способ создания этого сектора в полиции. Единственная информация на эту тему имеется в циркуляре Главного коменданта ГП от 16 октября 1919 года, в котором написано: «Вопросы политического характера будут входить в компетенцию Инспектората политической контрразведки. Все вопросы, направляемые в V Отдел и Иц, следует направлять в ГК ГП (Главную комендатуру Государственной полиции) в Инспекторат ПК (Инспекторат политической контрразведки)». Из этой лаконичной заметки следует, что еще раньше, 16 октября, политические вопросы находились в сфере компетенции определенных органов Государственной полиции. Скорее всего, ими занимались Отделы V и Иц, хотя до сих пор отсутствуют подробные данные о структуре и характере этих полицейских подразделений. Таким образом, на основании вышеизложенного нельзя согласиться с мнением, что создание Инспектората политической контрразведки было началом существования политической полиции в рамках Государственной полиции. На это указывает также высказывание, сделанное через несколько лет после этих событий руководителем полицейской контрразведки Марьяном Сволкенья: «Если бы политическая полиция в момент сразу после своего создания в 1919 году не столкнулась в августе с негативной оценкой, то тогда удалось бы создать аппарат на самом высшем этическом и профессиональном уровне».

В новое подразделение, вероятно, попали лица, работавшие ранее в Информационном отделе МВД. Инспекторат политической контрразведки представлял собой автономное подразделение Главной комендатуры ГП, подчинявшееся в общем Главному коменданту, а в профессиональных вопросах – ру-

ководителю секции общественной безопасности и прессы МВД. Главной задачей Инспектората было проведение результативной борьбы со шпионажем и коммунизмом. Однако Инспекторат не располагал какой-нибудь сетью подчиненных себе территориальных органов. Военные органы по-прежнему играли руководящую роль в инфильтрации и борьбе с коммунистическим движением и иными антигосударственными акциями. Причиной более низкого уровня работы Государственной полиции по отношению к военным органам было отсутствие профессиональных полицейских кадров. Подразделения военной контрразведки располагали в то время наиболее подготовленным личным составом и соответствующими материальными средствами.

В период с октября 1919 года по август 1920 года в организации политической контрразведки, называемой также полицейской контрразведкой, не произошло никаких существенных изменений. Через год после реорганизации ее задачи на территории выполнялись работниками следственной полиции в следственных отделах и отделениях. Можно сказать, что военные власти не проявляли заинтересованности в развитии и помощи гражданской политической полиции. Только в августе 1920 года было упорядочено устройство органов полицейской контрразведки. Результатом этого стало создание ее отдельного сектора, определенного названием «Отдел IVD», который располагал своими подразделениями на каждом организационном уровне Государственной полиции. В служебной инструкции, изданной в августе 1920 года, было положение о создании вместо Инспектората Отдела IVD ГК ГП, на уровне воеводства – отделения Отдела IVD, а также в зависимости от потребности небольших подразделений – агентств Отдела IVD.

Отделения должны были выполнять вспомогательную роль по отношению к центру. С помощью наблюдения и выведывания ими осуществлялся сбор информации о подозреваемых лицах и организациях. Результаты этих действий немедленно направлялись в виде сообщений и отчетов в центр. При всех окружных комендатурах ГП были созданы отделения во главе с начальниками. Кроме того, личный состав отделения представляли: заместитель начальника, секретарь и одновременно начальник канцелярии, служащие канцелярии и сотрудники внутренней службы. Эти последние выполняли все гласные служебные действия: обыски, допросы и расследования. Существование и деятельность отделений были строго законопирированы, и поэтому все вышеназванные сотрудники, осу-

ществляя официальные действия, не разглашали того, что они являлись работниками контрразведки.

Фактическую информационную работу выполняли сыщики, поделенные на группы из нескольких человек. Во главе этих групп стояли начальники секций, выполнявшие функции «передатчиков» указаний от начальников отделений. Работа сыщиков (агентов) основывалась на приобретении информаторов (конфидентов), а затем на сотрудничестве с ними в целях получения оперативных сведений об антигосударственной деятельности. За результаты своей работы конфиденты получали денежные премии, а в исключительных случаях им выплачивалось месячное вознаграждение. Однако оно не должно было превышать зарплату сыщиков, которые действовали вне полицейских учреждений таким образом, чтобы в отношении них не могло возникнуть подозрения о причастности к работе в политической полиции. По общеполицейским вопросам отделения подчинялись окружным комендатурам, а в сфере исполняемых функций получали указания непосредственно из центра – Отдела IVD или местных административных и судебных властей. Самыми небольшими подразделениями полицейской контрразведки были агентства Отдела IVD, действовавшие на территории района и зависившие в служебном отношении от начальника отделения, а также от административных и судебных властей. В то же время они не подчинялись начальникам учреждений общей полиции – районным комендантам.

17 ноября 1920 года вышла в свет так называемая дополнительная инструкция к положениям об организации следственных подразделений и Главной комендатуры ГП. Она содержала мероприятия по развитию августовских исполнительных положений. Прежде всего, в ней была установлена структура полицейской контрразведки – Отдела IVD ГК ГП. Согласно инструкции, Отдел IVD являлся специальным подразделением ГК ГП, возглавляемым начальником (Марьян Сволкень). К его задачам относилась, прежде всего, концентрация проверочных материалов, касающихся подозрительных лиц (с политической точки зрения) и общественно-политических организаций антигосударственного характера. Во внутреннюю структуру Отдела IVD входили: Регистрационный отдел, занимавшийся сбором и регистрацией персональных и вещественных материалов, касающихся преступлений политического характера; Информационный отдел (состоявший из 2 рефератов), который с помощью отделений проводил общегосударственный контроль за антигосударственным движением и всеми формами шпионажа; и Организационно-персональный отдел, обес-

печивавший правовую деятельность всех органов политической контрразведки на территории всей страны.

В августовской инструкции были обозначены только принципы функционирования территориальных подразделений Отдела IVD. В документе от 17 ноября указывались конкретные вопросы организационного и кадрового характера. Сотрудников контрразведки планировалось подбирать среди полицейских следственной службы, которые должны были после их изучения передаваться политической контрразведке. В следующем году продолжилось организационное развитие сектора IVD. В служебной инструкции от 2 июня 1921 года была определена внутренняя структура отделений. Внутреннюю форму этих подразделений должны были составлять рефераты: информационно-отчетный, регистрационно-следственный и административно-правовой. Согласно с принципами конспирации, первые 2 реферата являлись строго секретными, не располагавшими официально своими резиденциями и офисами. В то же время административно-правовой реферат, размещенный в окружной комендатуре, являлся подразделением, проводящим гласное расследование и следствие. Конечно же, сотрудники контрразведки во внешней среде выступали как работники окружной комендатуры Государственной полиции. Одновременно с этим отделения полностью вошли в состав окружных комендатур, становясь одним из подразделений тех же комендатур.

Агентства Отдела IVD, как органы самого низкого уровня, имели несложную внутреннюю структуру, основывавшуюся на делении на 2 оперативных реферата. Персонал занимался, прежде всего, инвигиляционной работой, основывавшейся на сборе информации и проведении изучения в отношении лиц, подозреваемых в шпионаже и иной подрывной деятельности. В исключительных случаях отделения направляли в эти агентства специальных служащих для оказания помощи в проведении работы по сложным и превышающим возможности полиции делам на уровне района. Агентства создавались не во всех центрах районной администрации государственной власти, а только в тех местах, где действительно антигосударственная деятельность угрожала общественной безопасности. Деятельность отдельных агентств охватывала несколько районов. Это вызывало сомнение в отношении служебного подчинения агентств. В конце концов, в 1921 году было принято решение о том, что руководящие функции над ними будет осуществлять комендант того района, в котором находится агентство. По профессиональным вопросам начальники агентств контак-

тировали непосредственно с отделениями. С учетом того, что во многих районах не было органов Отдела IVD, для проведения там контрразведывательной работы предназначались сотрудники общей полиции.

В своей работе «Полицейские репрессии против рабочего движения в 1918–1939 гг.» Е. Лавник отметил, что создание политической полиции берет начало в 1921 году. Как было установлено, этот сектор полиции возник в 1919 году. В 1921 году подошел к концу первый этап существования и деятельности политической контрразведки в рамках Государственной полиции. В этом самом году министр внутренних дел С. Довнар-ович сообщил депутатам Сейма, что, «понимая большую опасность, я одобряю необходимость применения чрезвычайных средств в борьбе с коммунизмом, наделение государственной администрации в этих целях специальными полномочиями». Марьян Сволкенъ во время одного из совещаний воевод сказал: «Только в 1921 году произошел поворот у административных и судебных властей к политической полиции, выражающийся в предложениях, направленных не только на поддержание, но и увеличение аппарата политической полиции». М. Божецкий на этом самом совещании добавил, что, наконец, было признано, что такая полиция существует и должна существовать, пора перестать рассматривать ее как что-то стыдливое.

23 марта 1921 года министр военных дел генерал К. Сосновский определил сферу деятельности органов военной разведки и контрразведки в мирное время, что означало передачу определенной компетенции в сфере информационно-контрразведывательной службы гражданским институтам (полиции и политической администрации). Годом позднее был издан совершенно секретный циркуляр № 12, устанавливавший принципы сотрудничества II Отдела Генштаба ВП с Государственной полицией. II Отдел и его территориальные подразделения ограничивали свою заинтересованность только вопросами, тесно связанными с военными делами и обороной государства. В таких условиях полицейская контрразведка становилась главным и основным субъектом в борьбе с антигосударственной деятельностью на территории всей страны. Это было связано с увеличением кадрового состава и директорского фонда.

В 1922 году произошли очередные изменения в организации отделений и агентств Отдела IVD. Они коснулись вопросов: переноса центра тяжести контрразведывательной службы с окружных ведомств на районные комендатуры, полной утраты исполнительной компетенции отделениями. Последние

стали в то же время органами, проводящими работу по сбору информации об индивидуальной и совместной инвигиляции, а также инструктированию подчиненных агентств в области допросов и политических расследований; по сбору материалов в отношении состояния безопасности в округе, контролю районных комендатур ГП в сфере компетенции Отдела IVD и обучению сыщиков; руководству важнейшими расследованиями или такими, которые охватывают несколько районов (в исключительных случаях).

Фактическая работа контрразведки стала сосредотачиваться в агентствах. В связи с этим отделения передали сыщиков в распоряжение отдельных агентств Отдела IVD. В новых условиях структура агентств не подвергалась изменениям, за исключением того, что те, которые действовали в воеводских городах и в Бендзине, с учетом большой угрозы политической преступности должны были иметь в своем составе административно-правовой реферат. Таким образом, они отличались в организационном и кадровом плане от иных агентств Отдела IVD.

Реализация указанных служебных положений способствовала созданию структуры подразделений политической полиции по всей стране. Сначала во главе был Инспекторат политической контрразведки, затем Отдел IVD ГК ГП. Функции руководителя центральных органов политической полиции исполнял Марьян Сволкенъ. Он был постоянно связан с органами политической контрразведки и разведки, сначала работая в МИДе, а затем в МВД. В вопросах контрразведки Сволкенъ всегда считался экспертом международного уровня. Иностранные службы безопасности часто обращались к нему за консультациями в силу его знаний и опыта, из-за того, что он был не только практиком, но также превосходным организатором специальных служб. Его заместителем весь период существования контрразведки являлся Альфред Барта. Только после декабрьских событий 1922 года Сволкеня уволили с должности начальника Отдела IVD ГК ГП, доверив ее временно подинспектору Хенрику Кавецкому. В 1922–1923 годах в Отделе IVD ГП работало много известных полицейских специалистов, занимавшихся инвигиляцией антигосударственного движения: Ф. Галиньский, Е. Шериньский, М. Ястшембский, К. Пенкала, Е. Савчын и Е. Пёнткевич. Их опыт сотрудники полиции использовали в течение всего межвоенного периода.

Труднейшей задачей являлось создание сети территориальных подразделений полицейской контрразведки в отдельных регионах. На территории Западной Малопольши полиция пользовалась советами и указаниями английской полицейс-

кой миссии, которая тогда там находилась. С учетом отсутствия кадров руководство старалось ограничить число агентств, которые планировалось создать только в местностях, имеющих значение для властей в политическом и экономическом плане. В тогдашнем понимании это правило касалось регионов, где часто возникали общественные волнения.

Сходно выглядел процесс организации контрразведки и на бывших оккупированных Пруссией землях. Директор Департамента Министерства внутренних дел бывшего района Пруссии в письме от 17 августа 1920 года признал, «что имеется необходимость создания централизованных контрразведывательных подразделений, сильных, соответственно размещенных, способных к овладению ситуацией при минимальном количестве работников. Поэтому деление территории деятельности отделения Отдела IVD на мелкие агентства и субагентства следует считать весьма неуместным». Специфика определения правового места бывшего Прусского района в возрожденном польском государстве повлияла на организационную модель контрразведки в Поморском и Познаньском воеводствах. Там были созданы окружные отделения, подчиненные окружным комендантам ГП и начальнику Отдела IVD ГК ГП. Однако после получения согласия Сволкена была создана должность инспектора Государственной полиции, координирующего деятельность Поморского и Познаньского отделений Отдела IVD, который подчинялся помощнику Главного коменданта ГП в бывшем Прусском районе.

В первый период существования подразделений контрразведки на территории всей страны они сталкивались со многими трудностями и препятствиями в своей деятельности. Окружные коменданты трактовали контрразведывательный аппарат как совершенно ненужные подразделения. По этой причине на служебных совещаниях высказывались предложения о ликвидации или ограничении значимости территориальных подразделений Отдела IVD. Отсутствие опыта у лиц, работавших в этих органах, обуславливало определенные недостатки в их деятельности, о которых становилось известно центральным властям. В 1921 году было отмечено, что контрразведка все больше втягивалась в процесс инвигилиации легальных политических партий. Министр внутренних дел категорически приказал прекратить такую практику и направить заинтересованность всех сотрудников исключительно на коммунистическое движение и организации, представлявшие интересы национальных меньшинств, и особенно немецкого, представители которого были часто замешаны в шпионской

деятельности в пользу немецкого государства. Поэтому полицейская контрразведка на западных рубежах государства также прикладывала большие усилия для выявления этого вида преступной деятельности. В этих целях 11 октября 1922 года в Торуне был создан Центр по немецким вопросам как четвертый реферат Торуньского отделения Отдела IVD. Это подразделение, состоявшее из 4 работников (под руководством асп. Л. Гальчынського), охватывало своей деятельностью 5 воеводств: Лодзинское, Познаньское, Краковское, Силезское и Поморское.

Деятельность агентств Отдела IVD доставляла много хлопот. Они были в кадровом отношении преимущественно небольшими, состоявшими из 4–8 сотрудников. Их часто обвиняли в том, что они не занимались конкретной контрразведывательной работой. Часть агентств не располагала широкой сетью конфиденентов. В иных из них фиксировалось полное отсутствие сотрудников. В таких условиях нельзя было достигнуть каких-нибудь успехов в контрразведывательной работе. Руководство полиции старалось найти выход из этого положения. Для сотрудников Отдела IVD был увеличен директорский фонд, а также систематически повышался уровень специального обучения сотрудников политической контрразведки. Для них организовывалось обучение в Центре, а также периодически проводились окружные курсы (осуществлялось обучение районных комендантов в области работы Отдела IVD). С самого начала политическая полиция рассматривалась как элита польской службы безопасности. Она должна была выделяться своей интеллектуальной, моральной и профессиональной подготовки на фоне всего полицейского корпуса. Для осуществления надежд высших властей в сектор IVD стали направлять на работу полицейских, отличившихся в профессиональной работе и соответственно образованных. В первом периоде руководство Отдела IVD делало ставку на кандидатов из числа лиц, проходивших службу в жандармерии и армии. На основе данных Поморского округа можно провести определенный анализ уровня образования и общественного происхождения, а также профессионального мастерства сотрудников контрразведки в этом округе. В своем большинстве они представляли римско-католическое вероисповедание и мелко-буржуазную среду. Среди них были книгоиздатели, редакторы, купцы, профессиональные военные, даже парикмахеры и молочники.

Согласно архивным данным, в январе 1923 года во всей стране проходили службу 928 сотрудников полицейской контрразведки, в том числе 718 рядовых полицейских. Они были

распределены по отдельным округам следующим образом: округ I – 25 человек, II – 63, III – 68, IV – 37, V – 51, VI – 129, VII – 56, VIII – 58, IX – 42, X – 39, XI – 61, XII – 50, XIII – 66, XIV – 43, XV – 60, XVI – 38.

Вместе с ежегодным ограничением бюджета Государственной полиции штат контрразведки, как и всего полицейского корпуса, подвергался постоянному сокращению. Однако руководство полиции принимало меры к тому, чтобы эти ограничения в возможно наименьшей степени касались сектора контрразведки, и временно прикомандировывали в отделения и агентства сотрудников следственной полиции и полицейских из общей полиции. Поэтому кадровое обеспечение контрразведки в отдельных округах в 1920–1923 годах поддерживалось на том же самом уровне. Например, в Поморском воеводстве кадровые изменения в эти годы были минимальными. В 1921 году – 46 человек, в 1922 – 45, в 1923 – 50 человек. Количество подразделений контрразведки постоянно изменялось. Вместе с организационным развитием в секторе IVD создавались новые структурные формы, не предусмотренные служебными инструкциями. По образу немецкой полиции были созданы пограничные пункты и контрольные станции сектора IVD, которые располагались преимущественно на восточной границе. Кроме того, в некоторых округах действовали субагентства, или контрразведывательные посты. В 1921 году была интересная попытка по созданию контрразведывательного отделения на территории Свободного города Гданьска. Оно должно было быть небольшим подразделением (5 человек), полностью законспирированным и непосредственно подчинявшимся Отделу IVD ГК ГП. В целом, по данным на февраль 1922 года, подразделения IVD представляли на всей территории страны 16 отделений и 64 агентства. Через год численность последних возросла до 79.

В 1923 году дело дошло до первой серьезной реорганизации политической контрразведки полицейской службы. Она начала проводиться под давлением государственной администрации, которая постоянно добивалась подчинения себе органов полицейской контрразведки на территории воеводств и районов. Руководители административных учреждений считали, что дуализм компетенций в вопросах общественной безопасности является вредным для системы устройства административных властей и интересов государства. Согласно их мнению, благодаря деятельности полицейской контрразведки дело постоянно доходило до ослабления авторитета власти, возникали компетенционные конфликты и имел место нездо-

ровый профессиональный антагонизм. Поэтому власти хотели включить органы политической полиции в структуру воеводских учреждений и администрацию староств. На самом деле политическая контрразведка в 1919–1923 годах стала самостоятельным сектором Государственной полиции с широкими профессиональными и компетенционными амбициями. Надзор административных властей над этими органами становился все более иллюзорным. Следует отметить, что имели место такие случаи, когда сотрудники контрразведки осуществляли негласное наблюдение за представителями государственной администрации и вторгались в политическую жизнь страны. Для общественного мнения поведение работников контрразведки во время президентских выборов и смерти Габриеля Нарутовича в декабре 1922 года было неоднозначным. Ухудшающаяся экономическая и общественная ситуация в стране, угроза возрастания активности коммунистов и стачечной деятельности рабочих поставили власть перед необходимостью совершенствования деятельности органов политической полиции.

26 апреля 1923 года премьер и заодно министр внутренних дел Владислав Сикорский, опираясь на предложения руководителей территориальных административных учреждений, издал положение об организации Информационной службы. Это был перелом с серьезными политическими и правовыми последствиями. Прежде всего, был ликвидирован весь сектор Отдела IVD, а вместо него появилась Информационная служба. В последующем она стала независимой от полицейских властей и была включена в структуру органов политической администрации в виде отделов или информационных агентств. «Революционность» этого изменения основывалась на том, что Государственная полиция перестала играть роль одного из субъектов, проводящих контрразведывательную деятельность. С этого момента все полномочия, касавшиеся направлений контрразведывательной деятельности, выбора методов и средств работы, а также администрирования, организации и обучения кадров Информационной службы оказались в компетенции политической администрации. Наконец, было принято решение конкретизировать сферу деятельности этого сектора службы безопасности. До сих пор много сотрудников территориальных органов Отдела IVD не совсем понимали, в чем заключается их работа. Это было вызвано отсутствием подробных положений, определяющих принципы и направления контрразведывательной деятельности. Согласно новым положениям, к задачам Информационной службы относились:

– наблюдение за всеми проявлениями в политической, общественной, национальной и профессиональной жизни и определение, насколько они угрожают строю или безопасности РП, а также информирование об этом властей;

– выявление и преследование политического и военного шпионажа, работа по которому должна строиться в тесном контакте с военными органами.

Здесь просматривается возврат к направлению работы Информационной службы, так как в новых условиях был сделан акцент не на репрессивные задачи, а на информационно-инвигиляционную деятельность. Во главе этой службы стал руководитель Информационной службы (Марьян Свалкенъ) как начальник Информационного отдела Департамента общественной безопасности Министерства внутренних дел. Отдел должен был заниматься сбором и анализом информационных материалов, полученных из территориальных органов Информационной службы. Окончательной целью являлось постоянное информирование министра об общественно-политической ситуации в стране и представление своих предложений и выводов в этой области. В воеводствах вместо отделений Отдела IVD были созданы информационные отделы, начальники которых подчинялись непосредственно начальнику отдела безопасности. Эти подразделения выполняли такие же задачи, как Информационный отдел МВД. Они делились на три реферата: организационно-кадровый, регистрационно-розыскной, общеинформационный.

В административных учреждениях первой инстанции были созданы информационные агентства, имевшие в основном исполнительные функции информационного характера. Работники этих агентств приобретали для работы конфидентов, которые впоследствии собирали информацию политического характера. Агентства выполняли 3 вида работ: информационную, инвигиляционную и исполнительную. Все информационные усилия были сосредоточены на уровне агентств. От результативности работы этих подразделений зависел успех всей Информационной службы. Поэтому она стремилась создавать их почти во всех районах. В выделенных городах Познаньского и Поморского воеводств (как, напр., Торунь или Грудзэндз), в которых административная власть принадлежала коммунальным органам, информационные агентства (охватывавшие своей деятельностью выделенные города) были подчинены районным старостам. На территории столичного города Варшава была другая организационная система органов Информационной службы. В столице один отдел объединял компетенции

воеводского Информационного отдела и функции агентства. В варшавском Информационном отделе функционировало два реферата: информационный и инвигиляционно-розыскной, но в то же время исполнительные задачи были переданы Следственному управлению Государственной полиции, в рамках которого сформировалась специальная бригада.

Кадры вновь созданной структуры представляли сотрудники ликвидированной политической контрразведки, которые автоматически были переведены в подразделения Информационной службы, но в то же время они по-прежнему числились в штате Государственной полиции. Многие начальники отделений и агентств Отдела IVD были назначены на руководящие должности в новых органах Информационной службы (С. Бушек в Краковском округе, А. Тарновский в Волинском, М. Лисовский в Поморском, Е. Пёнткевич в Варшавском). Кроме того, штаты в отдельных воеводствах не подвергались изменениям по сравнению с ситуацией перед апрелем 1923 года. Как уже ранее упоминалось, руководителем Информационной службы стал бывший начальник Отдела IVD ГК ГП Марьян Сволкенъ. Руководимый им Информационный отдел МВД состоял из 2 отделов – первый составляли рефераты: организационный, персональный, инспекционный, а регистрационно-розыскной отдел – чешский, белорусский, литовский, немецкий, коммунистический, профессиональный, национальный, легальных и других политических партий.

В территориальных органах также предпринимались меры для предметного разделения деятельности в меньшей или в большей степени. Например, в агентствах Поморского воеводства в общеинформационном реферате были выделены следующие проблемы: политическое, профессиональное, общественное движения, антигосударственная деятельность (коммунизм), немецкие проблемы, шпионаж и пограничное передвижение. Несмотря на небольшое количество штатных единиц, в агентствах принимались усилия для того, чтобы по каждой проблеме привлекать определенного сотрудника. Благодаря такому подходу руководство рассчитывало на рост эффективности контрразведывательной работы.

Несмотря на усилия организаторов Информационной службы, им не удалось создать агентства во всех районах. Исключением в масштабе страны явилось Любельское воеводство, где 31 декабря 1923 года любельский воевода дал указание создать такие подразделения во всех 19 районах. В районах, в которых не были организованы информационные агентства, их задачи выполняли органы общей полиции. Руководство

Министерства внутренних дел, помня о трудностях с обучением сотрудников политической контрразведки, с самого начала создания Информационной службы серьезно интересовалось этой проблемой. За уровень подготовки был ответственным один из работников Информационного отдела МВД, надкомиссар Антони Сакаж. В Главной полицейской школе был установлен принцип, что 20% мест слушателей резервировалось для сотрудников Информационной службы. В то же время в окружных школах для них также предназначалось 20% мест. Однако с учетом скудности финансовых средств руководству Информационной службы не удалось организовать специализированные курсы по контрразведывательной работе. Согласно новому организационному расписанию в штаты были введены высшие должностные лица Информационной службы, выполнявшие функции офицеров связи между агентствами и воеводскими информационными отделами, которым подчинялись территории, охватывающие несколько районов. Они, прежде всего, выполняли задачи инспекционного и координационного характера.

Информационная служба, несмотря на большие материальные и организационные затраты, не выполнила большинство возлагаемых на нее надежд. За короткое время ее существования накопилось много негативных явлений, главным результатом которых было снижение уровня работы политической контрразведки. Причиной этого было:

- отстранение органов Государственной полиции от фактического участия в проведении контрразведывательной деятельности;
- отсутствие ориентации учреждений политической администрации в общественно-политической ситуации страны;
- неудачное решение оставления сотрудников Информационной службы в полицейских штатах;
- отсутствие профессиональной и организационной подготовки политической администрации по вопросам ведения политической контрразведки.

В такой ситуации неотложной потребностью стало оздоровление гражданской службы безопасности, занимающейся политической контрразведкой. В этих целях 27 мая 1924 года состоялась конференция в Министерстве внутренних дел под руководством заместителя министра Дуткевича, в ходе которой было выдвинуто компромиссное предложение по разрешению проблемы организационного положения политической полиции. Она должна была вновь возвратиться в структуру Государственной полиции, и одновременно планировалось

преобразовать II Главную комендатуру в один из отделов Департамента общественной безопасности МВД. В конце концов, 16 июня 1924 года вышло в свет Положение об организации политической полиции. На основании этого положения Информационная служба была ликвидирована, а вместо нее образован сектор политической полиции. Характер реорганизации отчасти нес в себе только формальные изменения, так как кадры и компетенция Информационного отдела МВД принял в центре Государственной полиции вновь созданный V Отдел ГК ГП. На уровне воеводств компетенцию воеводских информационных отделов получили окружные отделы политической полиции, созданные при окружных комендатурах ГП. В то же время сотрудники информационных агентств были переданы в новые подразделения на уровне районов – в отделения политической полиции. Все перечисленные органы являлись неотъемлемой частью Государственной полиции. По многим параметрам политическая полиция напоминала организацию политической контрразведки, несмотря на то что имели место также и различия между этими двумя службами. Прежде всего, равно как начальник V Отдела ГК ГП, так и начальник отделения и начальник окружного отдела политической полиции исполняли обязанности заместителей руководителей учреждений общей полиции (ГК ГП, ВК ГП, РК ГП). Однако их полномочия, конечно же, касались только политической контрразведки. В то же время руководство ПП не планировало создавать отделения во всех районах, поэтому в районах, где отсутствовали подразделения политической полиции, ответственными по вопросам политического характера были районные коменданты ГП.

В инструкции «О методах проведения службы в сфере компетенции Политической полиции районными комендатурами ГП» обращается внимание на то, что специфика этого политического сектора заключается в проведении наблюдения за совокупностью общественно-политической жизни. Только в случае установления органами политической полиции преступных действий следует проводить изучение и проверку данного лица или политической организации. Благодаря этому политическая полиция имела право вмешиваться во все области общественных отношений юридических и физических лиц II Республики.

1 июля 1924 года вышло положение об организации центра политической полиции – V Отдела ГК ГП. Руководил им Марьян Сволкень. Он состоял из 4 отделов: организационно-персонального, инспекционного, общеинформационного, борьбы с преступностью. С учетом того, что политическая полиция была

полностью обособленным сектором ГП, вопросы организационно-хозяйственного характера этой службы были исключены из компетенции Главной комендатуры ГП. Два подразделения V Отдела организационно-персональное и инспекционное – занимались так называемой логистикой служб политической контрразведки. Непосредственно контрразведывательная работа находилась в ведении отделов информационного и борьбы с преступностью. Последний был разделен на несколько рефератов: коммунистическо-подрывной, украинский, российский, белорусско-литовский, немецкий, еврейский, чешский, профессиональный, прессы, союзов и легальных организаций, а также религиозных сект. Информационный отдел занимался сбором информационных материалов со всех подразделений политической полиции, ведением статистики и учетом политических выступлений на территории всей страны, конфиденциальным контролем поведения граждан иностранных государств в Польше.

V Отдел ГК ГП принципиально не принимал непосредственного участия в мероприятиях наступательной контрразведки. В исключительных ситуациях, по указанию МВД, сотрудники этого отдела вели дела большого политического значения (например, разработку дипломатов советской России в Польше). Во всех полицейских округах были созданы окружные отделы политической полиции (ООПП), начальники которых исполняли одновременно функции заместителей воеводских комендантов. Бюро ООПП были полностью законспирированы и размещались преимущественно в зданиях административных властей, а сыскные пункты часто функционировали под прикрытием торговых фирм. Внутренняя структура окружных отделов политической полиции опиралась на три реферата: организационно-расчетный, борьбы с преступностью и информационный. В зависимости от специфики условий в отдельных воеводствах окружные отделы могли иметь отличную от общепринятого порядка внутреннюю организацию. Например, в Поморском воеводстве использовалось разделение на 4 реферата: организационно-расчетный, политическо-профессиональный, борьбы с преступностью и национальный. В окружных отделах политической полиции работало преимущественно от 10 до 20 сотрудников и служащих. На уровне района также были созданы отделения политического полиции. По сравнению с числом существовавших до этих пор информационных агентств количество отделений стало меньше. В Любельском воеводстве отделения были созданы только в 5 городских центрах – в Белой Подляске, Хелме Любельском, Люблине, Ще-

дыцах и Замойщце. В то же время в Хрубешове, Радзыни, Влодаве и Томашове после ликвидации агентств не было организовано соответствующих отделений. Подобные организационные действия имели место и в иных воеводствах.

Главной задачей отделений был сбор конфиденциальной информации с помощью сыщиков и конфиденентов. Отделения не имели определенной внутренней структуры, но руководство, однако, стремилось поставить перед каждым сотрудником постоянные задачи (шпионаж, пресса, пограничное передвижение, политика, немецкие вопросы, подрывная деятельность, безработица, национальные меньшинства и специальные вопросы). Как уже упоминалось, в 1922 году полицейская контрразведка пыталась создать свое законспирированное подразделение на территории Свободного города Гданьска. Однако с учетом сопротивления МИДа и II Отдела Генштаба ВП полицейской контрразведке пришлось отказаться от этой инициативы. Однако 28 ноября 1924 года политической полиции удалось создать свое подразделение в Гданьске. Оно неформально подчинялось Генеральному комиссару РП в Свободном городе Гданьске на основании устного согласия министра внутренних дел.

В настоящее время сложно установить штаты и фактическую численность сотрудников, работавших в органах политической полиции, в масштабе всей страны. Воздержанность полицейских властей в предоставлении такого рода информации и неполный архивный материал позволяют только выдвигать определенные предположения. В Поморском воеводстве сначала работало 60 сотрудников и служащих, а в январе 1926 года их количество возросло до 69. Этот прирост произошел за счет откомандированных в политическую полицию способных полицейских из общей и следственной служб. В начале 1925 года была проведена проверка кадров политической полиции на предмет их профессионализма и морального состояния. Это вызвало естественное сокращение общей численности сотрудников политического сектора.

На основе данных от июня 1925 года можно утверждать, что по всей стране в органах политической полиции работало 654 унтер-офицера, или на 64 сотрудника меньше, чем во время существования политической контрразведки. Они были разделены следующим образом по отдельным округам: I округ – 18 человек, II – 33, III – 36, IV – 18, V – 27, VI – 114, VII – 27, VIII – 41, IX – 28, X – 30, XI – 40, XII – 32, XIII – 49, XIV – 54, XV – 42, XVI – 65.

Очень быстро после создания политической полиции дали о себе знать первые трудности в ее деятельности в виде конф-

ликов между органами этой полиции и иными государственными институтами: с органами II Отдела Генштаба ВП, с властями политической администрации и с общей и криминальной полицией.

В случае военной «двойки» они касались превышения компетенции обеими заинтересованными сторонами или нежелания тесно сотрудничать. Эта ситуация являлась проявлением естественной конкуренции между двумя институтами и сближения сферы компетенции. Среди правительственных кругов по-прежнему господствовало мнение, что военные органы имели лучшую подготовку для ведения борьбы с коммунизмом, чем гражданская служба безопасности.

Иного характера были недоразумения политической полиции с административными властями. Эти последние на основании служебных инструкций, изданных министром внутренних дел, имели полномочия руководить действиями политической полиции. Отсюда любые проявления самостоятельности и независимости этого сектора полиции вызывали неудовольствие руководителей территориальных учреждений государственной администрации. Наибольшее беспокойство вызывала работа отделений, потому что их сотрудники часто осуществляли деятельность без консультации со старостами и без их согласия. Например, в Торуне было принято решение об изучении и проверке секретаря городского староста без согласия старосты.

Больше всего конфликтов возникало во время взаимодействия политической полиции с общей и криминальной полицией. Привилегии контрразведки, основывавшиеся на предоставлении ей больших полномочий, отдельного штата и бюджета, вызывали негативное отношение к ней руководителей подразделений общей полиции. По этому вопросу Главный комендант ГП издал 29 сентября 1924 года циркуляр, в котором разъяснялось, что районный комендант осуществляет только общий надзор над отделениями политической полиции, не имея права вмешиваться в их рабочие дела. Районный комендант осуществлял только попечительство над пополнением кадрового состава, обучением и снабжением. В то же время он не имел права требовать получения информации о политической ситуации в районе и дисциплинарно наказывать сотрудников политической полиции.

Конфликты у политической полиции возникали также на воеводском уровне. Главная комендатура ГП издала много циркуляров и инструкций, нормативно закрепляющих принципы функционирования окружных воеводских отделов политической полиции и порядка установления отношений с воеводскими

комендатурами ГП. Однако с этими проблемами между двумя субъектами удалось полностью и окончательно разобраться. 10 июня 1925 года Главный комендант ГП в циркуляре № 111 распорядился: «Для обеспечения единообразия руководства внутри полицейского корпуса приказываю, чтобы вмешательство воеводских комендантов ГП имело место только в тех случаях, когда издаваемые начальником ОО ПП распоряжения расходятся с совокупностью полицейской жизни». Одновременно в целях усиления дисциплины политического сектора ГП было введено правило инспектирования органов политической полиции инспекторами воеводских комендатур. По всей видимости, руководству Государственной полиции не хватало последовательности в своих действиях. Оно часто бросалось из одной крайности в другую. Это углубляло антагонизм и конфликты между отдельными секторами ГП.

В начале 1925 года началась организованная кампания против существовавшей организации политической полиции. В ее критике особенно сильно слышны были голоса представителей политической администрации на территории. Они постоянно направляли в Министерство внутренних дел предложения и докладные записки, указывавшие на недостатки тогдашнего устройства органов политической контрразведки. Каких вопросов касались эти обвинения? Сторонники изменений считали, что источником постоянных трудностей в работе государственных контрразведывательных органов был плюрализм субъектов, проводящих борьбу с антигосударственными действиями. Они – общая полиция, политическая и отдел общественной безопасности в воеводских учреждениях и при аппаратах староств – действовали рядом друг с другом, стараясь взаимно себе навредить. Отсутствие координации в действиях привело к ослаблению результативности работы названных подразделений.

Кроме этого принципиального недостатка в организации работы ведомства общественной безопасности, подвергалась критике ежедневная деятельность органов политической полиции. Полесский воевода Казимеж Млодзяновский на одном из служебных совещаний в МВД задал собравшимся риторический вопрос: может ли добиться успехов в борьбе с коммунизмом так организованная и обеспеченная такими кадрами политическая полиция? Ответ, в соответствии с мнением Млодзяновского, должен был звучать негативно, так как в отделениях работали сыщики, не имеющие никакого понятия об информационной службе. Некоторые из них едва умели читать и писать, не ориентировались в политической жизни дан-

ного региона. Другие руководители воеводств обращали внимание на то, что органы этой же полиции часто проводили непродуманную и хаотичную контрразведывательную работу, не достигая каких-нибудь результатов. Находились такие отделения, которые в течение года не приобрели ни одного информатора. На основании этих критических замечаний было сформулировано много предложений, касавшихся устройства и компетенции органов общественной безопасности. Большинство воевод выступало за объединение вопросов политической контрразведки в одном институте. По мнению Млодзяновского, реализация этого предложения могла основываться на включении общей, криминальной и политической полиции в рамки органов государственной администрации. Менее радикальным было предложение сохранить обособленность ПП в сфере снабжения, укомплектования и обучения и только в существенных вопросах (службы безопасности) подчинить ее административным властям в форме инспекции ПП.

Результатом принятия этих двух концепций должно было стать формирование на базе политической администрации руководящего координационного центра работы политической контрразведки. Практически это являлось возвращением к модели Информационной службы от 14 июня 1924 года. С учетом многих причин полицейские власти вели себя сдержанно в отношении этих предложений, а иногда открыто их критиковали. М. Сволкенъ, руководитель политической полиции, на одном из служебных совещаний в январе 1925 года напомнил, что все прежние реорганизации контрразведывательной службы были вызваны стараниями администрации и Министерства юстиции. Он даже дошел до обвинения, заявив, что негативное отношение руководителей территориальных органов государственной администрации является источником трудностей и хлопот в создании полицейского аппарата высокого профессионального и интеллектуального уровня.

Сволкенъ в принципе был против новой реорганизации, ссылаясь на проходившее уже восьмое организационное изменение политической полиции за короткий срок. «В этих условиях ничего не создается, а, наоборот, рушится то, что существовало, вызывает полный хаос в области государственной безопасности». Позиция Сволкеня была полностью поддержана Главным комендантом Государственной полиции М. Божецким. В конце концов, было принято компромиссное решение, не удовлетворявшее в полной мере ни одну из заинтересованных сторон. 12 августа 1925 года вышло распоряжение министра внутренних дел, дополнявшее инструкцию 1924 года об орга-

низации политической полиции. Кроме общих организационных принципов, не отличавшихся от прежних, инструкция содержала много новых элементов. Так, было констатировано, что политическая полиция входит в состав корпуса Государственной полиции. По этой причине Главный комендант осуществлял общий надзор над этим сектором ГП, а именно в сфере контроля фонда, предназначенного на оперативные расходы. Одновременно все руководители подразделений политической полиции получали директивы и указания от властей политической администрации (директора Департамента безопасности МВД, начальника отдела безопасности и начальника реферата в старостве). Кроме того, министр внутренних дел приказал начальнику V Отдела ГК ГП поддерживать постоянное сотрудничество со II Отделом Генштаба ВП в целях борьбы с политическим шпионажем.

Несколькими днями позже, согласно с распоряжением от 12 августа, вышли исполнительные положения к инструкции об организации политической полиции. В них были установлены: структура органов этой полиции, сфера компетенции и формы деятельности. V Отдел ГК ГП сохранил прежнюю внутреннюю структуру, но к ней добавилось еще два подразделения – секретариат в отделе по борьбе с преступностью и авиационная бригада. Последняя предназначалась для проведения мероприятий по важным политическим делам на территории всей страны. На уровне воеводств в окружных отделах политической полиции все функции были сосредоточены в 2 внутренних отделах, наряду с которыми функционировала также авиационная бригада. Информационная работа Министерства внутренних дел находила свое выражение в различного рода срочных и периодических докладах и сообщениях, направляемых в органы административной власти. В то же время репрессивная деятельность вытекала из проводимых расследований в отношении гражданских лиц. Для обеспечения полной конспирации органов политической полиции их бюро были расположены в помещениях политической администрации. Однако руководством постоянно обращалось внимание на то, что органы политической полиции недостаточно соблюдают требования секретности работы.

Для ознакомления с новыми положениями 8 сентября 1925 года в Варшаве прошло совещание начальников ОО ПП. Сволкень определил цель новой реорганизации как попытку ликвидации сомнений, касающихся компетенции отдельных субъектов, которые имели влияние на политическую полицию. Особое внимание он обратил на то, что высшим начальником

полиции, в том числе и политической, в округе является воеводский комендант. Главной целью совещания было обсуждение уровня профессионального и общего обучения сотрудников и формирование реальной программы улучшения ситуации в этой сфере. Начальник I Отдела ГК ГП Игнаций Кораль выдвинул тезис о том, что оценка деятельности политической полиции неразрывно связана с соответствующим подбором кадров для этой службы. В течение 6 лет не было создано каких-либо постоянных форм специализированного обучения в области политической контрразведки. С учетом отсутствия фонда было принято решение, что специализированные курсы будут организованы только в воеводских комендатурах. В это время как раз началось такое обучение в Белостокском воеводстве.

В результате вышеуказанной дискуссии 10 сентября 1925 года был издан секретный циркуляр министра внутренних дел № 116, в котором на воеводских комендантов возложили обязанности по принятию энергичных мер для подбора среди сотрудников общей и криминальной службы кандидатов, имеющих склонность и подготовку к контрразведывательной работе. Кроме того, ГК ГП намеревалась организовать курсы для районных комендантов в тех регионах, где отсутствовали отделения политической полиции. В декабре 1925 года было проведено первичное изучение сотрудников общей и следственной полиции в целях направления самых лучших из них в окружные отделы и районные отделения политической полиции. Например, комендатура ГП города Торунь передала 4 сотрудников (Л. Еске, М. Вицневского, В. Свободный, К. Гурецкий) в районные отделения.

В целом сложилось мнение, что политическая полиция, а ранее политическая контрразведка, занималась только борьбой с коммунистическим движением. Это являлось серьезным упрощением, потому что специальное место в заинтересованности этих служб занимали вопросы национальных меньшинств в польском государстве. Они часто использовались сепаратистскими и националистическими организациями, а также разведывательными службами иностранных государств против интересов польского государства. С учетом этого в 1925 году при некоторых ОО ПП были созданы так называемые национальные центры: в Вильно – по белорусско-литовским вопросам, в Торуне – немецким, во Львове – украинским, в V Отделе ГК ГП – еврейским. В Лодзи, Кельцах, Белостоке, Кракове, Станиславове, Львове, Познани, Луцке и Люблине были учреждены должности референтов по немецким вопросам, в Белостоке, Бресте и Новогрудке – референтов по белорусским воп-

росам, а в Люблине, Луцке, Бресте, Тарнополе и Станиславо-ве были учреждены должности референтов по украинским вопросам. Эти референты периодически обучались в отдельных национальных центрах. После наступивших в 1925 году перемен руководство ПП основные усилия направило на вопросы обучения сотрудников, а изменению организационного характера не уделялось никакого внимания.

В 1926 году по всей стране действовало 16 окружных отделов и 63 отделения. Принимая во внимание деление на воеводства, расстановка отделений политической полиции была следующая: Варшавское – 4, Лодзинское – 3, Келецкое – 4, Любельское – 3, Белостокское – 4, Краковское – 3, Львовское – 2, Тарнопольское – 3, Станиславовское – 4, Познаньское – 4, Поморское – 5, Волынское – 5, Полесское – 7, Новогрудское – 6, Виленское – 6.

Произведенные в 1925 году преобразования не оздоровили отношения в области политической контрразведки. Достаточно большая автономия политической полиции по-прежнему вызывала неприязнь со стороны общей полиции и политической администрации. В такой ситуации центральные власти были вынуждены склониться к выполнению требований противников политической полиции и ликвидировать этот сектор полицейской службы. Процесс расформирования был растянут во времени, чтобы это не отразилось на уровне работы всей Государственной полиции. Он начался согласно циркуляру № 32 МВД от 17 марта 1926 года. На его основании все отделения политической полиции с 1 апреля подверглись ликвидации, а их работников и компетенцию приняли районные или городские комендатуры ГП. В новых условиях в комендатурах были созданы специальные рефераты, имевшие полномочия по борьбе со всеми антигосударственными действиями.

Дальнейшие решения в отношении политической полиции стали запаздывать в связи с майскими событиями 1926 года. После переворота ликвидаторская работа была продолжена. 14 июля 1926 года вышло в свет распоряжение, упразднившее V Отдел ГК ГП. Компетенция этого органа была разделена между несколькими подразделениями. Информационную службу передали в Департамент безопасности МВД, вопросы организации и обучения – в I Отдел ГК ГП, хозяйственные – во II Отдел ГК ГП, кадровые – в III Отдел ГК ГП, в то же время весь отдел по борьбе с преступностью попал в центр следственной службы – IV Отдел ГК ГП. 8 октября 1926 года, в конце концов, были упразднены окружные отделы политической полиции. Их прерогативы приняли: отделы безопасности вое-

водских учреждений, воеводские комендатуры и следственные подразделения. В воеводских комендатурах ГП были созданы на временной основе инспекции политической полиции для контроля и инструктирования сотрудников общей полиции, исполнявших обязанности политической службы.

На основе вышеуказанного можно сделать вывод, что вся политическая полиция была разделена на Информационную службу и исполнительную (следственную). Эта первая была полностью передана соответствующим подразделениям учреждений политической администрации, а исполнительный отдел приняли органы Государственной полиции – районные, городские и окружные следственные подразделения. Указанные полицейские подразделения должны были заниматься именно предупреждением и борьбой с политической преступностью. Аналитическо-информационная служба, основывавшаяся на подготовке ситуационных отчетов, докладов и выводов, касающихся направлений оперативной работы, оказалась в сфере полномочий староств и воеводских учреждений.

Вопрос о судьбе кадров ликвидированной политической полиции разрешил циркуляр Главного коменданта ГП от 22 октября 1926 года. Часть сотрудников была направлена в следственную и общую службы, в то же время наиболее опытные и ценные работники – в Информационную службу в учреждениях политической администрации, а полицейских, имеющих недостаточную профессиональную квалификацию, увольняли из корпуса Государственной полиции. Несмотря на эти большие изменения, поморский воевода в письме от 7 сентября 1926 года напомнил, что рефераты по политическим вопросам в полицейских подразделениях должны по-прежнему иметь полную свободу в проведении политической разведки и инвигилиции. В дальнейшем политическая служба трактовалась каждым полицейским как престижная работа, предназначенная для избранных лиц.

Опасаясь ослабления полицейских инструментов, играющих большую роль в борьбе с коммунистическим движением, сектор следственной службы взял на себя функции политической полиции. Это – координация репрессивных действий, инструктирование подчиненных органов, сбор оперативной информации, ведение картотеки политической преступности и лиц, проводящих антигосударственную деятельность, и, прежде всего, непосредственная борьба с коммунистическими организациями. В такой обстановке было необходимо приспособить внутреннюю организацию всех органов следственной полиции к новым потребностям. 22 июля 1926 года вышло распоряже-

ние министра внутренних дел о реорганизации следственной службы по всей стране. В нем давалось указание о расформировании прежних структур и их замены единообразными следственными подразделениями при воеводских, районных, городских комендатурах, комиссариатах и иных исполнительных подразделениях Государственной полиции.

В 3-м параграфе этого распоряжения отмечается, что следственные подразделения полностью подчиняются руководителям общей полиции. Кроме этого, в следственных действиях по расследованию преступлений они должны были непосредственно подчиняться учреждениям правосудия (судебным и прокурорским властям). Согласно распоряжению от 7 августа 1926 года, министр внутренних дел учредил следственные отделы в 23 городах, в том числе в нескольких не являвшихся резиденциями воеводских властей: в Сосновце, Пшемышле, Ровно и Пинске. В то же время следственные отделы не были созданы в следующих воеводских городах: Келцах, Бресте-над-Бугом и Катовицах.

Реорганизация, проведенная в 1927 году в новых политических условиях (после майского переворота), довела до конца выполнение определенных ранее требований. Криминальная полиция имела уже до последнего дня существования II Республики такую структуру, какая была принята в 1927 году. На основании распоряжения министра внутренних дел от 8 апреля 1927 года IV Отдел ГК ГП стал называться Центром следственной службы, который должен был заниматься надзором за деятельностью ПП в сфере следственной службы, взаимодействием с нею в вопросах профессионального обучения сотрудников ПП, проведения центральной дактилоскопической регистрации, фотографирования, сбора информации о преступности на всей территории страны, представления мнения и выводов по кадровым вопросам следственной полиции, объявления розыска.

В исключительных ситуациях, по указанию МВД, Центр следственной службы брал на себя также проведение расследования.

Сначала руководителем Центра следственной службы был майор Фелицьян Бала-Попович. Внутренняя структура центрального органа следственной полиции также подверглась изменениям. Ранее IV Отдел ГК ГП разделялся на два отдела: общий и регистрационно-розыскной, которые занимались дактилоскопией, фотографией, общей инвигилиацией и зарубежной, разного рода экспертизами и изданием «Следственной газеты». В связи с ликвидацией политической полиции след-

ственный центр не только изменил название, но также подвергся глубоким преобразованиям. Он разделился на 3 отдела: общий, политический и дактилоскопическо-розыскной. Каждый отдел состоял из нескольких рефератов. Позднее принятым решением ГК отказалась от этого двухуровневого внутреннего деления. В 1939 году в Центр входило 8 самостоятельных рефератов.

В принятой в 1927 году организационной модели Центра следственной службы политический отдел издавал «Конфиденциальный инвигилиационный обзор» и вел регистрацию лиц и политических организаций, разрабатываемых органами следственной полиции. Специальный реферат этого отдела проявлял интерес к следующим вопросам: коммунистическое движение, национально-украинское движение, шпионаж, деятельность литовских организаций, деятельность организаций и лиц немецкого происхождения, еврейское движение и антисемитские выступления, проявления нелегальной деятельности польских оппозиционных партий, террор в отношении полицейских агентов и конфиденентов.

При воеводских комендатурах ГП были созданы единообразные следственные отделы, которые выполняли функции следственных властей второй инстанции. Задачами этих отделов являлись: контроль над исполнением следственной службы органами ГП на территории воеводства, координация и руководство следственными действиями нескольких подразделений воеводства, проведение статистики и реестров по воеводствам, проведение в своей сфере полицейских расследований по вопросам особой важности. Руководство в следственных отделах осуществляли начальники, которые одновременно исполняли обязанности заместителей воеводских комендантов по криминальным и политическим вопросам. Наряду с этим в воеводствах были установлены функции двух заместителей начальника следственного отдела – по криминальным и политическим вопросам. Все отделы неформально делилось на 2 отдельных подразделения: криминальное и политическое.

В 1927 году в измененных организационных условиях функции начальников воеводской следственной полиции исполняли: в I округе – Станислав Хмай (из политической полиции), II – Казимеж Кунке (из политической полиции), III – Тадеуш Вартз, IV – Антони Ситковский, V – Ян Шафраньский, VI – Сухенек-Сухецкий (из политической полиции), VII – Зыгмунт Носек, VIII – Роман Штаба, IX – Марьян Зубик, X – Ян Закжевский, XI – Томаш Жбиковский, XII – Евгениуш Стшелецкий (из политической полиции), XIII – нет данных, XIV – Станислав

Ручиньский, XV – Юзеф Радзевский, XVI – Корнеулиш Дистерхофф.

Майский переворот 1926 года сначала не вызвал в политической полиции кадровых изменений, которые можно было бы назвать персональной чисткой. После ликвидации политической полиции наиболее опытные и ценные сотрудники этой службы пришли на ответственные должности в реорганизованную полицию. Следует полагать, что для нового руководства МВД и ГП по-прежнему основным принципом кадровой политики была соответствующая профессиональная подготовка для репрессивных действий политического характера. Поэтому отказ от профессионалов из политической полиции был бы непростительной ошибкой.

Новым организационным творением следственной службы стали следственные отделы, созданные при некоторых районных и городских комендатурах выделенных городов как их составная часть. Они выполняли функции первой инстанции исполнительной власти следственного сектора. К их задачам относились:

- проведение полицейских расследований по делам уголовных преступлений, требовавших профессиональной следственной подготовки и готовности технических средств, которые превышали организационные возможности общей полиции, – проведение регистрации разыскиваемых лиц, профессиональных преступников и ведение фотоальбома на них;
- учет лиц, находящихся под надзором полиции;
- составление периодических статистических ведомостей.

Во главе отделов находились начальники, преимущественно офицеры, которые в период следственной службы были помощниками комендантов общеполцейских подразделений в сфере следственной службы. В случае необходимости отделы подвергались внутреннему делению на специализированные бригады – например, фальсификации, кражи или антигосударственных преступлений. В районных и городских комендатурах, в которых отсутствовали следственные отделы, функции филиалов следственного сектора выполняла в ограниченной сфере общая полиция. Распоряжение от 1927 года было результатом политики объединения всех секторов ГП в единый орган службы безопасности. После ликвидации политической полиции следственная полиция была включена в службу общей полиции. При этом реформаторам не удалось избежать побочных результатов. Несмотря ни на что, сектор криминальной службы занял приоритетную позицию в полицейском корпусе, начальники этой службы более или менее формально

выполняли функции заместителей или помощников районных, городских и воеводских комендантов. В результате всего этого вся ГП стала «проследственной» и в таком виде функционировала до 1939 года.

Тогдашние власти часто переоценивали значение этих организационных изменений. Со страниц газеты «Администрация и Государственная полиция» в то время звучало: «Новая организация криминальной полиции, основывающаяся на централизации этого сектора службы, ставит польскую полицию в исключительное положение, что во многих странах является пока только стремлением к этому властей безопасности». В конце концов, министр внутренних дел 6 мая 1927 года создал следственные управления во всех воеводских комендатурах и следственные отделы в 9 городских комендатурах (в Лодзи, Кракове, Львове, Познани, Быдгоще, Гнезне, Торуне, Грудзёндзе и Вильно), а также в 32 районных комендатурах ГП (районов: Варшавского, Плоцкого, Вроцлавского, Пётроковского, Калиского, Келецкого, Бендзинского, Радомского, Ченстаховского, Любельского, Замойского, Белостокского, Гродзеньского, Тарновского, Пшемьского, Дрохобыцкого, Жешовского, Тарнопольского, Станиславовского, Стрыйского, Островского, Тчевского, Луцкого, Ковельского, Ровенского, Брестского, Пинского, Новогрудского, Барановецкого, Щвеньчаньского и Вилейского). Следует отметить, что из этих 32 отделов 15 находились в восточных районах.

После 1927 года работа криминальной полиции полностью строилась на измененных принципах. В 1927–1939 годах только следственные службы не были затронуты серьезнейшими реорганизациями. Они только совершенствовали существующую организационную модель. Какими же основными правилами управлялась деятельность следственной полиции в послемайский период? Прежде всего, руководство отказалось от создания автономных подразделений в рамках единого полицейского корпуса (политическая полиция, следственная или пограничная). Накопленный опыт позволил критически оценить результаты существования этого рода структур, которые привели к компетенционным конфликтам, нездоровой конкуренции и неэффективной деятельности. Поэтому также были приняты меры, направленные на интегрирование всего полицейского корпуса. Тогда идеологи реформы покончили решительным способом с практикой «полиция в полиции», выражением которой являлась выделенная из корпуса так называемая политическая полиция. Несмотря на принятие принципов централизации и единства действий и организации Государ-

ственной полиции, руководство обращало внимание на специальную подготовку сотрудников для выполнения определенных задач. В 1928 году руководство ГП начало проводить политику, определенную как «создание проследственной полиции».

В 1931 году на служебном совещании начальников полицейских подразделений Поморского округа начальник следственного отдела в Торуне подинспектор С. Миттлендер уточнил это понятие следующим образом: «Мерой значимости полиции данного округа является организационная гибкость, выражающаяся в способности проведения быстрых и правильных действий и в реагировании на проявления преступности, угрожающей нормальным соотношениям общественной безопасности. Брошенный три года назад лозунг расширения следственной полиции в структуре полицейского корпуса имел целью повышение именно этой подготовки ГП. В результате этой акции следственная служба была в первую очередь сконцентрирована в больших следственных подразделениях в целях подготовки молодых людей в качестве специалистов, способных к самостоятельной следственной работе, а затем в течение последних лет был направлен в общую службу целый ряд сыщиков, даже из числа наиболее ценных сотрудников следственной службы, которые на должностях комендантов постов приносят значительную пользу с учетом приобретенного ими многолетнего профессионального опыта».

Вместе с ликвидацией автономной политической полиции и равноправным трактованием отдельных служебных секторов было начато форсирование новой концепции функционирования органов порядка в Польше. До сих пор считалось, что борьбой с криминальной и политической преступностью должны заниматься специализированные полицейские службы. В то же время с 1928 года начался процесс подключения общей полиции к выполнению задач в сфере следственной и политической службы. Сотрудники криминальной полиции все чаще переходили на работу на должности комендантов постов и начальников комиссариатов.

Одновременно полицейские общей службы стали направляться на следственные курсы для обучения. Поэтому также, согласно мнению тогдашних полицейских властей, следственное усиление полиции являлось «не чем иным, как только теоретическим и практическим обучением полиции искусству проведения допросов, расследований, умения быстрой ориентации по отдельным делам и происшествиям, быстрого и обстоятельного ознакомления с территориальными и персональными отношениями, очень подробного ознакомления с

материалом в отношении преступных элементов на данной территории... Независимо от этих данных в полицейском след-дет выработать надлежащую инициативу, сметливость и способность делать логические выводы по каждому делу, потому что усвоение всех этих положительных качеств одновременно, безусловно, повлияет на получение лучших результатов работы полицейского на территории в выявлении преступлений, чем это происходит в настоящее время».

Руководство ГП предположило, что благодаря этим действиям будут получены положительные результаты. Во-первых, возрастет эффективность работы в борьбе с преступностью. Во-вторых, это предупредит внутренние компетенционные конфликты и приведет к полной интеграции полицейского корпуса. В-третьих, такой подход создаст современный и четко действующий полицейский институт. Согласно мнению Главного коменданта ГП генерала Кордиана Заморского, разделение полиции на общую и следственную вызвало «нехорошие результаты». Поэтому целью руководства полиции стало создание условий к объединению этих двух служб, потому что, как утверждал Главный комендант ГП, «приходится слышать, что общая и следственная полиция представляют собой две разные вещи. Это является ошибкой, а результат ошибки отражается на совокупности дел, так как общая полиция считает, что следственные вопросы ее не касаются». Откладывая в сторону доктринальную риторику, следует помнить, что с обостряющимся конфликтом правящего лагеря с парламентской оппозицией роль репрессивных органов значительно возросла. В это время ситуация диктовала необходимость того, чтобы в борьбе с оппозицией принимал участие не только политический сектор, но и вся полиция.

В 1936 году на основании новых положений об организации ГК ГП подвергся достаточно серьезной реорганизации IV Отдел – Центр следственной службы. Тогда указанный отдел пополнился вновь созданным рефератом по специальным вопросам. Он занимался широко понимаемой политической преступностью. В секретном циркуляре была определена сфера деятельности этого реферата:

- надзор над действиями следственной службы в сфере борьбы с подрывным движением;
- координация акций по борьбе с антигосударственной деятельностью;
- инструктаж следственных органов и руководство важными акциями по борьбе с подрывным движением;

- сбор информационных материалов и их обработка;
- ведение картотек лиц, принимающих участие в подрывной деятельности;

- издание «Конфиденциального инвигиляционного обозрения».

Как вытекает из этого документа, вопросы политического характера представляли один из участков работы Центра следственной службы. Однако нельзя забывать, что после ликвидации политической полиции часть ее задач приняла к выполнению политическая администрация. В каждом воеводском учреждении и старостве находились подразделения, занимавшиеся наблюдением за общественно-политической жизнью данного региона страны.

Организация территориальных подразделений криминальной полиции в 1927–1939 годах не подвергалась большим преобразованиям. При каждой воеводской комендатуре ГП функционировало следственное управление, территория деятельности которого находилась в пределах воеводства. Начальник этого управления имел заместителя, который был одновременно и начальником политического реферата. В принципе внутренняя структура следственных управлений сводилась к рефератам – криминальному и политическому.

Учитывая значение и специфику столичного города Варшава, 8 мая 1928 года Главный комендант ГП издал инструкцию об организации следственного управления в Варшаве, внутренняя структура которого должна была соответствовать характеру следственной службы в столице. Поэтому оно также состояло из определенного количества следственных бригад, розыскного реферата, инспекции и канцелярии.

Его работой руководил начальник, который был одновременно заместителем коменданта ГП столичного города Варшава. По причине большого числа задач начальник имел 2 заместителей, которые руководили группами следственных бригад. Начальник следственного управления в Варшаве осуществлял общее руководство и надзор над деятельностью столичной полиции в сфере полицейско-следственных действий. Каждому комиссариату придавалось определенное количество полицейских следственной службы, которым имел право давать указания начальник управления, несмотря на их подчиненность начальникам комиссариатов. Таким образом стало возможно отказаться от отдельных следственных подразделений (в виде следственных отделов), компетенции которых приняли в определенной степени комиссариаты. В послемайский период должности начальников следственных управлений в отдельных округах занимали:

- округ I Варшавский – подинспектор Станислав Хмай (1927–1938), надкомиссар Евгениуш Моточыньский (1938–1939);
- округ II Лодзинский – Казимеж Купке, подинспектор Зыгмунт Носек (1928–1934), подинспектор Ян Петри (1934–1939);
- округ III Келецкий – подинспектор Тадеуш Вертз (1927–1936), надкомиссар Антони Лабяк (1936–1939);
- округ IV Любельский – надкомиссар Антони Ситковский (1927–1928), подинспектор Станислав Ручиньский (1928–1939);
- округ V Белостокский – Ян Шафраньский (1927–1928), Антони Лабяк (1928–1936), Юзеф Мачиевский (1936–1939);
- округ VI столицы Варшава – Сухенек-Сухецкий (1927–1929), Антони Ситковский (1929–1931), Станислав Василевский (1934–1939);
- округ VII Краковский – Зыгмунт Носек (1927–1928), Евгениуш Стшелецкий Унсинг, Казимеж Бимевич (1935–1939);
- округ VIII Львовский – Владыслав Ложиньский (1927–1929), Роман Штаба (1929–1931), Казимеж Билевич (1931), Александр Доманьский (1931–1936), Марьян Жубик (1936–1939);
- округ IX Тарнопольский – Марьян Жубик (1927–1936), Ромцальд Гончерчик (1936–1939);
- округ X Станиславовский – Ян Закжевский (1927–1928), Юлиан Урбановский (1928), Антони Гевее (1935–1939);
- округ XI Познаньский – Томаш Жбиньский (1927–1930); Владыслав Малуса (1930–1934), Люциан Галчиньский (1934–1939);
- округ XII Торуньский – Евгениуш Стшелецкий (1927–1928), Станислав Митлендер (1928), Виктор Будзиньский (1937–1939);
- округ XIII Волынский – Ежи Будзиньский (1937–1939);
- округ XIV Полесский – Станислав Ругиньский (1927–1928), Бронислав Шуна (1929–1932), Ян Бобер (1937–1939) Витольд Маковский (1939);
- округ XV Новогрудский – Юзеф Радзеевский, Антони Лабяк, Ян Бобер, Роман Маковский (1937–1939);
- округ XVI Виленский – Комелиуш Дистерхофф (1927–1931), Ян Шафраньский (1931–1932), Хугон Землер (1934–1936), Казимеж Бимевич (1936), Константы Вороно (1936–1939).

Исполнительным органом первой инстанции криминальной полиции были следственные отделы. На основании распоряжения МВД от 8 апреля 1927 года было создано 9 следственных отделов при городских комендатурах и 32 при районных комендатурах. Но этого количества было очень мало. Для улучшения состояния безопасности и сохранения общественного порядка предпринимались разнообразные организационные мероприятия. Самым простым выходом было создание в каждом районе следственных отделов, но такой возможности не

представлялось из-за скудности бюджета полиции. Единственным разрешением этого вопроса могло стать участие в следственной работе общей полиции. Эта акция реализовалась, как ранее упоминалось, под лозунгом «проследственной полиции».

Несмотря на трудности и бюджетные ограничения, в 1927–1939 годах было создано 20 новых следственных отделов, а 4 подразделения криминальной полиции ликвидировались;

- 1927 год – создано 1 – в Слониме (Новогрудское воеводство);
- 1928 год – создано 3 – в Коломые (Станиславовское воеводство), в Глембоким и Молодечне (Виленское воеводство);

- 1929 год – создано 3 – в Злочове и Чорткове (Тарнопольское воеводство), в Гдыни (Поморское воеводство);

- 1930 год – создано 1 – в Хельме (Любельское воеводство);

- 1931 год – создано 4 – в Щвеньчанах (Виленское воеводство), в Хжанове (Краковское воеводство), в Ломже (Варшавское воеводство), в Бжежинах (Тарнопольское воеводство);

- 1932 год – создано 1 – в Скаржиске Каменной (Келецкое воеводство);

- 1939 год – создано 1 – в Хойницах (Поморское воеводство);

- 1935 год – создано 3 – во Львове (Новогрудское воеводство), в Бельске Подляским (Белостокское воеводство);

- 1936 год – создано 1 – в Кщемьнице (Волынское воеводство);

- 1937 год – создано 2 – в Новом Сонче (Краковское воеводство), в Сокалю (Львовский округ);

- 1938 год – создано 2 – в Лодзи, в Велюне (Лодзинское воеводство);

- 1939 год – создано 1 – в Дубне (Волынское воеводство) повторно.

Наибольшее число следственных отделов было создано в восточных районах и в Галиции, а наименьшее – на бывшей прусской территории. Ликвидированные следственные отделы размещались в Скаржиске Каменной (1929), Щвеньчанах (1928), Вилейце (1928) и в Дубне (1936). Решающим поводом для создания новых подразделений следственной полиции являлись угрозы диверсий и коммунистической деятельности в восточных районах и, кроме того, украинская (Бжежаны), белорусская (Бельск Подляский) ирредента и борьба с немецким разведывательным проникновением (Хойнице).

В начале 1930-х годов в некоторых полицейских округах родилась концепция так называемого районизирования следственной службы. Она представляла собой попытку наиболее эффективно использовать скромные силы и средства основ-

ных подразделений криминальной полиции – следственных отделов. В связи с этим предлагалось создание районных следственных отделов, деятельность которых охватила бы территории, где не было сотрудников криминальной полиции. Радиус действия следственных органов должен был совпадать с пространством функционирования прокурорских ведомств. Инициаторами этих идей являлись начальники Любельского и Поморского следственных управлений. Главная комендатура полиции не воспользовалась этими предложениями, рассчитывая на комплексную реорганизацию всей следственной службы. До конца существования II Республики такую реформу криминальной полиции провести не удалось.

Следственные отделы не имели единой внутренней структуры. Они в целом состояли из 2 исполнительных бригад – криминальной и политической, но в то же время встречались такие следственные отделы, в которых не было никаких внутренних разделений. В свою очередь, в больших агломерациях следственные отделы были более обеспечены в кадровом отношении. В Гдыни подразделение криминальной полиции состояло из следующих бригад: политической, краж, мошенничества и фальсификации, санитарно-нравственной и наружного наблюдения. В Лодзинском следственном управлении бригады делились еще на секции. Например, политическая бригада состояла из секций: специальной (польские легальные организации), немецкой, еврейской, нелегальных организаций, превентивной и исполнительной службы. В Лодзинском подразделении полиции в 1935 году работало 110 сотрудников. Одновременно действовали следственные отделы с очень скромным кадровым обеспечением (6–10 полицейских), что не способствовало более активной деятельности.

Центральные органы Государственной полиции придавали большое значение сотрудничеству с полицейскими службами иных государств в области борьбы с коммунизмом. В первую очередь, польская полиция организовала сотрудничество со странами, в которых польские коммунисты располагали своими заграничными отделениями и контактами. В межвоенный период отношение к коммунистам в большинстве европейских стран было такое же, как и в Польше, их рассматривали как людей крайних политических взглядов, угрожающих стабильности общественных отношений в отдельных странах. Поэтому большинство полицейских центров европейских государств проявило заинтересованность в международном сотрудничестве в области разработки коммунистического движения и особенно тех организаций, деятельность которых

инспирировалась советской Россией. В Польше Министерство внутренних дел принимало решения о характере сотрудничества на этом направлении с отдельными государствами по согласованию с МИДом. Особенно желательными признавались контакты с Германией, Австрией, Румынией, Швейцарией, Венгрией и в меньшей мере с Францией – главным союзником Польши на международной арене. Это сотрудничество основывалось на личных контактах и непосредственном обмене опытом и информацией по разработке коммунистического движения.

В 1923 году в Польшу прибыли высшие функционеры финской полиции: Эско Рекки, директор политической полиции в Хельсинках, и его заместитель Хуго Пентилла. Это был ответный визит на поездку в Финляндию в предыдущем году руководителя польской контрразведки Марьяна Сволкена. Финны намеревались использовать польский опыт по организации собственной политической полиции. При этом следует отметить, что не только они искали в польских организационных решениях вдохновения для реализации своих замыслов по созданию полицейских служб. Руководитель румынской полицейской контрразведки в начале 1920-х годов постоянно консультировался с польскими представителями во время создания Сигуранцы (румынской политической полиции).

В 1920-х годах по польской инициативе было организовано несколько конференций представителей политических полиций балтийских государств (Эстонии, Латвии, Финляндии) и Польши для выработки совместной основы для борьбы с коммунистической диверсией, организуемой в этих странах советской разведкой. В Польшу приезжали также представители полицейских политических служб из Китая, Венгрии, Австрии и других стран. В работе М. Войчеховского «Польско-немецкие отношения в 1933–1939 гг.» высказывается следующее замечание: «Факт существования полицейского (польско-немецкого. – *Прим. А.М.*) договора вытекает непосредственно из сделанного Риббентропом дополнения к Лейпцигскому договору от 31 марта 1935 года. Именно заключение договора в марте 1935 года, после визита Геринга, уже не вызывает никаких сомнений... Визит Геринга в Польшу, наконец, дал зеленый свет сотрудничеству полицейских ведомств обеих стран на украинском и коммунистическом направлениях... В результате этого в начале марта в Берлин прибыл Хенрик Кавецкий, директор Департамента безопасности МВД, назначенный вскоре заместителем министра МВД. В ходе этих переговоров был заключен, к сожалению неизвестный по содержанию, договор

о сотрудничестве польских и немецких властей безопасности, охватывавший и обмен информацией в области борьбы с коммунистическим движением и украинским национализмом».

В цитированном фрагменте работы отмечается огромное значение межведомственного полицейского сотрудничества между фашистской Германией и Польшей. В архивных полицейских материалах, как уж ранее упоминалось, есть много заметок о сотрудничестве между обеими странами еще в 1920-х годах (польские полицейские обучались в немецких центрах, пользующихся хорошей репутацией), но в то же время нет никакой информации о существовании какого-либо договора. В это самое время, т.е. в 1938 году, в ходе Судетского кризиса и возникновения напряженности в польско-чешских отношениях, когда немецкие власти безопасности передавали польской стороне списки коммунистических деятелей в Германии, Министерство внутренних дел Чехословакии прислало в Польшу подробную характеристику польских, чешских, немецких и югославских коммунистов, действовавших на чешской территории.

Как уже неоднократно подчеркивалось, политический сектор ГП занимался не только борьбой с коммунистическим движением. Сфера его обязанностей была намного шире и более разнообразной. Основной задачей гражданской службы безопасности являлось наблюдение за всей политической жизнью государства. Контроль общественно-политических отношений основывался на установлении границ между легальной деятельностью в рамках принятых тогда принципов устройства государства и нелегальными акциями подрывного характера. В первом случае все общественные партии и организации государства подлежали только деликатному наблюдению за ними полицейской службой. Это обеспечивало органам безопасности поступление текущей информации о политических отношениях в стране и позволяло быстро определить переориентацию или эволюцию легальных партий в антигосударственном направлении. В отношении организаций, занимающихся в тогдешнем понимании запрещенной деятельностью, использовалось не только наблюдение, но также и репрессии в соответствии с положениями уголовного кодекса. Характерным явлением было то, что все полицейские органы проявляли чрезмерную предвзятость в интерпретации общественной деятельности как антигосударственной. Борьба с коммунизмом не трактовалась как внутренняя проблема. Политическая полиция интересовалась всеми международными коммунистическими организациями и развитием левого движения в иных стра-

нах, но прежде всего в соседних. Она опасалась контактов отечественных коммунистов с зарубежными организациями (прежде всего в России) и влияния коммунистической пропаганды из-за границы. Национальные меньшинства находились под постоянным контролем. Они становились серьезной государственной проблемой для властей II РП, так как организации, представлявшие национальные меньшинства, использовались в сепаратистских целях или в акциях шпионского характера.

С охраной внутренней безопасности была тесно связана защита государства от разведывательной деятельности. Конечно, II Отдел Главного штаба ВП был главным субъектом в вопросах контрразведки и разведки, но в то же время гражданские органы выполняли вспомогательные и дополнительные функции. Политическая полиция интересовалась той сферой контрразведки, которая касалась попыток иностранного вмешательства во внутренние дела страны. Именно поэтому постоянно осуществлялись изучение и разработка граждан и представителей дипломатического корпуса советской России, подозреваемых в шпионаже и распространении коммунистической пропаганды.

Сотрудники полицейской контрразведки выполняли также определенные специальные задачи. К ним следует отнести обеспечение личной безопасности членов правительства и иных государственных сановников. Они охранялись во время различных общественных праздников, переездов и в частной жизни. Для охраны президента была создана специальная бригада, которая состояла из личного состава окружного Управления политической полиции столичного города Варшава. В исключительных случаях создавались в срочном порядке охранные бригады, набранные среди местных сотрудников политической полиции там, где проводились торжества с участием главы государства или иных представителей центральной власти. Хорошим специалистом по выполнению этого рода задач считался комиссар политической полиции Сухенка-Сухецкий.

Для выполнения всего этого диапазона политических задач Государственная полиция использовала специальные контрразведывательные методы и средства, которые можно разделить на 2 группы – следственные и оперативные. В числе первых выделяются аресты, обыски лиц и квартир, подтверждение личности и допросы. Это были те же методы, которыми пользовались и иные секторы ГП. К методам оперативной работы можно отнести наблюдение, инвигилиацию, цензуру корреспонденции, прослушивание телефонов, провокацию и, прежде всего, конфиденциальную разведку. Все названные методы в

меньшей или большей степени являлись характерными для деятельности политической службы ГП. Только следственная полиция применяла ограниченно некоторые из них в межвоенный период.

Понятия «наблюдение» и «инвигилиция» часто ошибочно отождествляют. В инструкции от 1924 года утверждается: «Наблюдение следует четко отличать от инвигилиции». В деятельности политической полиции наблюдение стало широко применяться только после 1924 года. Под ним понимается общий контроль, обзор всех сторон общественно-политической жизни страны. Выделяются 2 вида наблюдения – непосредственное и посредственное. Только в случае установления в ходе наблюдения фактов или явлений преступной деятельности осуществляется переход к высшей форме оперативной работы – инвигилиции. Она применяется только в отношении лиц и организаций, осуществляющих антигосударственную деятельность. Инвигилиция основывалась на детальной разработке определенной преступной акции путем получения информации, создающей возможность ареста и наказания подозреваемых. Таким образом, эти мероприятия являются сложными и разнообразными, требующими больших затрат сил и средств. Характер инвигилиционной деятельности был дифференцированным, потому что в ней выделяются следующие разновидности: внешняя, внутренняя, индивидуальная, коллективная, общегосударственная и местная. Полицейские инструкции разрешали в исключительных случаях проводить инвигилицию государственных работников после получения согласия административных властей.

Во время проведения инвигилиционных действий применялся ряд методов контрразведывательной работы. Главную роль среди них играла конфиденциальная разведка. В инструкции от 1924 года категорически запрещалось использовать во время внутренней инвигилиции какие-либо иные методы, кроме работы с агентурой. В Государственной полиции в ходе борьбы с антигосударственной деятельностью придавалось всегда огромное значение помощи информаторов. В некоторых европейских странах полицейского информатора называли агентом, разведчиком или полицейским секретным сотрудником. В польской полицейской службе агентом или сыщиком называли сотрудника полиции, который сотрудничал с конфидентами (или их приобретал) и получал от них информацию. К задачам информатора-конфидента относились сбор информации и проведение действий по разложению антигосударственных структур (дезинтеграция и провокация). Конфидент мог

быть так называемым внутренним источником информации или членом подрывной организации или группы, или внешним, когда он передавал только общие сведения об общественно-политической ситуации. Конечно, внутренние информаторы были наиболее ценными, потому что их можно было использовать в активных оперативных мероприятиях (комбинациях). Наряду с этим конфиденты классифицировались на постоянных и временных, платных и идейных.

Очень важным мероприятием в контрразведывательной работе была вербовка конфидента. Прежде всего, приобретались люди из групп, а также общественных и профессиональных слоев, которые в большей степени подвергались угрозе воздействия преступной деятельности. Кроме того, эти лица должны были вести такой образ жизни, чтобы они могли постоянно общаться с людьми. Кандидат в конфиденты должен был располагать соответствующими психологическими качествами, которые предрасполагали бы его к такой деятельности. Поэтому предпочтение отдавалось людям из рабочей среды, работавшим в ресторанах, кафе, игровых салонах, тюрьмах.

Возникает вопрос: а на каких принципах вербовались полицейские информаторы? Основным мотивом сотрудничества с политической полицией была материальная выгода. Для этих целей полицейская контрразведка располагала оперативным фондом, создающим возможность в некоторых случаях платить информаторам огромные суммы денег. Например, в 1924 году начальник ОУ ПП в Торуне М. Лисовский платил некому Томашевскому 75 американских долларов ежемесячно и предназначал определенные суммы по статье специальные расходы в обмен на информацию о Гданьске. Вознаграждение зависело от степени важности и объема передаваемой информации.

Ценные информаторы были окружены специальной опекой. Манхайм Файвал получил 150 долларов от директора Департамента безопасности МВД в качестве компенсации за понесенный ущерб во время своего сотрудничества с ПП. Семья агента польской службы безопасности Абрама Хохберга, пребывавшая в Польше, получила материальную помощь от польских властей в момент его ареста в 1922 году советскими органами безопасности. В случае расшифровки информатор получал суммы, позволявшие ему выехать из «угрожаемого района». Сотрудники политической полиции старались быть осторожными при оплате конфиденциальных услуг. В архивах находится много просьб и заявлений, в которых граждане предлагали ПП свою помощь в борьбе с коммунизмом взамен за определенную финансовую помощь. Преимущественно это были заявления без ответной реакции, и этим высказывалось

отношение к ним. Характерным явлением межвоенного периода стали путешествующие агенты, выманивающие деньги у отдельных территориальных полицейских управлений. Во время вербовки конфиденентов предлагались не только материальные блага, но часто использовались неблагоприятные или компрометирующие кандидата в информаторы материалы, а иногда применялось психологическое и физическое давление.

Оценка сыщика (полицейского агента) вытекала из количества и качества приобретенных им информаторов. Каждое полицейское управление старалось создать широкую конфиденциальную сеть на территории своей деятельности, чтобы постоянно располагать достоверной и надежной информацией об общественно-политической жизни. Руководитель Информационной службы Сволкенъ в письме от 4 февраля 1924 года уточнил принципы вербовки и сотрудничества с конфиденентами. Прежде всего, он обратил внимание на формы контакта полицейских агентов с информаторами, когда слишком частые встречи приводили к расшифровке конфиденентов. Поэтому он дал указание об использовании для этих целей конспиративных квартир и помещений. Второй проблемой была организация контроля за работой конфиденентов в целях избежания с их стороны провокаций. Вместе с возрастающими задачами контрразведки увеличивалась потребность в области получения достоверной и актуальной информации. На эту тему говорили очень много старосты Полесского воеводства на своем съезде, проходившем 22–23 февраля 1925 года. Они пришли к мнению, что только подготовленный к выполнению своих задач и соответственно руководимый сыщиком информатор может получить ценную политическую информацию. С учетом этого сыщики (полицейские агенты) прилагали усилия к обучению конфиденентов в вопросах разведки, в том числе и зарубежной. Политическая полиция направляла их в Германию, Чехословакию и советскую Россию в разведывательных целях.

Ежедневная действительность, однако, отходила далеко от принятых принципов оперативной работы. Находились такие отделения, которые в течение года не приобретали ни одного информатора. Часто случалось, что непродуманные репрессивные действия приводили к расшифровке всей сети конфиденентов в данной среде.

В ограниченной сфере, только в целях дополнения конфиденциальной информацией, применялись секретный контроль корреспонденции и прослушивание телефонов. Примером эффективного использования метода просмотра частной корреспонденции было установление всех польских участников гражданской войны в Испании.

Глава II

Главные направления и общественно-политический облик контрразведывательных служб полиции

Политическая полиция была единственной внутренней службой Государственной полиции, занимавшейся политической контрразведкой. Она практически проводила, как уже неоднократно подчеркивалось, конфиденциальное изучение почти всех сфер общественной жизни. Ее работа носила частично репрессивный характер, а частично наблюдательный. Анализируя отчеты о деятельности политической полиции, можно определить отношение этих органов (и косвенно административных властей) к отдельным политическим партиям и движениям. На характер и степень политической заинтересованности оказывало влияние то обстоятельство, представляла ли данная партия своей программой или практической деятельностью угрозу для действующего правового порядка и тогдашней формы общественного устройства польского государства или нет. В случае положительного ответа данная партия последовательно преследовалась всеми средствами, находившимися в распоряжении полиции.

Политические партии, придерживавшиеся буржуазной платформы, в принципе не были подвержены репрессиям. В отношении них органы гражданской службы безопасности проводили только деликатное оперативное наблюдение. Исходя из тактических соображений и в зависимости от того, была ли данная партия представлена в правительстве, политическая полиция подходила дифференцированно и с переменным вниманием к определенным легальным политическим партиям. Следует отметить, что многие политические организации были замешаны в шпионской деятельности в пользу иностранных государств. Они занимались политической разведкой, диверсией и пытались «импортировать» чуждую идеологию. Органы безопасности России особенно активно стремились использовать польских коммунистов и ирредентистские тенденции среди национальных меньшинств в реализации своих имперских и идеологических планов. Политическая полиция вместе с военной контрразведкой противодействовала любым попыткам вмешательства иностранных держав во внутреннюю жизнь государства. К политическим партиям и движениям, подвергавшимся репрессиям, кроме коммунистов, следует причис-

лить партии и организации национальных меньшинств (украинские, белорусские, литовские), а также радикальное крыло Крестьянской партии. Изучению подвергались и рабочие партии реформистского и христианского демократического характера. Заинтересованность ими политической полицией вытекала из обоснованного подозрения, так как левые рабочие и крестьянские партии были сильно подвержены коммунистической инфильтрации. По этому вопросу министр внутренних дел издал 3 марта 1923 года специальный циркуляр, касавшийся выявления «скрытых коммунистов в легальных левых партиях».

Таким образом, большинство политических сил и средств было сосредоточено на участии борьбы с коммунистической деятельностью. В письме руководителя Отдела безопасности МВД к начальнику Отдела IVD ГК ГП от 26 июня говорится: «Инвигиляция должна быть направлена против KPRP* и ее подрывных намерений. Особенно необходимо заниматься выявлением технических средств, так называемых складов нелегальной литературы, типографий и редакций... внимание инвигиляционной секции должно быть направлено в отношении большинства польских организаций. По этой последней проблеме установлено, что антигосударственные действия часто прикрываются деятельностью легальных организаций по культурной работе».

Следующим объектом политических репрессий были политические группировки национальных меньшинств. В межвоенный период государственные власти исходили из того, что самой серьезной угрозой для польской государственности являются национальные амбиции украинцев. Очередные руководители кабинетов правительства и Министерства внутренних дел в официальных заявлениях и секретных документах призывали к борьбе с украинской ирредентистской деятельностью в восточных районах II Республики. Полицейские репрессии особенно усилились в 1922–1924 годах. Тогда премьер Винценты Витос заявил, что необходимо значительно увеличить расходы на расширение количественного состава органов безопасности в восточных воеводствах. В другой раз заместитель министра внутренних дел Стефан Смульский на заседании Совета министров потребовал принять постановление, ограничивавшее политические свободы украинского населения.

Политическая полиция, выполняя директивы центральных властей, использовала неоднородность украинской политической общественности и конфиденциально поддерживала зарожда-

* KPRP – Коммунистическая польская рабочая партия.

ющиеся буржуазные политические группировки, представлявшие украинское население. Полицейские репрессии часто осуществлялись в отношении еврейского населения. Представители клуба депутатов Еврейского национального совета в Сейме нередко выступали с сообщениями о злоупотреблениях, допускаемых Государственной полицией в отношении лиц еврейской национальности.

В заключительной части рассуждений о направлениях репрессивной деятельности политической полиции в предмайский период будут представлены статистические данные за 1922–1926 годы, касающиеся осуществленных сотрудниками политического сектора ГП арестов лиц, подозреваемых в проведении коммунистической, антигосударственной и шпионской деятельности. На практике деление преступлений на эти категории было условным. Коммунистическая деятельность содержала в себе много признаков антигосударственного поведения и шпионских действий. Как следует из представленных статистических данных (таблица 13 ж, охватывающая 1922–1926 годы), в Белорусском округе было произведено больше всего арестов, связанных с коммунистической деятельностью (18,5%). На территории бывшего Польского королевства (6 полицейских округов) оказалось раскрытым большинство случаев этого вида преступной деятельности (64,3%). В свою очередь, на территории, аннексированной Пруссией в прошлом (2 полицейских округа), в 1922–1926 годах такие политические репрессии были зафиксированы только 5 раз (1,1%).

Другая география активности политической полиции просматривается в борьбе с антигосударственной преступностью. Наибольшее число арестов было зафиксировано на территориях, где проживали национальные меньшинства. Особую активность проявляла полиция в Волинском воеводстве (16,2% из общего числа) и в 3 воеводствах Восточной Малопольши (30,8%). Сотрудники полицейской контрразведки в Поморском и Познаньском округах отметили наименьшее число фактов антигосударственной деятельности (4,4%).

Касательно последней категории преступлений – шпионажа – политическая полиция вместе с военными органами проводила интенсивную контрразведывательную работу. В оговариваемом периоде политическая полиция раскрыла наибольшее количество случаев шпионажа в округах: Белостокском (V) – 117 (10,9%), Тарнопольском (IX) – 248 (23,1%), Виленском (XVI) – 132 (12,3%) и Новоградском (XV) – 101 (9,4%).

Таблица 13

Количество арестованных лиц
в отдельных полицейских округах

Округ	Коммунистическая деятельность	Антигосударственная деятельность	Шпионаж	Итого
IV квартал 1922 года – а)				
I	18	2	0	20
II	41	11	2	54
III	35	20	2	57
IV	16	7	23	46
V	20	37	23	80
VI	46	6	5	57
VII	2	3	6	11
VIII	10	17	10	37
IX	1	10	47	58
X	3	60	11	74
XI	5	5	5	15
XII	4	8	3	15
XIII	1	5	6	12
XIV	11	2	4	17
XV	17	13	26	56
XVI	1	7	25	33
Силезия	0	5	0	5
Итого:	231	218	198	647
I квартал 1923 года – б)				
I	1	1	0	2
II	31	17	1	49
III	47	5	2	54
IV	38	5	6	49
V	49	50	35	134
VI	41	3	6	50
VII	14	9	2	25
VIII	5	121	10	136
IX	0	145	50	195
X	1	96	8	105
XI	1	14	2	17
XII	0	1	5	6
XIII	65	14	1	80
XIV	3	0	1	4
XV	2	5	1	8
XVI	0	0	7	7
Силезия	0	0	2	2
Итого:	298	486	139	923

Округ	Коммунистическая деятельность	Антигосударственная деятельность	Шпионаж	Итого
II–IV кварталы 1923 года; I–II кварталы 1924 года – в)				
I	16	3	7	26
II	223	26	4	253
III	106	15	2	123
IV	49	19	12	80
V	69	154	12	235
VI	48	10	12	70
VII	23	17	9	49
VIII	45	50	47	142
IX	16	88	125	229
X	26	48	9	83
XI	5	23	18	46
XII	12	25	19	56
XIII	16	57	25	98
XIV	43	46	25	114
XV	8	26	30	64
XVI	18	31	73	122
Итого:	723	638	429	1790
III, IV кварталы 1924 года – г)				
I	32	0	3	35
II	66	1	4	71
III	83	7	1	91
IV	17	6	2	25
V	31	12	8	51
VI	80	6	3	89
VII	7	0	0	7
VIII	9	21	7	37
IX	0	29	10	39
X	3	19	7	29
XI	6	0	3	9
XII	5	28	12	45
XIII	41	175	27	243
XIV	60	23	19	102
XV	3	17	20	40
XVI	1	2	14	17
Итого:	444	346	140	930
1925 год – д)				
I	70	3	1	74
II	112	9	0	121
III	225	1	0	226
IV	103	4	0	107

Округ	Коммунистическая деятельность	Антигосударственная деятельность	Шпионаж	Итого
V	258	68	19	345
VI	116	1	0	117
VII	20	9	0	29
VIII	30	17	0	47
IX	12	45	14	71
X	45	37	1	83
XI	15	2	1	18
XII	2	11	5	18
XIII	158	167	30	355
XIV	148	78	26	250
XV	60	98	18	176
XVI	29	0	5	34
Итого:	1403	550	120	2073
январь-октябрь 1926 года - е)				
I	29	33	0	62
II	194	21	0	215
III	180	30	2	212
IV	137	16	1	154
V	498	108	20	626
VI	93	5	0	98
VII	6	3	2	11
VIII	31	16	0	47
IX	13	5	2	20
X	28	1	0	29
XI	1	0	1	2
XII	1	4	1	6
XIII	276	14	1	291
XIV	203	39	2	244
XV	138	107	6	251
XVI	69	39	8	116
Итого:	1897	441	46	2384
в 1922-1926 годах - ж)				
I	166	42	11	219
II	667	85	11	763
III	676	78	9	763
IV	360	57	44	461
V	925	429	117	1471
VI	418	31	26	475
VII	72	41	19	132
VIII	130	242	74	446
IX	42	322	248	612

Округ	Коммунистическая деятельность	Антигосударственная деятельность	Шпионаж	Итого
X	105	261	36	402
XI	33	44	30	107
XII	24	77	45	146
XIII	557	432	90	1079
XIV	468	188	77	733
XV	228	266	101	595
XVI	118	79	132	329
Итого:	4989	2674	1070	8733

Источник: МВД, ААН дело 1313, 1314 «Конфиденциальный инвигиляционный обзор». Анализ, проведенный полицией.

В целом в 1922–1926 годах политическая полиция произвела 8733 ареста. Большинство их них относилось к следующим округам: V Белостокский – 16,8%, XIII Волынский – 12,3%, II Лодзинский – 8,7%, III Келецкий – 8,7%.

Таблица 14

Количество арестованных лиц за деятельность против польского государства в 1922–1926 годах

Деятельность	1922 X-XII	1923	1924	1925	1926 I-X
Коммунистическая	231	741	855	1412	1958
Антигосударственная	218	913	595	568	460
Шпионаж	198	435	334	149	49

Как следует из представленной таблицы, репрессивная деятельность (аресты), направленная против коммунистического движения, в 1922–1926 годах постоянно росла, особенно интенсивно в 1925 году. В то же время борьба с антигосударственной и шпионской деятельностью достигла своего высшего пика в 1923 году, а затем число арестов стало постоянно уменьшаться.

Несмотря на свои политические симпатии фицерские кадры ПП, как правило, старались не показывать своего расположения к определенным партиям. Начальник Отдела IVD ГК ГП в письме от 21 июля 1922 года запретил подчиненным подразделениям разрабатывать деятелей легальных политических партий, а тем более, размещать информацию о них в ситуационных сообщениях. Согласно указанию руководителя полиции-

ской контрразведки следовало проводить повсеместно акцию по изучению и контролю общественной жизни, но ни в какой форме нельзя было формулировать мнения по этой теме. Слухи о явной поддержке определенной политической партии административными и полицейскими органами вызывали раздражение и недовольство высших государственных властей. Следует также обратить внимание на то, что во всех полицейских школах на протяжении всего межвоенного периода систематически проводились занятия по изучению программ и идейных принципов легальных политических партий, в том числе входивших в правительственную коалицию.

В период обострения внутренних отношений, например во время выборов первого президента, запрещалось производить обыски в штабах политических партий без согласия министра внутренних дел. В случае необходимости их проведения полиция должна была соблюдать «большой такт и уважение». Точно такое же отношение ГП было к собраниям. В случае если эти собрания организовывались легально существовавшими объединениями и союзами, то они проводились без служебного сопровождения сотрудниками ПП. Деятельность служб политической контрразведки особенно активизировалась в периоды избирательных кампаний в Сейм и Сенат. Тогда устанавливалось наблюдение за попытками инфильтрации легальных политических партий коммунистическими деятелями. Постоянной практикой в полицейской работе было проведение изучения кандидатов в парламент и формирование специальных досье на каждого из них. Однако эти материалы не использовались в политической борьбе.

Полиция по понятным причинам превосходно ориентировалась в нюансах внутренних отношений в стране, поэтому встречались случаи ее конъюнктурного поведения, чтобы не нанести вреда политическим силам, находившимся в данный момент у власти. Примером такой практики была позиция полицейских органов в отношении Польской крестьянской партии «Пяст». В первой половине 1922 года она занимала оппозиционное положение по отношению к правительству «Народной демократии». В это самое время полицейские власти интенсифицировали преследование деятелей этой партии. Ян Дембский в своем выступлении в Сейме привел много примеров недоброжелательной позиции ГП в отношении ПКП «Пяст». ГП не допустила организации кружков ПКП в Яворове, Чорткове и Каменце, а в Скалаче препятствовала крестьянским деятелям в выполнении партийных обязанностей. В мае 1922 года органы Государственной полиции своими действиями поддержали бо-

евые группы Демократической и Христианско-демократической партий, стремившихся в жесткой форме сорвать заседание съезда ПКП в Познани. В это же время министр внутренних дел Антони Каменьский заверил с трибуны Сейма, что все партии, придерживающиеся платформы польской государственности, будут трактоваться одинаково, а виновные – городской староста и комендант ГП города Познань – будут привлечены к дисциплинарной ответственности. В 1923 году после заключения Ланцкороньского пакта отношение административных и полицейских органов к КПК «Пяст» в корне изменилось.

Иногда поведение ГП носило характер ловкой провокации. Во время первомайских манифестаций, организованных коммунистами и социалистами, между ними часто происходили столкновения. Полиция старалась не вмешиваться в эти конфликты, так как они только углубляли раскол отечественного рабочего движения. Полицейские вмешивались в акции только в критические моменты, защищая социалистов (ППС) от наступающих коммунистов. Агенты контрразведки неоднократно были инициаторами уличных сражений, провоцируя инциденты и столкновения.

В 1920-е годы начали множиться политические группы, представлявшие крайне правые программы, а иногда фашистские. Это было общеевропейское явление, имеющее своим источником общественно-экономические последствия Первой мировой войны. Захват власти в Италии Бенито Муссолини еще больше популяризовал в Европе фашистские лозунги. Эти идеи доходили также и до Польши. Среди офицерских кадров Войска Польского и Государственной полиции оказались лица, подверженные влиянию этого рода. В профессиональной полицейской и административной прессе стали появляться завуалированные статьи, пропагандировавшие идеи фашизма. Это явление встретило острую реакцию депутатов Сейма. Несмотря на это несколько офицеров Государственной полиции приняли участие в деятельности крайне правой нелегальной организации «Готовность польских патриотов», основанной в 1922 году Яном Пенькославским. Она состояла из молодежи полицейского происхождения, интеллигенции и нескольких представителей армии и полиции. «Готовность» пропагандировала лозунги крайнего антикоммунизма и пренебрежения принципами парламентской демократии. Используя итальянские образцы, организаторы «Готовности» подготавливали путч, который должен был создать возможность введения в Польшу диктаторского правления. В состав узкого руководства этой организации вошел, кроме генералов Е. Врочыньского и С. Шеп-

тыцкого, офицер Государственной полиции комиссар Хенрик Гостыньский. Это именно он был ответственным за обеспечение безопасности во время президентских выборов в декабре 1922 года, в ходе которых дело дошло до острых столкновений на националистической почве, а затем под их влиянием Элигиуш Невядомский убил первого президента РП Габриеля Нарутовича. Необходимо подчеркнуть, что в тот период рассматривался вопрос о большой вероятности участия в деятельности «Готовности» некоторых высших чинов полицейской контрразведки. Дело закончилось публичной компрометацией и судебным процессом над главными руководителями ГП. По этой причине в начале 1936 года Министерство внутренних дел издало 2 циркуляра, в которых указывалось управлениям политической полиции проявлять особую заинтересованность монархическими и фашистскими организациями, а также устанавливать случаи участия в их деятельности служащих государственной администрации и офицеров ВП. Политическая полиция осуществляла наблюдение также и за поведением творческой среды, особенно писателей и журналистов.

Здесь напрашивается вопрос: был ли принцип аполитичности ГП обязательным, или только правовой фикцией? Ответ следует искать в политическом облике полицейского института в межвоенный период. Для этих рассуждений решающее значение имеет майский переворот 1926 года, который стал переломным моментом не только в истории II РП, но также и в функционировании Государственной полиции.

Как уже ранее упоминалось, Государственная полиция была исполнительным органом государственных властей (политической администрации) и местного самоуправления. Руководство этих институтов имело решающее влияние на политический облик ГП. Таким образом, не без значения для полиции было то, что в истории РП в межвоенный период большую роль играл принцип аполитичности, который нашел свое отражение в служебных инструкциях. В положениях инструкции от 1920 года отмечается: «Все сотрудники ГП без исключения должны соблюдать абсолютную объективность с политической точки зрения. Полицейским запрещается расследование или поведение, которое могло бы возбудить подозрение в действиях в пользу или во вред той или иной политической группировки, аполитичность полицейского должна отражаться не только в его служебных поступках, но также в поведении вне службы. Значение аполитичности полиции как основного условия ее успешного развития и принципиальной обя-

занности в отношении общества и государства следует разъяснять сотрудникам полиции при каждой возможности, а при установлении умышленного нарушения в этом направлении наказывать самым суровым образом, вплоть до увольнения».

Как следует из вышеизложенного, «аполитичность» ГП понималась очень широко. Она касалась не только служебной деятельности, но также и личной жизни каждого полицейского. В межвоенный период сотрудники ГП не могли быть членами легальных, а тем более нелегальных, политических партий. Это положение ограничивало также их участие в общественной жизни, так как им нельзя было свободно вступать в общественные и ветеранские организации. В приказе № 360 Главного коменданта ГП от 1926 года к запрещенным объединениям относились: «Объединение польской молодежи», «Союз бывших добровольцев польской армии», «Сокол», «Союз защиты западных районов», «Союз легионеров», «Стрелковый союз», «Союз военных инвалидов», «Союз бывших верхнесилезских повстанцев», «Союз бывших военнослужащих армии Халлера». Кроме того, сотрудники ГП не могли принимать участие в каких-либо политических собраниях и демонстрациях без учета того, были они разрешены властью или запрещены. Характерным примером того, какое большое значение придавалось даже видимости беспристрастности полицейского корпуса, может быть следующий факт: в одном из воеводств офицер ГП руководил акцией по разгону уличной демонстрации, во время которой погибло несколько человек. Через несколько дней он был демонстративно приглашен местной группой зажиточных граждан на частное торжество. Руководство ГП оценило поведение сотрудника негативно и привлекло его к дисциплинарной ответственности.

С 1926 года принцип аполитичности ГП перестал носить обязательный характер вследствие доминирования лагеря пилсудчиков в государственной жизни РП. В то же время очень сложная ситуация складывалась в 1918–1926 годах, потому что этот период характеризовался большой изменчивостью во внутренней политике польского государства, что являлось последствием частых смен правительственных кабинетов в предмайский период. В большой степени это было результатом действия принципов, зафиксированных в мартовской конституции. Согласно им, исполнительная власть стала полностью зависеть от Сейма РП. Каждый Совет министров, создаваемый президентом, должен был заручиться поддержкой Сейма. Изменения расстановки политических сил в парламенте вызывали утрату доверия и падение правительственного кабинета. При

сильном разбросе политических взглядов общества никакая политическая группировка не могла рассчитывать на самостоятельное формирование устойчивого правительства, а тем более на завоевание постоянного влияния на функционирование государственного аппарата. По этой причине в Сейме создавались более или менее стабильные партийные коалиции, позволявшие получить парламентское большинство и, в конце концов, сформировать правительственный кабинет. Прочность партийных соглашений часто была иллюзорной, и поэтому в оговариваемом периоде правила короче или дольше аж четырнадцать правительств. Вместе со сменой очередных кабинетов менялось также высшее руководство – министры внутренних дел (в том периоде их было тринадцать). В таких условиях было невозможно на плановой и постоянной основе политически воздействовать на полицейский корпус и одновременно добиться через одну политическую партию решающего влияния на механизм функционирования органов обеспечения порядка. Кроме этого, в целом лица, исполнявшие функции министра внутренних дел, не были политиками такого уровня (за исключением С. Войчеховского, В. Сикорского, В. Рачкевича и С. Ратайского), чтобы влиять на деятельность и облик ведомства, которым руководили. На практике руководство ГП стремилось к обеспечению возможно большей самостоятельности, получению независимой позиции от центральной и территориальной государственной власти, а также легальных политических партий, и даже к занятию роли арбитра. Следует признать, что полицейские не пытались оказывать решающего влияния на жизнь государства. Наряду с этим не были известны случаи, чтобы сотрудники полиции пытались делать политическую карьеру.

В связи с тем, что объектом деятельности политической полиции была вся сфера общественной и государственной жизни, у нее не было возможности занять беспристрастную позицию в отношении изменявшихся условий политической жизни в стране. Хотя в определенном смысле она была в нее вовлечена. Поэтому следует также с осторожностью оценивать многочисленные высказывания полицейских руководителей об аполитичном характере подчиненной им службы безопасности. Можно сделать предположение, что в 1918–1926 годах руководящие кадры политической полиции в своем большинстве выражали симпатии «Народной демократии» и в меньшей степени противоположной группировке, связанной с личностью Юзефа Пилсудского.

Подтверждением этого предположения являются примеры поведения сотрудников ГП в ходе важных политических и государственных событий в 1918–1926 годах. Еще до создания Государственной полиции, в начале 1919 года, руководитель Разведывательного бюро МВД М. Струдлик принимал участие в подготовке и осуществлении государственного переворота правыми силами с целью свержения правительства Енджея Морачевского в ночь с 4 на 5 января 1919 года. Тогда проявились симпатии руководства этого подразделения МВД к политической и общественной программе «Народной демократии».

Действия столичной полиции во время президентских выборов в декабре 1922 года были также неоднозначными. Сначала она допустила выходки боевых групп Демократической партии во время голосования в Национальном собрании, а затем сделала возможным проведение демонстрации с жестким поведением молодежи из Демократической партии в отношении членов Национального собрания и вновь избранного президента Габриеля Наратовича. В конце концов, невыполнение полицейскими органами основных обязанностей в сфере обеспечения личной безопасности президента сделало возможным совершение покушения на его жизнь 16 декабря 1922 года в Захеньче. Указанные примеры служебных недостатков в работе полиции позволяют сделать вывод, что руководство ГП относилось неприязненно к Габриелю Наратовичу как к президенту.

Своим поведением Государственная полиция давала понять, что она отождествляет себя полностью с политическими целями и жестокими методами действий «Народной демократии». В то время, когда Демократическая партия без обиняков атаковала левых и национальные меньшинства и избранного ими президента, угрожая переворотом, представители ГП и государственная администрация своей нерешительной позицией в определенной степени заявили себя сторонниками правых боевых групп. Это понятно, так как руководство ГП и государственной администрации оставалось тогда в руках людей, связанных с Демократической партией или иными правыми группировками. Директором Департамента общественной безопасности и прессы МВД был Стефан Урбанович, сочувствовавший «Народной демократии», Главным комендантом Государственной полиции являлся Виктор Ношовский, помещик, бывший офицер австрийской жандармерии, а обязанности комиссара правительства в столичном городе Варшава исполнял Марьян Божецки, в будущем сенатор от Народной партии, не скрывавший своих симпатий к правым. В то же время за столичную полицию были ответственными инспектор Юзеф

Сикорский, подинспектор Эдмунд Чиновский и надкомиссар Хенрик Гостыньский, также более или менее связанные с правыми силами.

Не совсем понятным было поведение тогдашнего министра внутренних дел Антони Каменьского. Маршал Сейма Мачей Ратая и премьер Юлиан Новак в своих воспоминаниях отмечали, что поведение министра в критические дни можно было определить во всех отношениях «как странное». Несмотря на замечания депутатов, Каменьский постоянно информировал об обеспечении выполнения подчиненными ему службами всех требований безопасности и одновременно производил впечатление растерянного и не способного ни на что человека.

Новый руководитель кабинета и одновременно министр внутренних дел Владыслав Сикорский в январе 1923 года уволил из рядов ГП несколько высших сотрудников: Сикорского, Гостыньского, Урбановича, Килиньского и Маньковского, наиболее ответственных за действия полиции в декабре предыдущего года. Однако несколькими месяцами позднее, когда остыли страсти, кипевшие в обществе, они снова были приняты в полицейский корпус, несмотря на публичные заверения в Сейме нового министра внутренних дел Владыслава Керника, что возвращение этих людей в полицию невозможно.

В то же время пилсудчики также предпринимали попытки завоевания влияния в рядах ГП. Эта сложная политическая ситуация в стране вызвала внутреннее разъединение полицейского корпуса. В результате этого Главный комендант ГП Хошовский издал специальный приказ, в котором отметил: «Происшествия последних дней и невиданный в истории Польши отвратительный факт покушения на жизнь президента РП вызвали возмущение населения и понятное в такие минуты волнение общественного мнения. Полицейские споры отразились эхом также и в зданиях государственных ведомств. С учетом того, что комментирование тех или иных политических событий в учреждениях и ведомствах государственными сотрудниками мешает нормальной работе и может вызвать нежелательные конфликты и неприязнь, предупреждаю всех сотрудников, чтобы они занялись нормальной работой и, прежде всего, обеспечивали сохранение служебной тайны». Удивительным явлением стало то, что уже стала забываться роль ГП в декабрьских событиях. В то же время заметно просматривалась проблема сплоченности полицейского корпуса, так как все чаще дело доходило до углубления политических конфликтов в его рядах.

В 1923 году произошла целая серия покушений с применением взрывчатых веществ, что вызвало большое беспокойство

у общественности. Необходимо отметить, что полиция очень быстро установила 2 подозреваемых лиц в совершении этих действий – В. Бачиньского и Е. Вечоркевича, офицеров ВП и легионеров. Это вызвало спекуляцию о политической основе покушений. С одной стороны, согласно ведомственной (полицейской) версии, это была диверсионная акция отечественных коммунистов, а с другой – ее трактовали как попытку скомпрометировать правыми силами бельведерский лагерь, связанный с личностью Пилсудского. Действия служб политической полиции по этому вопросу шокировали отсутствием объективности, запутанностью в политической интриге и, прежде всего, становились доказательством специфического понимания независимости этих служб. По вышеуказанным причинам Комиссия администрации и внутренних дел Сейма выделила депутатов С. Козицкого и Адама Прагера для расследования этого дела.

Прагер в своих воспоминаниях, изданных после войны в Лондоне, посвятил много места описанию механизмов функционирования политической полиции, а также как многолетний член комиссии Сейма раскрыл подоплеку многих политических афер, которые она расследовала. Главным «героем» всех дел был руководитель Варшавского управления политической полиции Юзеф Пёнткевич, которого Прагер представил следующим образом: «Пилсудчик, с помощью левых политиков получил свою должность... был интеллигентным, сообразительным, общительным человеком, производил впечатление интеллектуала. Он был лишен моральных сомнений, и ему казалось, что к его задачам относится выстраивание политики». Достаточно поверхностный анализ контрразведывательной работы полиции, произведенный комиссией Сейма, показал, что в ее деятельности господствовал принцип Макиавелли – цель оправдывает средства. Пёнткевич в беседе с членами комиссии, защищая линию деятельности политической полиции, цинично заявил: «Необходимо выбрать – кому верить, – Багиньскому и иным коммунистам, или тому, кто их выслеживает, и Чеховскому (полицейский информатор. – *Прим. А.М.*), который ему в этом помогает».

Представленный эпизод из деятельности специальных служб II РП является прекрасным примером того, что в демократических государствах раскрытие способов и методов деятельности этих служб всегда вызывало потрясение среди высших государственных властей. Трудно признаться в том, что в странах с демократическим правлением также должны действовать

службы, применяющие оперативные методы, часто осуждаемые с моральных позиций.

Переворот 1926 года был мероприятием, подготавливаемым с определенного времени узкой группой преданных Пилсудскому лиц. Они решали задачу по внедрению своих людей в институты органов государственной власти различных уровней. Такому проникновению была подвергнута также и полицейская среда. *Spiritus movens** лагеря пилсудчиков в органах Государственной полиции – Владыслав Ярошевич – в начале 1920-х годов был уволен из ГП, но, однако, сохранил много контактов и знакомств. Можно принять версию, что во многих полицейских округах находились сотрудники полиции, не только симпатизировавшие Пилсудскому, но и поддерживавшие конспиративную связь с участниками готовившегося переворота. Таким человеком был Мечислав Лелива Лиссовский, руководитель поморской Государственной полиции. Он еще перед майским переворотом вместе с воеводой Станиславом Ваховяком принимал участие в политических консультациях, организованных Пилсудским. В определенной степени благодаря ему поморская полиция не приняла участия в братоубийственной войне, что было успехом лагеря пилсудчиков. Только руководство силезской полиции отреагировало на призыв правящих властей и направило полицейские отряды в столицу. Несмотря на отсутствие непосредственных источников по вопросу отношения ГП к майскому перевороту, можно выдвинуть несколько общих предположений.

В большинстве случаев полицейские подразделения вели себя пассивно и не принимали участия в борьбе ни на какой стороне, выполняя только обычные функции в сфере полицейской службы. Особо следует подчеркнуть то, что обе стороны конфликта высоко оценили позицию полиции в ходе борьбы в Варшаве. Начальник Генерального штаба правительственных войск генерал Халлер в своих воспоминаниях написал: «Полиция вела себя образцово, в столкновениях участия не принимала, но обеспечивала и очищала тылы войск от нарушавших общественный порядок элементов». Также и Феликс Славой-Складовский, занявший здание Комиссариата правительства в столице, дал положительную оценку поведению полицейских, прибывших из Торуня: «Они выполняли приказ правительства и приехали в Варшаву, но ведь их обязанностью было соблюдение порядка в Торуне». Кроме того, руководство Государственной полиции спокойно и без протестов приняло

* Движущий дух.

смену власти в стране. Поэтому уже после окончания сражений 28 мая новый министр внутренних дел Казимеж Медзяновский отметил в специальном приказе: «Во время последних событий сотрудники ГП соблюдали невозмутимость на своих постах и в самых трудных условиях сохранили холоднокровие и спокойствие, не забывая одновременно об основных обязанностях органов службы безопасности придерживаться беспристрастности и объективности в своих поступках». Пилсудский также высказал свои похвалы в адрес полицейских.

Каждый переворот тесно связан с радикальными персональными изменениями на всех государственных уровнях. Сторонники прежнего режима уходят, а лагерь победителей ставит на ответственные должности в государственной власти своих сторонников. Следует признать, что после майского переворота не было никакой кадровой чистки в полицейских органах. Сначала изменения произошли только в руководстве Главной комендатуры ГП и некоторых воеводских комендатурах. В то же время офицерские кадры среднего уровня и рядовые полицейские не были подвергнуты какой-либо проверке. Можно предположить, что новая власть не намеревалась проводить революционную кадровую политику и отказываться от профессиональных кадров. Однако несмотря на это с течением времени стали вырисовываться негативные результаты доминирования одного политического направления в общественной жизни государства. На это обратил внимание Е. Суски в своих воспоминаниях: «В МВД переворот отразился, скорее всего, выгодно как на управлении, так и на моих личных отношениях (автор воспоминаний был пилсудчиком. – Прим. А.М.). Я никогда не использовал в служебных делах моих давних отношений с людьми нового режима и после мая относился к ним сдержанно, мои австрийские руководители хорошо помнили о моем участии в Польской военной организации в прошлом и начали деликатно выдвигать меня вперед».

После 1926 года элита власти начала ужиматься и стала закрываться от влияния извне. Критерии подбора ее представителей чаще всего носили в основном политический характер, а все остальное было не существенно. В ней доминировали представители территории, захваченной в прошлом Россией, и особенно восточных районов. Профессор Жарновский в своем труде отмечал, что к ней присоединились элементы, индифферентные в политическом и карьерном отношении. Это явление не миновало также полицейский корпус. С этим увязывался процесс прихода профессиональных военных в гражданские государственные службы, прежде всего в админист-

рацию внутренних дел. Сначала, по указанию Пилсудского, в 1928 году ряд высших офицеров был откомандирован на руководящие должности в органы центральной государственной администрации. В 1930-х годах наметилась тенденция увольнения из армии офицеров низшего уровня. Они должны были занять должности районных комендантов и начальников комиссариатов Государственной полиции. На практике такие действия вели к приданию полиции военного характера и ее подчиненности правительственному лагерю. Значение полиции во внутренней политике государства заставило Пилсудского обеспечить себе решающее влияние на кадровую политику в ГП и направления ее деятельности. Механизм руководства органами безопасности маршалом наиболее образно представил многолетний министр внутренних дел в послемайский период Феликс Славой-Складовский: «Я начал служить в МВД 4 июня 1930 года, а 6 июня 1930 года получил общие директивы внутренней политики от господина Маршала. Комендант еще раз напомнил, что после обеспечения выборов я возвращаюсь в армию. Таким образом, я должен был стать Министром внутренних дел, но не на постоянной основе, а на сдельной».

Как уже упоминалось, послемайский правящий лагерь предназначил Государственной полиции важное место в системе осуществления государственной власти и влияния на общественность. Поэтому не было единичным высказывание в 1937 году поморского воеводы Владыслава Рачкевича, который на служебном совещании полиции в воеводской комендатуре ГП в Торуне отметил: «Я желаю, чтобы вы были одним из осознанных элементов в укреплении настроения народа в службе государству... Взаимодействие всех государственных элементов ставит такую задачу, чтобы этот план по обеспечению обороноспособности государства и усилению работы для лучшего завтра был результативно реализован». Тем более, в ходе политических акций, например избирательной кампании, на полицию возлагалась кроме традиционных профессиональных обязанностей задача, «чтобы они не как сотрудники ГП, а как граждане старались проводить разъяснительную работу как среди своих подчиненных, так и в числе всех знакомых о правдивых тенденциях положения о выборах». Таким образом, по мнению представителей государственной власти, полиция должна была выполнять очень важную функцию в общественной жизни. Согласно утверждению А. Хытновского, полиция и политическая администрация практически заменяли своей активностью ячейки BBWR, которые население рассматривало не

как самоуправляемую общественную организацию, а как «отделение государственной администрации». Слишком антагонизированные политические отношения после 1926 года создали такую ситуацию, что полиция и иные государственные институты были задействованы в борьбе и конфликтах, которые наполняли политическую сцену II Республики. Принцип аполитичности полиции, так усиленно соблюдавшийся в предмайский период, был почти устранен из этического кодекса полицейских.

Одновременно культ личности Пилсудского стал все шире пропагандироваться в полицейских органах. В профессиональной прессе появились статьи, апологизировавшие фигуру и деятельность маршала: «Это тогда во второй раз появился среди нас человек, который уже один раз вывел нас из поращенной страны. Им был Юзеф Пилсудский. Он с тяжелым сердцем начал бороться с беззаконием, которое едва не привело нас к полному падению, и во второй раз дал нам свободу, которой мы в первый раз плохо воспользовались».

После 1926 года стало правилом, что государственные институты, в том числе ГП, принимали участие во всех личных торжествах Пилсудского. В 1927 году в первый раз празднично отмечались именины маршала. В 1930 году приказом Главного коменданта ГП был создан «Комитет для ознаменования именин Е. Пилсудского», задачей которого было выражение почестей и поклонения «духовному Вождю народа». Ежегодно происходили несколькодневные торжества, связанные с этим праздником, в которых принимали массовое участие полицейские. Все полицейские округа направляли в столицу делегации из нескольких человек для принятия участия в этих церемониях. В это время организовывались полицейское факельное шествие в Бельведере, торжественное богослужение, полицейские спортивные соревнования, торжественные заседания на местах. На них выступали в таком стиле, как, например, в 1934 году подинспектор М. Козелевский, воеводский комендант ГП во Львове: «Мы приехали, чтобы посмотреть, как столица чтит Вождя народа. Мы в провинции относимся к маршалу с симпатией не в меньшей степени, но таких прекрасных торжеств напрасно было бы искать у нас... Мы, полицейские со всех уголков РП, кроме этой симпатии к маршалу, о которой я сказал, вносим еще иные элементы – переигрывая друг друга. За этим столом мы представляем одно целое, хотя съехались с разных сторон. Мы окончательно уничтожаем разделявшие нас когда-то пограничные столбы, снесенные могучей волей маршала Пилсудского». В октябре

1933 года был открыт памятник Пилсудскому в казармах школы для рядовых ГП в Больших Мостах. Решающую роль в процессе интеграции полицейской среды играло также легионерское движение.

В условиях острой политической борьбы, которая имела место в конце 1920-х годов, между правящим лагерем и парламентской оппозицией стали все чаще осуществляться попытки использования в этой борьбе государственных институтов, в том числе и ГП. Как уже упоминалось, в предмайский период за влияние в руководящих кругах РП конкурировали две политические партии. Это были: лагерь пилсудчиков и Демократическая партия. После принятия власти сторонниками маршала в 1926 году лица, проявлявшие продемократические симпатии, по-прежнему оставались в рядах ГП. Бывший Главный комендант ГП Марьян Боженcki, один из лидеров Народной партии в 1930-х годах, сохранил влияние на многих сотрудников ГП из высшего звена. «На территории Государственной полиции находится группа Боженцкого. Кроме ряда таких бывших сотрудников ГП, как надкомиссар Сакаж, и действующих сотрудников надкомиссара Загурского и подкомиссара Завидзкого, работают надкомиссар Поражинский и постовой VI округа Бронислав Ясковский, входящий в состав VII Комиссариата ГП». Многие из них работали в органах политической полиции и с учетом этого имели доступ к информации конфиденциального характера. Марьян Боженcki подозревался в создании разведки на базе Лагеря Великой Польши, которая результативно проникала в МВД, Комиссариат правительства в Варшаве и полицейские органы. В январе 1931 года следственный отдел ГП в Тчеве получил информацию о том, что окружное управление Народной партии в Пельпине располагало платными информаторами в органах полиции и государственной администрации Поморского воеводства. Таким образом, кроме явной политической борьбы Демократической партии с правящим лагерем, здесь существовала закулисная борьба между этими двумя политическими силами за влияние в гражданском аппарате информационных служб.

Оппозиционные политические партии пытались также с помощью пропагандистских инструментов дезинтегрировать полицейскую среду. В 1930 году появилась анонимная прокламация, в которой в открытой форме была сделана попытка оказать влияние на полицию. Фрагменты этой листовки звучали так: «Рабочие и все трудящиеся люди ведут борьбу с беззаконием и насилием, применяемыми правительством Ю. Пилсудского. Сегодня у власти находится правительство явной

провокации, и поэтому борьба с этим правительством должна быть все острее... Рабочие все чаще будут выходить на улицы и демонстрировать свои требования. Правительство также все чаще будет вас мобилизовывать против рабочих. Задумайтесь над тем, в каких целях используются ваши функции? Вас используют для защиты тех, кто нарушает закон. Разве такая работа входит в обязанности полицейского, который пошел на службу, чтобы блюсти закон и защищать общество от нарушителей общественного порядка?»

В то же самое время коммунисты также предприняли попытку разложения полицейских рядов. На заседании ЦК КПП в 1931 году было принято воззвание к полицейским следующего содержания: «Отказывайтесь от разгона демонстраций, не будьте палачами ваших братьев, отказывайтесь защищать штрейкбрехеров, помогайте рабочим и крестьянам вооружаться для предстоящих боев. Не будьте слепыми и запомните, что сражение приближается, что оно будет массовым и ожесточенным... Против этой борьбы не выступайте». Оказалось, что сыщик из следственного управления в Катовицах передавал информацию тамошним коммунистам.

Видя, что попытки воздействия на ГП становились частым явлением, территориальные руководители полицейских ведомств издавали конфиденциальные распоряжения такого содержания: «Отмечаю, что некоторые политические организации в своей псевдоидейной деятельности ищут точки опоры даже в такой совершенно аполитичной организации, как полиция, рассылая воззвания в полицейские подразделения и на частные квартиры полицейских. Эти воззвания в первую очередь рассчитаны на эффект разложения в рядах полиции... Следует предпринять контракцию этой деятельности».

В послемайский период сфера заинтересованности информационных служб ГП подверглась существенному изменению. Кроме деятельности коммунистов и представителей национальных меньшинств, которая согласно тогдашнему закону имела все признаки антигосударственной, объектом инвигиляции и полицейских репрессий стала легальная антипилсудская оппозиция. Это было качественной разницей в характере деятельности политической полиции по сравнению с периодом до майского переворота 1926 года. Содержание информационных сообщений Комиссариата правительства в столичном городе Варшава подтверждает тезис, что внимание полицейских властей и политической администрации было сконцентрировано на наблюдении за разными формами активности лиц, профессиональных групп и легальных полити-

ческих партий, которые критически относились к политике правящего лагеря. Эта заинтересованность не ограничивалась только определением политических угроз (контрразведывательная деятельность), а была направлена также на установление идейно-творческой среды, которая могла быть податливой влиянию санацийного лагеря (наступательной деятельности). Поэтому в полицейских информациях много места также отводится как правым партиям (демократам, монархистам), так и центристам (ПКП «Пяст») и левым (ПСП). Определенная политическая ситуация, безотлагательные цели правящего лагеря имели решающее влияние на направление деятельности конфидентов и секретных сотрудников.

Сразу после майского переворота 1926 года внимание информаторов было сосредоточено, главным образом, на основном политическом оппоненте лагеря пилсудчиков – Демократической партии и родственных ей правых группировках. В уже цитированных информационных сообщениях Комиссариата правительства в столичном городе Варшава во второй половине 1926 года преобладали информации о Народно-национальном союзе, Союзе всепольской молодежи, Союзе национальной стражи и созданном в конце этого года Лагере Великой Польши. Это особая заинтересованность следовала из убеждения, что Демократическая партия будет стремиться вновь обрести влияние и позиции, которыми она обладала до майского переворота. По иным причинам много внимания уделялось остальным правым партиям, особенно монархическим. Тогда в правящем лагере родилась идея привлечь на свою сторону эту среду, которая принесла плоды благодаря встречам в Нещвеже и Дзикове. Полицейские репрессии применялись не только в отношении радикальных левых политических группировок, но также против крайних правых парамилитарных организаций, перенимавших фашистский опыт из Италии и Германии. В 1927 году в кругу заинтересованности полицейских органов оказалась Польская организация фашистов. Ее деятельность будила беспокойство и опасение своими попытками обратиться к бесславному опыту Польской готовности патриотов – организации, действовавшей в начале 1920-х годов, объединившей офицеров ВП и полиции с крайними правящими взглядами.

Со временем и изменением политической ситуации в стране менялись и главные объекты заинтересованности политической полиции. Весной 1927 года одним из них стала ПКП «Пяст», которая, согласно полицейским информаторам, подверглась политической инфильтрации со стороны Демократи-

ческой партии. В свою очередь, ППС рассматривалась как противовес коммунистическому влиянию в профессиональном движении. Полицейские власти проявляли интерес также к проникновению в левые рабочие и крестьянские партии коммунистов. Иная формула деятельности применялась информационными службами в ходе избирательной кампании. Они стремились тогда ознакомиться с полным спектром политических группировок, принимавших участие в избирательной кампании, в том числе с проправительственными партиями и их окружением (Союз совершенствования Республики, Партия труда). В полицейских информациях просматривается критическое отношение к кампании, проводимой BBWR.

Позиция и моральный авторитет, какими располагал католический костел в польском обществе, естественно вызывали заинтересованность полицейских служб политическими симпатиями представителей костельной иерархии. Попытки завоевания этих симпатий немедленно регистрировались политической контрразведкой (например, письмо М. Скрудлика, известного антипилсудчика, кардиналу Хлонде в 1928 году).

Интересна полицейская оценка политической и общественной ситуации в стране. Сообщения конфиденентов, как правило, сводились к представлению персональных расстановок и конфликтов в отдельных политических партиях, а также к определению отношения к правительству и маршалу Юзефу Пилсудскому. В своих действиях политическая полиция слишком много внимания уделяла фактам и ситуациям, сигнализовавшим о наличии в них политической опасности. Это вытекало из того, что сотрудники полиции следовали принципу «увеличительного стекла» в отношении отдельных событий и лиц, которые в действительности не заслуживали такого внимания со стороны Информационной службы ГП.

Когда пытаешься сравнить и оценить оба периода в деятельности полиции: предмайского и послемайского, думается, что лучше воспользоваться мнением уже цитировавшегося деятеля ППС, Адама Прагера: «Когда я обращаюсь к памяти тех дней (предмайский период. – *Прим. А.М.*), перед моими глазами встают замешательство и устрашающие лица сановников, которые на самом деле не знали, что делается под их патронажем и под их ответственностью. Они искренне возмущались, когда узнавали об этом от меня. Перед моими глазами также стоят лица позднейших сановников послемайского периода, которые знали обо всем и препятствовали в раскрытии правды в период «неизвестных виновников»».

Заключение

Характеризуя специальные службы II Республики, следует отметить, что наибольшее значение и влияние на их преобразование имели окончание военных действий на рубежах возрождающейся Республики, а также окончательное формирование территории и политическо-правового устройства в 1921–1922 годах. Именно тогда происходили события и явления общественного, военного и перестроечного характера, которые решающим образом повлияли на модель государства. В бурные 1918–1922 годы польское государство имело дело с приспособлением деятельности государственных институтов к условиям военного времени. Лишь после 1922 года образовалась единая и только в ограниченном варианте измененная после 1926 года система организации и функционирования государственных властей, в том числе и специальных служб. На деятельность этих служб большое влияние оказали военные действия. С момента окончания военных конфликтов, принятия мартовской конституции и избрания высших государственных властей на основе разведки и контрразведки сформировалась многосубъектная организационная модель. Кроме военных институтов (II Отдел Генштаба ВП), в этой деятельности принимали участие структуры охраны границы и полицейские службы, подчиненные властям политической администрации. Однако с учетом компетенции, полномочий, а также кадрового и материального потенциала решающую роль играли органы военной разведки и контрразведки. Как Пограничная служба, так и Корпус пограничной охраны выполняли вспомогательные функции. В 1930-х годах произошел заметный рост участия разведывательных органов Корпуса пограничной охраны в проведении профессиональных и самостоятельных разведывательных и контрразведывательных акций. В то же время политическое подразделение Государственной полиции с 1921 года, с согласия военных властей, приняло фактическое руководство по вопросам политической контрразведки, т.е. по борьбе с антигосударственной деятельностью и политическим шпионажем.

В межвоенной Польше, как и в большинстве стран с демократическим строем, существовало много субъектов, проводящих разведывательную и контрразведывательную деятельность. Они между собой конфликтовали, конкурировали и находились под контролем военных и гражданских властей.

Принципиальным пунктом при оценке деятельности специальных служб в межвоенный период является также определе-

ние роли и значения этих служб в общественной жизни II Республики. Это очень деликатная проблема, потому что при формулировании выводов и гипотез есть опасность нарушить пропорции и создать фальшивый образ позиции специальных служб. Вначале следует принять положение, что в Польше межвоенного периода функционировали органы военной разведки и контрразведки, информационные службы структур охраны границ и политическая полиция. Эти институты значительно различались между собой. Они имели разные сферы компетенции и разное организационно-правовое положение, отличались также с учетом традиций и опыта и кадровым обеспечением. Поэтому связанные с ними вопросы нашли свое место в отдельных разделах: одни посвящены II Отделу, другие – политической полиции. Специальные службы являются интегральной частью системы органов власти, управляющих государством. Главной их задачей было добывание достоверной информации, касающейся безопасности государства, и осуществление деятельности в целях обеспечения основных государственных интересов. Кроме этого объективного фактора, определяющего роль и значение специальных служб, нельзя обойти проблемы, связанные со специфическим способом деятельности, неограниченным доступом к информации принципиального значения для функционирования государства, естественными условиями для манипуляции. Они способствуют возникновению субъективного убеждения в больших возможностях повлиять на ход общественных и политических событий.

Несмотря на наличие нескольких случаев явного вмешательства этих служб в политическую жизнь, можно сказать, что во II РП они не переступали деликатной границы между демократическим государством и полицейским. Как политическая полиция, так и военные разведывательные и контрразведывательные службы были единым инструментом, реализующим задачи, поставленные высшей государственной властью. В то же время они находились под постоянным контролем парламента и правительства. Это не исключало острого соперничества между отдельными политическими партиями и группами за влияние в руководящих кругах специальных служб. Специфичным явлением для польских условий стала возможность сделать политическую карьеру бывшим работникам военной разведки. Наличие после 1926 года в биографии политика эпизода пребывания в «двойке» не дисквалифицировало его в общественной жизни, а даже способствовало достижению успехов на политической арене.

В работе много внимания уделено организации специальных служб и представлению главных направлений их деятельности, которые являются отражением основных проблем внутренней и внешней политики II Республики. Польские государственные интересы опирались, прежде всего, на постоянное наблюдение и контроль начинаний обеих соседей: с востока – советской России и с запада – Германии. Большинство сил и средств военной контрразведки и разведки, а также пограничных служб было сосредоточено на этих направлениях. Польские специальные службы в принципе не проводили глобальной разведки. Их деятельностью были также охвачены чешское и литовское направления, случайно выходящие за пределы этого круга заинтересованности. В то же время гражданские органы безопасности концентрировались на борьбе с коммунистической деятельностью и ирредентой национальных меньшинств и с силами, рассматриваемыми в качестве наибольшей внутренней угрозы общественному порядку в государстве.

В межвоенный период, особенно после 1926 года, стали происходить изменения и расстановка новых акцентов как во внутренней политике, так и во внешней. В то же время в деятельности специальных служб в принципе не происходило существенных изменений. Дело доходило только до определенных технических и профессиональных коррективов.

Интересные наблюдения приносит анализ международного сотрудничества в области разведки. II Отдел Главного штаба поддерживал близкие отношения с разведывательными службами, прежде всего, союзнических государств – Франции и Румынии. Как в сотрудничестве дипломатии и иных правительственных представительств, так и на разведывательной почве возникали недоразумения и конфликты. На основе собранного материала источников можно только с осторожностью сделать вывод, что военная разведка хорошо была осведомлена о слабости военных и политических союзов II РП. На этом фоне польско-чехословацкое разведывательное сотрудничество аж до 1936 года развивалось в положительном направлении. Польша и Чехословакия, находившиеся под угрозой немецкого ревизионизма, постоянно обменивались разведывательной информацией и организовывали совместные конференции информационного характера. Эта ситуация противоречила трудностям в отношении договоренностей в дипломатической плоскости.

Подытоживая вышеизложенные рассуждения, следует отметить, что исследование истории полицейских институтов, разведывательных служб и т.д. вызывает искушение инструмен-

тального трактования истории обществ и государств. Наряду с другими Януш Тазбир точно определил этот способ понимания истории как «полицейскую теорию истории», предполагающую поиск причин всех общественных событий и явлений в существовании и деятельности тайных союзов, полицейских агентов и т.п. Принятие заговорщической (агентурной) теории истории делает безличной и ненужной всю работу историков, старающихся установить объективные причины событий и обусловленности исторического процесса, но, что еще хуже, такое видение истории пользуется все большим успехом.

Библиография

1. 1. Архив новых документов

Группы:

Министерство внутренних дел (1918–1939 гг.),
Главная Комендатура Государственной полиции,
Главная канцелярия Главы государства,
Президиум Совета министров (1918–1939 гг.),
Архив Игнацега Падеревского,
Поступления из ЦА МВД (в 1989 г.).

Министерство внутренних дел – Политический департамент

2. Центральный архив Министерства внутренних дел (в данный момент в Центральном военном архиве)

Группы:

II Отдел Главного штаба Войска Польского,

Подгруппы: Основные документы (292),

Отдел IIa Разведывательный (282),

Реферат «Восток» (262),

Реферат «Запад» (289),

Отдел IIб контрразведывательный (278),

Самостоятельный реферат «Германия» (614),

Самостоятельный реферат «Россия» (615),

Реферат общих исследований (616),

Технический реферат (619),

Самостоятельный общий реферат (617),

Договорный реферат (618),

Разные обобщенные документы (263/R),

Отделение О. II № 1 в Вильно (279),

Отделение О. II № 2 в Варшаве (264),

Отделение О. II № 3 в Быдгощче (291),

Отделение О. II № 4 в Кракове (293),

Отделение О. II № 5 во Львове,

Военный атташат в Москве (265),

Генеральный комиссариат РП в СГГ (Свободном городе Гданьск) (288),

СИР КОК № 2 Люблин (272),

СИР КОК № 3 Гродно (273),

СИР КОК № 6 Львов (275),

СИР КОК № 8 Торунь (276),

СИР КОК № 1 Пшемысль (267).

СИР Командование флота Гдыня (270).

3. Центральный архив ЦК ПОРП (в настоящее время Отдел ААН)

Группы:

Главная комендатура полиции Силезского воеводства,
Воеводское управление во Львове,

- Воеводское управление в Торуне,
Воеводское управление в Луцке,
Воеводское управление в Познани,
Воеводская комендатура ГП в Люблине,
Воеводская комендатура ГП в Кракове,
Воеводская комендатура ГП во Львове.
4. Центральный военный архив
Группы:
Материалы Лауданьского,
Документы жандармерии,
Верховное командование Войска Польского,
II Отдел Главного штаба ВП.
5. Архив Пограничной службы в Кентшине
Группы:
Корпус комендатуры Пограничной службы,
Поморский окружной инспекторат ПС,
Мазовецкий окружной инспекторат ПС,
Малопольский окружной инспекторат ПС,
6. Архив Польского института и Музей им. Ин. В. Сикорского
в Лондоне:
Коллекция документов ген. К. Заморского.
7. Государственный архив в Катовицах:
Главная комендатура полиции Силезского воеводства,
Воеводское управление в Катовицах,
Верховный народный совет.
8. Государственный архив в Лодзи:
Воеводская комендатура ГП в Лодзи,
Воеводское управление в Лодзи.
9. Государственный архив в Щерадзе:
Районная комендатура ГП в Велюне,
Районное староство в Велюне.
10. Государственный архив в Кракове:
Воеводская комендатура ГП в Кракове,
Воеводское управление в Кракове.
11. Государственный архив в Быдгоще:
Воеводская комендатура ГП в Торуне,
Воеводское управление в Торуне,
Районная комендатура ГП в Хойницах,
Районная комендатура ГП в Щвечю,
Комендатура ГП в Быдгоще,
Районное староство в Выжыске,
Районное староство в Хойницах,
Районное староство в Сенпульне.

12. Государственный архив в Торуне:
Документы города Хелмна,
Документы города Хелмжы,
Районное староство в Торуне,
Магистрат города Торуня – I Отдел безопасности.
13. Государственный архив в Люблине:
Воеводская комендатура ГП в Люблине,
Окружное управление политической полиции в Люблине,
Отделение политической полиции в Люблине,
Районная комендатура ГП в Белой Подляске,
Районная комендатура ГП в Хелме Любельском,
Районная комендатура ГП в Хрубешове,
Районная комендатура ГП в Люблине,
Районная комендатура ГП в Любартове,
Районная комендатура ГП в Лукове,
Районная комендатура ГП в Радзыне Подляском,
Районная комендатура ГП в Томашове Любельском,
Районная комендатура ГП в Венгрове,
Районная комендатура ГП во Влодаве,
Районная комендатура ГП в Замоще,
Воеводское управление в Люблине – Общий отдел,
Воеводское управление в Люблине – Общественно-политический отдел.
14. Государственный архив в Белостоке:
Воеводская комендатура ГП в Белостоке,
Воеводское управление в Белостоке.
15. Государственный архив в Щедлицах:
Районная комендатура в Щедлицах.
16. Государственный архив в Кельцах:
Воеводская комендатура в Кельцах,
Районное староство в Кельцах.
17. Государственный архив в столичном городе Варшава:
Комиссариат Правительства г. ст. Варшава.
18. Государственный архивный Отдел г. ст. Варшава в Верхней Кальварии:
Полицейские документы районных комендатур и постов,
Государственной полиции Варшавского воеводства.
19. Государственный архив в Гданьске:
Генеральный комиссариат РП в Свободном городе
Гданьске.

II. Неопубликованные источники и отчеты

Вражеская диверсия на юго-востоке РП, работа II Отдела. Варшава, 1923.

- Геровский В. План «Запад» – генезис, эволюция, реализация (1918–1919 гг.). Военный исторический институт. Материалы и документы (далее – WIN MID). Шифр 1/3/40.
- Новиньский Т. Организация II Отдела Главного штаба 1918–1939 гг. (конспект). WIN MID. Шифр 1/3/71.
- Реевский М., Воспоминания о моей работе в Бюро шифров II Отдела в 1930–1945 гг. WIN MID. Шифр 1/3/44.
- Садовский Л. II Отдел Главного штаба (Результаты работы в мирное время и участие в подготовке к войне). WIN MID. Шифр 1/3/60.
- Отчет А. Щвитковского, составленный 23.02.1943 г. перед Полевым судом командования I бронетанкового механизированного I Корпуса. WIN MID. Шифр 1/3/47.
- Отчет Т. Шумовского, руководителя самостоятельного реферата «Запад» II Отдела, за период 19.03–27.08. 1939 г. WIN MID. Шифр 1/3/94.
- Шумовский Т. Польские формирования на Западе, Берн – Париж-Ангерс. WIN MID. Шифр V/21/70.
- Витровы З. Работа о деятельности II Отдела в межвоенный период. WIN MID. Шифр 1/3/17.
- Чехословацкая разведка в Польше, работа II Отдела ЦА МВД (Министерства военных дел).

III. Опубликованные источники

- Батовский Х. О польско-британских отношениях в сентябре 1939 г. (на основе архивных материалов Foreign Office – Министерства иностранных дел). – Международные дела, 1971, № 9.
- Чеплевич М., Згурняк М. Немецкие приготовления к агрессии на Польшу в 1939 г. (В свете отчетов II Отдела Главного штаба ВП). Вроцлав-Варшава-Краков, 1969.
- Чвенк Х., Старчевский Х. Несколько документов о зафронтной диверсии ВП в Заолзю 1934–1939 гг. – Военное историческое обозрение, 1994.
- Дневник и папки Шембека. Т. 1–4. Обработка Т. Комарницкого. Лондон, 1964.
- Документы и материалы по истории польско-советских отношений. Т. 1–6. Варшава, 1960–1967.
- Вестник законов МВД. 1919–1939 гг.
- Вестник законов Республики Польша. 1919–1939 гг.
- Гарлицкий А., Ставецкий П., Майский переворот в Польше в 1926 г. Подбор документов. Инструкция МВД на случай забастовки (от июля 1932 г.)
- М. Гринберг. – С поля сражений. 1967, № 9.

- Клееберг Ф. Проект организации военных властей и общей администрации июня 1939 г. Обраб. Е. Пивоварский. Военное историческое образование. Информационные сообщения Комиссариата Правительства в ст. г. Варшаве. Т. 1. Г. 1–2. Варшава, 1991–1992.
- Лудыга Ласковский Е. Материалы по истории верхнесилезских восстаний. Т. 1 (1919–1920 гг.). Катовицы, 1925.
- Докладная записка Начальника Главного штаба ген. В. Стахевича по вопросам кредитов на шестилетний национальный план строительства польских Вооруженных сил (декабрь 1936 г.). Обр. П. Ставецкий. Новейшая история Польши. Материалы периода 1914–1939 гг. Т. II. 1967.
- Оценка внутренних отношений в Войске Польском в 1919 г. в конфиденциальном документе министра военных дел. Ред. Е. Левандовский. – Научный выпуск WAP. Ист. серия. Р. 6. 1960, № 18.
- Революционные депутаты в сейме 1920–1935 гг. Подбор выступлений, депутатских запросов и выводы. Варшава, 1961.
- Польско-французские штабные переговоры в Париже (май 1924). Изд. Х. Булхак, П. Ставицкий. – Исторический обзор. Т. 17. 1976, № 1.
- Рудницкий С. Неизвестный документ по вопросу о Сылвестре Воеводском. – Исторический обзор. Т. 17. 1976, № 1.
- Лодзинское самоуправление и полиция. Собрание документов из выступлений А. Ржевского. Лодзь, 1923.
- Перечень бывших подразделений Войска Польского. Варшава, 1935.
- Стенографические отчеты о заседаниях Сейма РП. 1919–1939 гг. Указание Любельского воеводы, касающиеся определения своего отношения властей к украинскому вопросу на территории Любельского воеводства, от 31.01.1935 г. Обр. З. Маньковский. – Акцент. 1990, № 5.

IV. Дневники и воспоминания

- Барановский В. Беседы с Пилсудским, 1916–1931 гг. Варшава, 1938.
- Барыльский Б. Воспоминания из большевистских тюрем. – За решетками тюрем и т.д. Варшава, 1927.
- Бенедыкт С. Киевские «Исторические поправки». – Исторические дневники, 1975. С. 31.
- Буковский И. Из прошедших лет. Воспоминания офицера штаба. Варшава, 1974.
- Цомте А. Откровение адъютанта в Бельведере. Варшава, 1976.
- Дашиньский И. Дневники. Т. 1–2. Варшава, 1987.

- Длуголецкий. Последний отчет. Воспоминания бывшего польского офицера разведки в Вроцлаве. Лондон, 1988.
- Довбур-Муцницкий. Мои воспоминания. Варшава, 1935.
- Дрыммер В.Т. Дискуссионные группы и тайные организации. – Исторический дневник, 1972, д. 22.
- Дрыммер В.Т. Воспоминания. – Исторический дневник, 1974–1975, д. 27–31.
- Дымовский Т. Мои 10 лет в возрожденной Польше. Варшава, 1928.
- Дипломат в Париже (1936–1939 гг.). Воспоминания и документы Е. Лукашевича, посла РП. Лондон, 1989.
- Эден А. Дневники (1923–1938 гг.). Варшава, 1970.
- Фабрыцы К. Специальное подразделение. – Независимость. Т. 5. Лондон, 1955.
- Гарлицкий А., Здзеховский. О январском государственном перевороте. – Историческое обозрение, 1919.
- Гаврых И.А. Отель «Ломнитз». Из секретов руководителя разведки. Катовицы, 1947.
- Глабеш. Лаборатория. – Независимость. Т. 6. 1958.
- Грабский В. Два года работы у основ нашей государственности (1924–1925 гг.). Варшава, 1927.
- Халлер Е. Дневники. Лондон, 1964.
- Халлер С. Варшавские события с 12 по 15 мая 1926 г. Краков, 1926.
- Корайский С. Моя служба в Войске Польском, 1917–1939 гг. Лондон, 1965.
- Поель В. Немецкая агрессия на Польшу. Варшава, 1966 г.

*V. Работы, монографии, статьи и
дополнительные материалы*

- Абсхаген К.Н. Канарис. Штутгарт, 1955.
- Багинский Н. Войско Польское на Востоке, 1914–1920 гг. Варшава, 1920.
- Белецкий С.М. Оперативная разведка. Москва, 1929.
- Бохеньский А. Между Германией и Россией. Варшава, 1937.
- Длугайчик Секретный фронт на Чешинской границе. Катовицы, 1993.
- Доминичак Н. Охрана границы в 1919–1939 гг. Варшава, 1983.
- Дзевановский Д. Шпионаж. Варшава, 1938 г.
- Гондек Л. Польская разведка в III Рейхе, 1933–1939 гг. Варшава, 1978.
- Ястшембский М. Майор Ян Хенрык Жихонь, руководитель 3 Отделения II Отдела Главного штаба в Быдгоще (1902–1944 гг.). – Хроника Быдгоща, 1991, № 1.

- Щещняк А., Щота В. Дорога в никуда. Деятельность организации украинских националистов и ее ликвидация. Варшава, 1973 г.
- Стажинский Р. Очерк об организации Вооруженных сил. Варшава, 1930.
- Пеплоньский А. Польская разведка против СССР, 1921–1939 гг. Варшава, 1996.
- Пекарский В. Деятельность КОГ в бригаде в Подоле. – Исторический дневник, 1981, д. 57.
- Мисюк А. Деятельность польской полиции в Свободном городе Гданьск в 1920–1926 гг. – Полицейское обозрение, 1991, № 1.
- Мисюк А. Место Государственной полиции в структуре госаппарата II РП в 1919–1928 гг. – Новейшая история, 1991, № 2.
- Мисюк А. Немецко-советское братство по оружию. – Гданьский еженедельник Солидарность, 1990, № 33.
- Мисюк А. От МВД до постов ГП. История устройства полицейских и административных органов во II РП в 1919–1936 гг. Шчытно, 1988.
- Мисюк А. Организация политической полиции в Польше в 1919–1923 гг. – Проблемы криминалистики, 1989, № 185–186.
- Мисюк А., Пеплоньский А. Организация полицейских институтов во II РП, 1910–1926 гг. Подбор источников и документов. Шчытно, 1992.
- Мисюк А. Наблюдение за соседом. Польская разведка в СССР. – Гданьский еженедельник. Солидарность, 1991, № 30.
- Мисюк А. Советская дипломатия в отношении II РП. – Гданьский еженедельник. Солидарность, 1991, № 33.
- Пеплоньский А. Генезис Государственной полиции во II РП. – ZNASW, 1990, № 60.
- Козачук В. Вокруг «Энигмы». Варшава, 1986.
- Менцлевский А. Таможенники Свободного города. Варшава, 1971.
- Пеплоньский А. Участие органов безопасности II РП в изучении и разработке коммунистического движения в 1918–1926 гг. – Из поля сражений, 1982, № 12.
- Пеплоньский А. Сотрудничество военных и полицейских информационных служб в борьбе с коммунистическим движением в Польше, 1918–1926 гг. – Научное издание Академии Внутренних дел (далее ZN ASW), 1985, № 41.
- Скжипек А. Балтийский союз, Литва, Латвия, Эстония и Финляндия в политике Польши и СССР в 1919–1925 гг. Варшава, 1972.
- Вывра Т. Разведка и политика в польско-французских отношениях перед 1939 г. – Исторический дневник. 1984. Т. 67.

- Зулташек Е. У основ организации службы безопасности. Варшава, 1930.
- Левицкий С. Под знаком хризантемы. Из истории японской разведки в 1890–1945 гг. Варшава, 1987.
- Козачук В. Битва за секреты. Разведывательные службы Польши и Немецкого рейха, 1922–1939 гг. Варшава, 1975 г.
- Чилецкий Е. Исторические аспекты контрабандных преступлений. – ZN ASW, 1975, № 11
- Ходкевич К., Степек В. Разведывательная служба и защита против шпионов в Познани. 1925.
- Ядах Е. Государственная полиция в Келецком воеводстве в 1919–1939 гг. – Келецкие исследования. 1977, № 2. Р. 4.
- Микулич С. Прометеизм в политике II РП. Варшава, 1971.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От переводчика	3
Вступление	4

Часть первая

Органы военной разведки и контрразведки во II Республике

Глава I. Процесс формирования Военных информационных служб в 1918–1921 годах	12
Глава II. Организация разведывательного Центра II Отдела Генерального штаба ВП	27
Глава III. Территориальные органы глубокой и неглубокой разведки и контрразведки II Отдела	39
Глава IV. Главные направления деятельности разведывательных военных служб	57
а) Разведка на востоке	57
б) Разведка на западе	82
в) Разведка против Чехословакии	101
г) Разведка против Литвы	104
д) Наступательная контрразведка	106
е) Диверсия и участие в прометейской акции	125
Глава V. Разведывательные союзы II Отдела Генерального штаба ВП	135
Глава VI. Роль и значение II Отдела в общественной жизни II Республики Польши	148

Часть вторая

Организация разведывательных органов в структурах служб, охраняющих границу II Республики

Глава I. Информационный орган Пограничной службы в 1928–1939 годах	163
Глава II. Разведывательные органы Корпуса пограничной охраны	175

Часть третья

Политическая полиция во II Республике

Глава I. Создание и организационное развитие служб политической полиции в 1918–1939 годах.....	191
Глава II. Главные направления и общественно-политический облик контрразведывательных служб полиции	234
Заключение.....	257
Библиография.....	261

Анджей Мисюк

Спецслужбы Польши, Советской России и Германии

Организационная структура польских спецслужб
и их разведывательная и контрразведывательная
деятельность в 1918–1939 годах

Сдано в набор 25.03.12. Подписано в печать 15.07.12.
Формат 84x108/32. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Объем 8,5 печ. л. Заказ № 6444.

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Дом печати — ВЯТКА» в полном соответствии
с качеством предоставленных материалов.

610033, г. Киров, ул. Московская, 122.

Факс: (8332) 53-53-80, 62-10-36

<http://www.gipp.kirov.ru>; e-mail: order@gipp.kirov.ru

